

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

С. А. АРУТЮНОВ

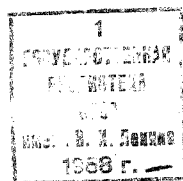
СОВРЕМЕННЫЙ БЫТ ЯПОНЦЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Главная редакция восточной литературы
Москва 1968

Ответственный редактор
Н. Н. ЧЕБОКСАРОВ

82742

Книга С. А. Аругюнова представляет первое в советской этнографической науке всестороннее глубокое исследование быта современных японцев. При описании быта автор уделяет большое внимание анализу изменений в различных сторонах жизни японцев, происходящих в результате взаимодействия и взаимопроникновения традиционной японской и западной культур. Книга написана очень живо, что делает ее доступной не только для специалистов, но и для широкого круга читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой работе автор сделал попытку дать возможно более полную картину образа жизни современных японцев: быта, привычек, материальной культуры (жилище, пища, одежда, утварь), занятий, облика японских городов и деревень. При этом автор основывался главным образом на личных наблюдениях, сделанных во время посещения Японии в начале 60-х годов¹.

В наши дни этнографу нередко приходится сталкиваться с трудностями, которые показались бы фантастическими классическому исследователю XIX в. Ныне этнографическая специфика отдельных народов, особенно их материальная культура, иногда изменяется быстрее, чем темпы подготовки и выпуска книг. Поэтому вполне возможно, что некоторые факты, приводимые в книге, уже устарели и путешественник, прочитавший ее перед поездкой в Японию, найдет японскую действительность несколько иной. Тем не менее эта книга все же может оказаться ему полезной как своего рода срез японского общества на уровне 60-х годов. В этом плане у автора имеются предшественники, среди которых в первую очередь надо назвать немецкого архитектора Бруно Таута, чья работа «Дома и люди Японии» написана в начале 30-х годов². При чтении этой работы особенно видно, насколько существенно изменилась жизнь в Японии. Подчас кажется, что описывается какая-то другая страна, ничуть не похожая на ту Японию, которую мы знаем сегодня.

Большую ценность представляют также работы Грэда, Эмбри и коллективная работа «Деревенская Япония»³. В этих работах дается комплексная картина быта сельского населения Японии в определенные эпохи.

Если бы мы располагали подобными комплексными зари-

¹ В работе использованы неопубликованные материалы, собранные Г. Е. Комаровским, за любезное предоставление которых, а также ценные консультации автор выражает глубокую благодарность.

² B. Taut. *Houses and People of Japan*. Хотя Таут уделяет особое внимание анализу жилища, его работа в значительной степени касается всех сторон материальной культуры.

³ А. Гред, *Земля и крестьянин в Японии*, J. T. Embree, *Suye, Mura...*; R. K. Beardsley, J. W. Hall, R. E. Ward, *Village Japan*.

совками быта на протяжении целого ряда последовательных периодов, динамика изменения народной культуры была бы видна гораздо более наглядно, чем в исследованиях, разбирающих в историческом аспекте изменения в каком-либо одном явлении культуры — в жилище, одежде или сельском хозяйстве.

Исследований второго рода очень много. Прежде всего, это исследования самих японцев. В японской этнографической науке можно выделить ряд четко отграниченных направлений. Одно из них, «миндзокугаку», или наука о народных обычаях, представлено школой Янагида Кунио. Ученые школы Янагида занимаются изучением верований, обрядов, форм традиционного народного искусства. Внимание исследователей этой группы обращено в основном в прошлое, в современной жизни их интересуют главным образом архаические пережитки.

Другое направление также называется «миндзокугаку», но пишется иначе (наука о народностях). Представители этого направления, среди которых особенно выделяются Исида Эйитиро, Явата Итиро, Ока Масао и Обаяси Тарё, уделяют основное внимание теории этнографии и этнографии народов мира; в применении к японцам их интересуют преимущественно вопросы этногенеза, а в современной жизни — в первую очередь явления, могущие служить индикатором этнических связей.

Третье направление, уже не столько входящее в этнографию, сколько смежное с ней, — это социология «сякайгаку». Японские социологи заняты главным образом изучением исторического развития различных форм семейных и общественных организаций японцев, моделей взаимоотношений индивидов в обществе и их современного состояния.

Более широко вопросы народоведения, обществоведения и бытоведения в применении к Японии исследуются учеными-японоведами других стран, преимущественно стран английского языка. Немало работ принадлежит русским исследователям. Так, в географических, исторических, культуроведческих трудах дореволюционных русских и советских ученых (Д. Н. Анучина, Н. В. Кюнера, Н. И. Конрада, Е. М. Жукова, Д. Позднеева, К. М. Попова и др.) содержатся ценные наблюдения и обобщения, непосредственно касающиеся вопросов японской бытовой культуры⁴. Отдельные, весьма интересные фактические материалы, наблюдения и умозаключения о современном образе жизни и быте японцев можно найти в публицистических статьях и некоторых книгах советских писателей, общественных деятелей и ученых, путе-

⁴ См. библиографию.

шествовавших по Японии⁵. Имеется целый ряд книг такого типа, принадлежащих перу зарубежных публицистов⁶.

Несмотря на большое число специальных исследований по отдельным аспектам культуры, все более ощущается острая необходимость в комплексном этнографическом описании современных народов.

В традиционном этнографическом описании быта и материальной культуры любого народа, как правило, в первую очередь уделяется внимание тому, что для данного народа специфично: национальной одежде, народному жилищу, манерам и т. д. Даже когда речь идет о заимствованиях, обычно имеются в виду заимствования аналогичных явлений какого-то другого народа, которому эти явления присущи как традиционно-национальные.

Настоящая работа существенно отличается от большинства общепринятых описаний такого рода, поскольку в ней уделяется особое внимание процессам складывания форм бытовых явлений новейшего времени, которые отличаются от традиционных. Такой подход объясняется тем, что в наши дни трансформация культуры всех крупных народов идет по иному, характерному именно для нашей эпохи направлению, т. е. путем распространения в данном конкретном народе и усвоения им отдельных черт и целых комплексов культуры, которую в общем верно, но в каждом случае несколько односторонне называют «европейской», «западной», «европейско-американской», «городской», «современной», «новой» и т. п. В настоящей книге эта культура тоже называется «западной», «европейской», поскольку более удачные термины еще не найдены. До сих пор, сталкиваясь при рассмотрении материальной культуры какого-либо неевропейского народа с появлением в ней «западных» элементов, этнографы зачастую ограничиваются констатацией этих элементов, не уделяя достаточного внимания специфике явлений, возникающих в результате сочетания национальной и «западной» культур.

Между тем описание современного быта и материальной культуры почти каждого народа, а тем более такого высоко развитого и культурного, как японцы, невозможно без рассмотрения места, которое в этом быту занимают явления «западного» происхождения и формы взаимодействия и синтеза «западных» и «традиционных» элементов.

Процессы взаимопроникновения разнородных культур,

⁵ И. Эренбург, *Японские заметки*; К. Симонов, *Рассказы о японском искусстве*; Н. Т. Федоренко, *Японские записки*; Г. Б. Навлицкая, *По Японии*.

⁶ У. Макош, *Япония сегодня*; К. Эрстрем, *Бамбуковый: фонарик*; F. Maraini, *Hokkaido, Japan's Northern Island*; F. Maraini, *Japan*; G. S. Sale, *Impressions of Post-War Japan*

естественно, интересовали японоведов-социологов, однако основное внимание уделялось при этом изменениям в области духовной культуры и общественных отношений⁷. Материальная же культура исследовалась мало. Работы, посвященные общим закономерностям и «модернизации» традиционной культуры в применении к материальной бытовой культуре, в Японии практически отсутствуют. Поэтому приходится базироваться почти всецело на результатах полевых наблюдений, дополняемых такими материалами, как строительные журналы или фирменные проспекты товаров широкого потребления, многочисленные журналы мод, рекламные проспекты и листовки, паспорта технической документации, газеты, иллюстрированные журналы, листки религиозной пропаганды, туристские путеводители и тому подобная печатная продукция.

В советской этнографической науке в последние годы появился ряд работ, в которых наряду с анализом специфических явлений эволюции культуры у отдельных народов показаны некоторые общие закономерности процессов перехода от традиционной культуры к новым формам быта.

Динамике процессов изменения и модернизации современного быта и поискам некоторых закономерностей этих процессов на конкретном примере японцев посвятил несколько небольших предварительных публикаций и автор этой книги⁸. Большинство материалов этих публикаций в переработанном и дополненном виде вошло в настоящее издание. Таким образом, целью исследования было не только предоставить читателю комплексное бытоведческо-этнографическое описание жизни современных японцев, но и проследить на этом примере некоторые пути и закономерности изменения бытовой стороны национальной культуры. Пример японцев особенно подходит для этого потому, что здесь мы имеем дело с процессами, развивающимися уже в течение целого сто-

⁷ Наиболее важные из современных работ в зарубежном японоведении следующие: J. C. Abegglen, *The Japanese Factory: Aspects of its Social Organization*; T. L. Doi, «*Amae*»; *A Key Concept for Understanding Japanese Personality Structure*; T. Fukutake, *The Revolution in Japanese Agriculture: Fact or Illusion?*; J. Horie, *The Problem of the Modernization in Japan*; I. Ishino, *Social and Technological Change in Rural Japan; Continuities and Discontinuities*; M. B. Jansen, *Changing Japanese Attitudes Towards Modernization*; Ed. Norbeck, *Postwar Cultural Change and Continuity in Northeastern Japan*; J. Numata, *Acceptance and Rejection of Elements of European Culture in Japan*; E. Vogel, *Japan's New Middle Class; The Salary Man and His Family in a Tokyo Suburb*; S. Wagatsuma, *Democratization of the Family Relations in Japan*.

⁸ С. А. Арутюнов, *Этнографическая поездка в Японию; Заметки о быте японских рабочих; Новые черты в японском женском национальном костюме*.

летия⁹, при очень большом различии между культурами, вступившими в контакт.

За период более чем полуторатысячелетнего существования японской народности различные явления ее материальной культуры, связанные по своему происхождению с разнообразными компонентами этногенеза японцев, в обстановке длительной относительной изоляции видоизменялись, что привело к образованию национального культурного комплекса, все детали которого были хорошо приспособлены к природной среде и исторической социальной обстановке.

В середине XIX в. создались условия для проникновения в Японию так называемой западной культуры, элементы которой во многом были противоположны и казались несовместимыми с ней.

В самом деле, такие основные признаки материального быта, как принципы построения интерьера и использования жилой площади, структурные определяющие характеристики костюма, основы кулинарии и сервировки, в этих двух культурах совершенно несходны. Так, например, в западном интерьере жилище разделено на специализированные помещения, различающиеся по обстановке, приспособленной для бытовых функций. Японский интерьер предполагает подвижность деления пространства и пол как основную поверхность, приспособляемую для любых функций. В основе западного костюма лежит поясной элемент (брюки, юбка), в японском же ведущим элементом служит плечевой халат — кимоно.

Две столь различные системы материальной организации быта некоторое время существовали рядом, без взаимного проникновения, но вскоре начался процесс взаимовлияний, идущий и до сих пор. При этом за многие десятки лет обе взаимодействующие системы, разумеется, не остались на первоначальном уровне. В них происходили и внутренние, не связанные с взаимовлиянием, прогрессивные изменения. Западная культура в Японии, как и везде, при этом испытывала воздействие общемировых изменений, а в японской культуре продолжались процессы прогрессивного развития, основы которых были заложены ранее. Но значительно более важными, по крайней мере для японской национальной культуры, были процессы взаимовлияния.

Почти все предметы современного японского городского быта, относящиеся к жилищу, одежде, пище, утвари, обстановке, и по сей день могут быть отнесены к одной из двух групп: к западной (по-японски «сэйёсики» или просто «ёси-

⁹ В 1968 г. Япония отметила сотую годовщину реставрации Мэйдзи, к которой принято относить начало ее «приобщения» к цивилизации западного типа.

ки») и к национальной японской (по-японски «васики»). Сами японцы в большинстве случаев без труда могут определить, относится ли предмет к западной или японской группе. Однако предмет, который в принципе может быть чисто японским, на деле часто включает в себя какие-либо детали или черты западного стиля. При этом имеется в виду совсем не тот факт, что, скажем, национальная гостиница может быть оснащена телевизором или телефонами: явления технического прогресса не принадлежат к той или иной этнической культуре. К этнической культуре принадлежат только те бытовые усовершенствования и изобретения, которые тесно связаны с привычными для нее навыками. Авторучка с кистью вместо пера — несомненно, изобретение, которое не может распространиться за пределы Японии или во всяком случае Восточной Азии, так как требует навыка письма кистью. Но технический принцип авторучки или любого ее усовершенствования, или новый вид синтетической ткани, или новый миниатюрный транзисторный телевизор, где бы они ни были изобретены, могут быть использованы людьми любой культуры, хотя и несколько различно, сообразно их национальным навыкам. Поэтому явления самых разных национальных культур могут совершенствоваться на основе технического прогресса.

Как пример явлений традиционного быта, включивших в национально-традиционную сферу элементы европейского происхождения, можно привести такие, как национальная гостиница, оборудованная западными ваннами, или национальное платье, сшитое из ткани, которая, взятая в отдельности, относится к западной группе (шотландка, вельвет, кружево), или даже из национальной ткани, но имеющее такие детали западного типа, как пуговицы.

В современном японском быту мы постоянно встречаемся с включениями западных черт в традиционные элементы культуры и традиционных черт в воспринятые западные элементы культуры, а также с явлениями сложного синтеза и взаимопроникновения разнородных по происхождению элементов.

Хотя статистический анализ элементов культуры и их удельного веса в общем этнокультурном балансе чрезвычайно сложен, тем не менее совершенно очевидно, что западные и синтетические формы в большинстве сфер деятельности современных японцев перевешивают долю чисто традиционных форм. Поэтому крайне важно, исследуя современный быт японцев, определить, в какой мере можно рассматривать использование японцами элементов западной культуры как явление, входящее в круг специфически японских этнографических проблем.

Складывание западной культуры происходило в свое время на базе отдельных элементов материальной и духовной культуры ряда конкретных европейских народов путем использования, переработки и обобщения присущих этим народам национальных форм одежды, утвари, музыки, танцев, манер.

Однако вряд ли где-либо в мире можно встретить эту интернациональную западную культуру в «чистом» виде, полностью лишенную местного колорита. Конкретно существуют лишь ее локальные и прежде всего национальные варианты.

Та западная культура, которую мы наблюдаем в Японии, и является национальным японским конкретным вариантом абстрактного «интернационального» современного культурного комплекса.

Формирование в рамках культур отдельных европейских народов национальных вариантов интернациональной западной культуры происходит постепенно и сравнительно легко ввиду близости бытовых навыков, оценок, вкусов данных народов к возникшим явлениям интернациональной культуры. Иную картину можно наблюдать в процессах, возникающих при соприкосновении западной культуры с развитыми культурами афро-азиатских народов. Подобные встречи и сопутствующие им процессы начались во многих странах в XIX в., но наибольшую интенсивность они приняли в наши дни, когда многочисленные освободившиеся от колониального гнета народы бурными темпами преодолевают унаследованную от колониальной эпохи отсталость. Обновление и ускорение развития экономики и культуры сопровождаются быстрыми сдвигами в области быта.

Сходные процессы трансформации быта происходят и в экономически высокоразвитых нациях.

Трансформация быта и материальной культуры в зависимости от конкретных условий в разных странах происходит по-разному. На направление и темпы изменения материальной культуры влияет не только существующая в данный момент социальная, политическая, экономическая обстановка, но и исторически сложившиеся представления, вкусы, этические взгляды и другие элементы национальной психологии.

Чтобы наметить пути выявления общих закономерностей этих процессов, что представляло бы не только теоретический, но и существенный практический интерес, необходимо их исследовать на примерах разных народов. В данной работе делается такая попытка в отношении Японии.

Глава I

СТРАНА И НАРОД

Географическая среда

Япония — островное государство. Помимо четырех основных островов — Хонсю, Хоккайдо, Кюсю и Сикоку — имеется еще множество мелких и мельчайших обитаемых островов, дающих приют нескольким или одной деревне, или даже нескольким или одному крестьянскому хозяйству. Хотя все мелкие населенные острова связаны с главными островами, их жители в ряде случаев образуют небольшие этнографические группы с местными обычаями и культурными традициями. Однако общая численность населения мелких островов совершенно ничтожна по отношению ко всей массе населения.

Море как бы пронизывает Японию. Оно не разъединяет, а связывает острова архипелага. Это молодое и мелкое море: геологически сравнительно недавно Японские острова были частью материка. Поэтому при всем своем многообразии природа Японии в общем однотипна. С древнейших времен моря Японии стали для людей торной дорогой. Как с камня на камень, переступали по мелким островам через внутренние моря первые насельники Японии. В современную эпоху человек дополнил естественные связи: под некоторыми морскими проливами сооружаются тоннели, некоторые из них пересекают железнодорожные паромы, над волнами проливов нависают пролеты мостов¹. Но и без мостов вода и земля Японии представляют собой единую, даже монолитную территорию, где все районы тесно взаимосвязаны.

Берега Японии сильно изрезаны. Почти с любой точки берега можно увидеть противоположный берег залива или пролива. Чаще всего он обрывистый и скалистый, с зубчатым

¹ Тоннель Каммон соединяет города Кита-Кюсю на Кюсю и Симоносеки на Хонсю. Начаты работы по прокладке тоннеля под Сангарским проливом между Хонсю и Хоккайдо. Проходящий над заливом Дакай мост Вакаато-охаси соединяет города Вакамацу и Тобата, мост Ондо-охаси — город Курэ с о-вом Ондо во Внутреннем море. Уже построена часть моста, который соединит о-ва Сикоку и Авадзи.

Поля в горной долине (преф. Гифу, сентябрь 1966 г.)

силуэтом гор. Только при виде этих гор с растущими на их вершинах изогнутыми соснами начинаешь понимать всю правдивость старых японских гравюр. Многие участки побережья, так же как и ряд неповторимых ландшафтов внутри островов, объявлены национальными парками. Таковы парки Сэто-Найкай с сотнями крохотных живописных островков, разбросанных на приветливой голубизне японского «средиземного моря», и Мацусима с ее причудливо источенными водой прибрежными скалами.

Япония — преимущественно горная страна. Горные хребты издавна были труднопроходимыми барьерами между различными частями страны.

Горы Японии не очень высоки, но круты и сильно расчленены. Крупнейшая вершина Фудзи достигает 3777 м, а максимальная высота остальных горных пиков лишь немного превышает 3000 м. Равнины и низменности, расположенные по большей части у морского побережья, занимают только пятую часть территории страны. Именно на них сосредоточено подавляющее большинство населения, тогда как в лесистых горах лишь на дне речных долин ютятся небольшие селения, а обширные площади крутых горных склонов вообще непригодны для жилья человека².

Горы Японии составляют часть вулканической цепи, опоясывающей западное побережье Тихого океана. Всего в стране насчитывается свыше полутора ста вулканов, из них треть действующих. Каждую неделю почву сотрясают толчки, обычно легкие и безобидные, но в 1923 г. весь Токио лежал в развалинах. Вулканы, считающиеся потухшими, могут пробудиться в любой момент.

Частые землетрясения накладывают свой отпечаток на быт японцев. Разумеется, случаи катастрофически большой разрушительной силы не могут быть предусмотрены или предупреждены, но слабые и средние толчки, происходящие очень часто, входят в естественный фон японского быта. Это находит отражение и в конструкции зданий и в размещении тяжелых предметов (только очень легкие предметы размещаются на полках выше уровня головы сидящего человека). Вообще стихийные бедствия в стране часты и нередко грандиозны: ливни, влекущие наводнения, «цунами» — океанские сейсмические волны — бич прибрежных районов. Своевременное оповещение иногда позволяет избежать катастрофических последствий, но спасательно-восстановительные работы обычно недостаточны, и каждое такое несчастье уносит много жизней, а еще больше семей оставляет разоренными.

На климат Японии влияет несколько факторов: островное

² Г. Треварта, *Япония*, стр. 107—111.

Поселения на равнине (Сикоку, февраль 1963 г.)

положение страны, теплые и холодные морские течения, проходящие у ее берегов, муссоны и, наконец, большая протяженность Японского архипелага в меридиональном направлении.

С севера на юг Япония, не считая о-вов Рюкю, протянулась от 45 до 30° с. ш. Но в результате сочетания теплых и холодных течений на этих пятнадцати градусах можно встретить климатические условия почти всех широт, от полярного круга до тропиков. На севере Хоккайдо чувствуешь себя как на Мурмане: деревья, скрюченные ледяными ветрами, обширные болотистые пространства, напоминающие тундру, голые горы, сырой и холодный климат. До южной точки острова отсюда около 400 км — меньше, чем от Москвы до Курска, но на этом пути можно встретить хвойную тайгу, приветливые леса русской средней полосы, пейзаж, типичный для Закарпатья или Молдавии, с пирамидальными тополями, с мягким бархатом зеленых гор, и закончить путешествие среди фруктовых садов и рисовых полей. На ясно видимой с южного берега Хоккайдо северной оконечности Хонсю уже вызревают персики. Центральный Хонсю имеет субтропический климат, мягче колхидского, а на юге Кюсю практически можно считать себя в тропиках. Но основные черты каждого из времен года в общем одинаковы по всей Японии: мягкая зима, крайне дождливое и жаркое лето, сухая и ясная осень.

Муссоны оказывают большое влияние на климат Японии. Зимние муссоны приносят с собой осадки в виде снега. Особенно много снега выпадает на западном побережье архипелага. В северных районах снежный покров достигает большой толщины, тогда как на восточном побережье, защищенном от муссонов горами, зимой преобладает относительно сухая и солнечная погода. Лето отличается жарой, духотой и очень большой влажностью: воздух, земля, растительность — все, как губка, пропитано влагой.

Водой сочится каждый камень японских гор. Капли ее сливаются в ручейки и буйные реки, с шумом скачущие по склонам к морю. Лишь немногие из них у самого устья становятся судоходными. Все реки таят огромные запасы энергии, и Япония охвачена густой сетью гидроэлектростанций, связанных линиями электропередач.

Как и другие страны с муссонным климатом, Япония подвержена сильным ураганам — тайфунам.

Специфика японского климата в еще большей степени, чем сейсмические условия страны, нашла отражение в особенностях национального жилища, костюма и других элементов материальной культуры.

Растительность Японии — одна из самых богатых и разнообразных на земном шаре. Здесь встречаются и влажные

тропические и субтропические леса с вечнозелеными деревьями, и хвойные леса в горах, и лиственные леса умеренного пояса на севере.

При этом характер растительности меняется в одинаковой степени как при продвижении на север, так и при подъеме в горы. На высоких нагорьях расстилаются «хара» — горные степи, покрытые кустарниками и грубыми травами. По японским лесам трудно пройти: они растут по крутым склонам гор, ноги скользят по влажной почве, проваливаются в гниющие стволы, лицо облепляет труха и паутина. Среди деревьев преобладают хвойные — сосны, кипарисы, криптомерии. Кроме них здесь можно встретить массу деревьев и кустарников, с которыми мы знакомы по нашим южным паркам.

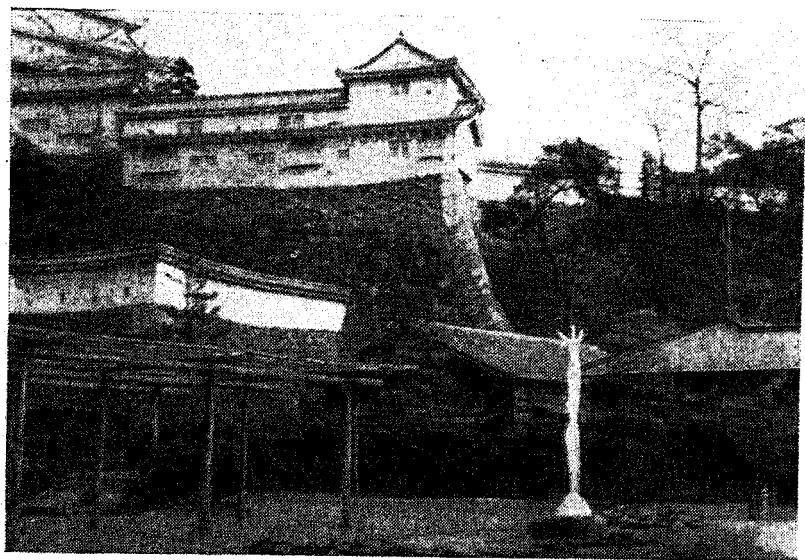
Многообразие растительности увеличивается благодаря тому, что по всей стране как бы перемешаны арктические и тропические элементы. На юге сосны уживаются с пальмами, а на севере подлесок березовых рощ состоит из бамбука. Много лесов вырублено человеком. Лесорубы работают на самых крутых склонах. Но в результате хорошо организованных лесовосстановительных работ лесные богатства Японии в основном сохраняются. Вырубленные участки засаживаются какой-либо одной из наиболее ценных пород. Нередко у крестьян на огородах можно видеть грядки с молодыми всходами сосенок.

Великолепная растительность, живописное чередование горных, долинных и приморских ландшафтов, островной характер страны делают Японию в наши дни излюбленным местом международного туризма. Широко развит в Японии также внутренний туризм, связанный с давними традициями паломничества к достопримечательностям.

В то же время богатство и разнообразие буйной природы Японии доставляют немало неприятностей ее жителям. Резкие сезонные климатические различия, частые стихийные бедствия наложили отпечаток на быт японцев, заставили их выработать своеобразные формы материальной культуры и соответствующие навыки.

Однако, несмотря на существенную разницу в географической широте между югом и севером Японии, различия в быту населения гораздо меньше, чем можно было бы предполагать. Поэтому нет надобности разделять Японию на этнографические районы, ее можно рассматривать как достаточно однородное, временами удивительно однородное целое.

Сердце Японии — ее индустриальный пояс с городами Токио, Осака, Нагоя, Кобе, протянувшийся по полосе прибрежных равнин и низких предгорий. Здесь трудно определить,

Замок в Химэдзи

где кончается деревня и начинается город, где кончается один город и начинается другой.

На десятки километров растягиваются сплошные линии причалов, складов, заводов, а там, где их нет, есть их «визитные карточки» — громадные рекламные щиты разнообразнейших компаний и товаров. Рекламы красуются на крестьянских полях, на опушках лесов, и нужно изрядно углубиться в провинциальную глушь, чтобы избавиться от их назойливой пестроты.

К северу от индустриального пояса лежат горные районы, сравнительно малолюдные, с заповедниками, парками, богатыми храмами и нищими деревнями. Самый северный район о-ва Хонсю (Тохоку) в Японии называют страной снега. Но понятия «север» и «снег» в Японии относительны. Здесь климат, как на Северном Кавказе, здесь центр производства фруктов. Но этот район является самым бедным в Японии. Это край соломенных крыш, страна крестьян и рыбаков. Эти горы дают промышленному поясу электроэнергию и рабочую силу.

К югу от промышленного пояса Центральной Японии, на западной оконечности Хонсю и о-вах Кюсю и Сикоку раскинулся аграрно-индустриальный район с богатой субтропической природой. Морской характер страны здесь виден более

ярко, чем в других местах. В этом районе выделяются отдельные своеобразные природные и экономические подрайоны. Так, о-ва Сикоку и Авадзи своего рода заповедник архаики, старинных обычаев, здесь корни многих самобытных явлений в традиционной японской культуре. Север Кюсю — это индустриальный ад металлургических заводов Явата, угольных шахт Миикэ, десятков и сотен предприятий самых различных отраслей промышленности. Юг Кюсю — это район влажных, почти тропических лесов и действующих вулканов. Здесь масса горячих источников, вокруг которых выросли фешенебельные курорты.

Остров Хоккайдо по ландшафту, природным условиям и быту его населения резко отличается от так называемой собственно Японии. Жители Хоккайдо до сих пор называют остальную Японию «найди» — метрополией. Население на острове смешанное, вместо обычных для японской деревни дробных диалектов здесь распространен стандартный литературный язык.

Еще сто лет назад японцев на Хоккайдо почти не было (кроме его южной оконечности) и весь остров населяли айны — рыболовы и охотники. Сейчас их осталось около 16 тысяч. Оттесненные в самые неудобные для жизни районы, айны — народ, тип и культура которого представляют одну из крупнейших этнографических загадок³, — уже почти забыли свой язык и обычаи и находятся накануне исчезновения.

Все шестимиллионное население Хоккайдо прибыло сюда из разных областей Японии в погоне за землей и счастьем. Действительно, уровень жизни на Хоккайдо пока выше, чем в собственно Японии. Однако жители Хоккайдо начинают испытывать тревогу. Для освоения имеющейся здесь в достаточном количестве свободной земли нужны капиталовложения. У крестьян же таких средств нет.

Японский быт на Хоккайдо специфичен. На острове сохранились сплошные пространства дикой, нетронутой природы — болота, величественные вулканические горы, озера и леса. Здесь бывают суровые зимы, поэтому дома солиднее, деревни совсем не похожи на японские — скорее они напоминают американские фермы с силосными башнями, красными железными крышами, со стадами скота на зеленых пастбищах. Хоккайдо находится в процессе освоения, одна из надежд японской экономики⁴. Жители Хоккайдо превратили его в весьма своеобразный этнографический

³ Подробнее об айнах см.: «Народы Восточной Азии», М., 1965, стр. 74—75; 93—95, 942—954.

⁴ S. Griffin, *Hokkaido Development Plans*.

район, который выглядит довольно экзотично для японцев, приезжающих сюда летом из собственно Японии в качестве туристов⁵.

Занятия

Япония является индустриально-аграрной страной, где высокоразвитая тяжелая и легкая промышленность сочетается с развитым высокотоварным сельским хозяйством. Еще сравнительно недавно, всего несколько десятилетий назад, в сельском хозяйстве было занято большинство населения, и с точки зрения быта и повседневного образа жизни большинства населения именно быт крестьян должен был рассматриваться как средоточие характерных национальных черт образа жизни, тогда как влияние индустриального города выглядело как нечто дополнительное, извне привнесенное в национальную среду, представляющее на ее фоне своего рода аномалию.

Именно такова была концепция многих довоенных исследователей японского быта, в частности американского ученого Эмбри⁶. Однако в наши дни городское население — промышленный пролетариат, «средний класс» (работники умственного труда), «белые воротнички» (служащие различных контор) — не только количественно, но и качественно доминирует в японском обществе. Быт городского населения может считаться национальным эталоном, определяющим образ жизни нации в целом.

Но поскольку в быту японского народа очень многое исторически восходит к традициям, корнями уходящим в сельский быт, разбор основных, наиболее распространенных среди японцев занятий мы начнем с сельского хозяйства. Основной отраслью сельского хозяйства в Японии является земледелие. Оно отличается чрезвычайной интенсивностью. Эта интенсификация достигается в результате огромной затраты ручного труда на единицу площади. Японское земледелие требует внесения также большого количества удобрений. Еще недавно самыми распространенными были фекальные удобрения (экскременты, навоз). Обычно различные отбросы сваливаются в неглубокую цементную цистерну, где при добавлении воды вся масса постепенно разлагается. На поля удобрения вывозятся в кадках. Японский крестьянин старается не столько удобрить почву, сколько подкормить растение, поэтому удобрения не разбрасывают по всему полю, а льют их раствор под растение. В наши дни преобладают химические удобрения, затем идут бобовые жмыхи, рыбные туки.

⁵ F. Maraini, *Hokkaido, Japan's Northern Island*.

⁶ J. F. Embree, *Suye Mura...*

Распространение химических удобрений объясняется не только нехваткой естественных, но и повышенным спросом предприятий общественного питания на овощи, выращенные без применения фекальных удобрений, т. е. более безопасные в смысле возможного заражения.

Кроме того, использование химических удобрений нередко экономически выгоднее, чем использование фекальных, требующих больших затрат ручного труда на транспортировку. Правда, в личном хозяйстве крестьянин-единоличник использует на удобрение все пригодные материалы, не считаясь с затратой собственного ручного труда. Однако вывоз удобрений из города в деревню, характерный для старой Японии, уже нерационален.

Главной культурой является рис. Сбор урожая старых сортов происходит в основном в октябре — ноябре, после чего поля перепахивают под озимые культуры.

В это время в Японии особенно часты тайфуны, которые нередко уничтожают часть урожая. Поэтому все большее распространение получают вновь выведенные ранние, скороспелые сорта риса, которые можно убирать уже в начале сентября. Они менее урожайны, чем осенние сорта, но им все же отдается предпочтение, ибо их урожай можно получить до наступления опасного периода.

На значительной части территории возможен сбор двух урожаев разных культур в год. Только в Северной Японии с ее долгими снежными зимами второй осенний сев вспомогательных культур на рисовых полях невозможен; зато на крайнем юге удастся в год снимать по два урожая риса.

При грядковой системе земледелия сменная культура подсаживается в междурядья, если они не залиты водой, еще до снятия урожая первой культуры, а после уборки старые грядки идут на окучивание молодых растений в междурядьях, в результате чего междурядья вырастают в грядки. Так чередуются, например, зерновые с бобовыми. Многие однолетние культуры, в других странах высеваемые непосредственно в поле, в Японии высаживают рассадой. Так, в частности, рисовую рассадку весной выращивают на грядках, а затем, ранним летом, пересаживают на поля, затопленные водой. Эта операция, называемая «тауэ», очень тяжелая, так как производится она в холодной воде, нередко под дождем (в июне летняя жара еще не наступает и бывает довольно прохладно). Распространение выращивания рассады объясняется отчасти тем, что на многих рисовых полях в мае еще созревают озимые посевы (пшеница, ячмень, рапс, бобовые растения). Часто несколько хозяйств кооперируются для выполнения «тауэ». Время начала «тауэ» отмечается различными красочными обрядами и религиозными церемониями.

Для рисоводства требуются ирригационные работы: проведение каналов, создание водохранилищ и т. п.; это совершенно не под силу одному мелкому крестьянскому хозяйству. Поэтому крестьяне организуются в кооперативы по совместному использованию воды. Как правило, главенство в таких кооперативах захватывают кулаки, которые используют распределение воды для еще большего закабаления малоимущего крестьянства.

В основном Япония обеспечивает себя рисом собственного производства. В первой половине 60-х годов ввоз риса составлял менее 5% его потребления в стране. Однако к концу 60-х годов следует ожидать увеличения ввоза риса, поскольку потребление его растет, а возможности для расширения производства, напротив, суживаются. На равнинные земли, пригодные для выращивания риса, наступают быстро растущие города. Поэтому многие крестьяне переходят от рисосеяния к садоводству и огородничеству как более выгодным занятиям⁷. Однако вряд ли привозной рис сможет когда-нибудь вытеснить японский, так как японцы считают, что вкусовые качества отечественного риса гораздо выше привозного, который идет главным образом на техническую переработку.

Очевидно, в Японии в дальнейшем сложится такое же соотношение между спросом на отечественный и импортный рис, какое сложилось в Англии между потреблением отечественной и привозной баранины. Определенные районы Японии, вероятно, сохраняют рисоводческий уклон, однако рисоводство все более теряет черты ведущей отрасли сельского хозяйства в целом.

Следующее место после риса по значению в питании населения занимают овощи и бобовые культуры. Из овощей наибольшее распространение имеют клубнеплоды и корнеплоды — батат, картофель, репа, редька (один из важнейших предметов питания японского крестьянина).

В меньших масштабах возделываются ямс, таро, конняку и другие специфически японские растения. Из бобовых ведущее место занимает соя, затем горох, арахис, фасоль. Возделываются также листовые овощи (кочанная капуста, салатная капуста и др.). Богарные зерновые — просо, пшеница, ячмень — дают хорошие урожаи, но суходольное земледелие играет в Японии второстепенную роль.

⁷ Террасные поля, распространенные в Японии и располагающиеся на склонах холмов в виде многоярусных террас-уступов, использовать под посевы риса сложно и дорого; поверхность каждого поля должна быть ровной, чтобы ее можно было равномерно затопить, т. е. чтобы толщина слоя воды в каждой точке данного поля была одинакова. Перспективы расширения площади террасного рисосеяния в Японии невелики.

Потребность в зерне сухолюбных злаков в Японии растет. Хотя печеный хлеб потребляется в небольших количествах, он все же является необходимым предметом питания. Много муки идет на производство очень распространенных в народном питании лапши и вермишели, на мучные добавки к различным полуфабрикатам и прочие цели. Однако производство зерна все время сокращается, ибо по цене японское зерно не может конкурировать с привозным американским. Лишь возделывание ячменя продолжает оставаться перспективным и широко распространено в местах высокого развития пивоварения — в Тохоку и особенно на Хоккайдо.

Динамика отношения импортного зерна к общему объему потребления зерна в стране видна из следующих данных⁸ (в %):

	1956 г.	1961 г.	1962 г.	1963 г.
Рис	5,5	1,0	1,3	1,7
Пшеница	62,5	59,0	61,1	71,6

В 1964 г. объем производства основных зерновых и овощных культур составил (тыс. т): рис — 12 584, пшеница — 1244, ячмень — 812, соя — 240, огурцы — 743, кочанная капуста — 1086, китайская салатная капуста «хакусай» — 1206, редька — 2807, огородный корневой чертополох «гобо» — 297, лотос (корневища) — 95, бамбук (ростки) — 61.

Из плодовых растений распространены апельсины и другие цитрусовые, яблоки, хурма, груши, виноград, сливы, персики.

Несмотря на мягкий климат, ранние фрукты, особенно столовые сорта винограда, выращиваются в оранжереях. Крайний север Хонсю и отчасти юг Хоккайдо производят основную массу яблок, север и центр Хонсю — косточковые плоды, сливы и персики. На юге и в некоторых центральных районах Хонсю, на Сикоку и Кюсю преобладают цитрусовые. Персики особенно распространены в префектурах Токио, Канагава, Окаяма, груши — в Сидзуока, Окаяма, Ниигата, Аки-та. Префектуры Яманаси, Ибараки, Нагано славятся своим виноградом. В Нагано выращивается также значительная часть урожая абрикосов, миндаля и грецких орехов. Вишня ранее рассматривалась в Японии не как плодовая, а как декоративная культура: плоды японской вишни «сакура» несъедобны. Парковые насаждения вишни и по сей день привлекают в пору весеннего цветения толпы желающих полюбоваться цветами. Однако в префектурах Ямагата и Фукусима появились и плодовые сады вишен европейских сортов. Япон-

⁸ «Japan Handbook, 1966», Tokyo, 1966.

ская хурма (каки) выращивается практически везде, но специальные плантации хурмы редки. В 1964 г. сбор основных плодовых культур составил (тыс. т): мандарины — 1209, летние апельсины — 200, хурма — 464, яблоки — 1090, груши — 318, персики — 202, виноград — 207.

Плодоводство в ряде мест значительно выгоднее рисоводства. Но в отличие от риса, урожай которого может быть реализован через несколько месяцев после посева, фруктовый сад начинает давать доход только через несколько лет после закладки. Поэтому крестьяне-бедняки, едва сводящие концы с концами, не могут перейти от рисосеяния к более выгодному плодоводству, так как в первые годы они вообще останутся без доходов. Только богатые крестьяне, получающие постоянный значительный доход и имеющие экономические резервы, могут позволить себе заняться плодоводством. В этом можно видеть одно из частных проявлений общего процесса, идущего сейчас в японской деревне, где крепкие средние фермерские капиталистические хозяйства становятся основной силой.

Правительство со своей стороны способствует этому процессу. Так, в 1961 г. в законодательном порядке было отменено ограничение площади земельных владений⁹.

Это мероприятие фактически было второй аграрной реформой послевоенного времени. Оно имеет целью создание крупных капиталистических хозяйств фермерского типа за счет разорения мелких собственников.

За исключением сравнительно небольшого числа чисто плодовых и пригородно-овощеводческих высокоспециализированных хозяйств большинство крестьян обеспечивают себя своим рисом и овощами. Это относится как к районам, где рис не является основной культурой, так и к районам рисовой монокультуры. Так, на равнине Тонами среди сплошных рисовых полей прячутся крошечные огородные делянки, рассчитанные только на собственное потребление. Такие же продукты, как лапша, некоторые специфические маринады и соленья, крестьяне в основном покупают.

Крестьянки-домохозяйки неоднократно говорили автору, что если раньше, особенно в довоенное время, они сами готовили соевые продукты, соус «сёу» и пасту «мисо», то теперь им уже некогда этим заниматься (производственные работы поглощают все больше времени в ущерб домашним) и эти продукты приходится покупать.

Технические культуры не играют особенно большой роли. Среди них заметное место занимают чай, табак, масличные

⁹ В. А. Попов, *Аграрный закон 1961 г. и его сущность*, — сб. «Современная Япония», М., 1964.

Молотьба (преф. Нара, уезд Симоити, июнь 1960 г.)

культуры (лен-кудряш, клещевина). На крестьянских участках выращиваются саженцы хвойных деревьев, сбываемые лесопромышленникам для лесовосстановительных работ, цветы на срезку, трава игуса, идущая на обшивку соломенных матов — татами, и другие своеобразные культуры. В Японии почти не выращиваются волокнистые культуры, и весь хлопок, а также шерсть, в которых нуждается японская текстильная промышленность, ввозятся.

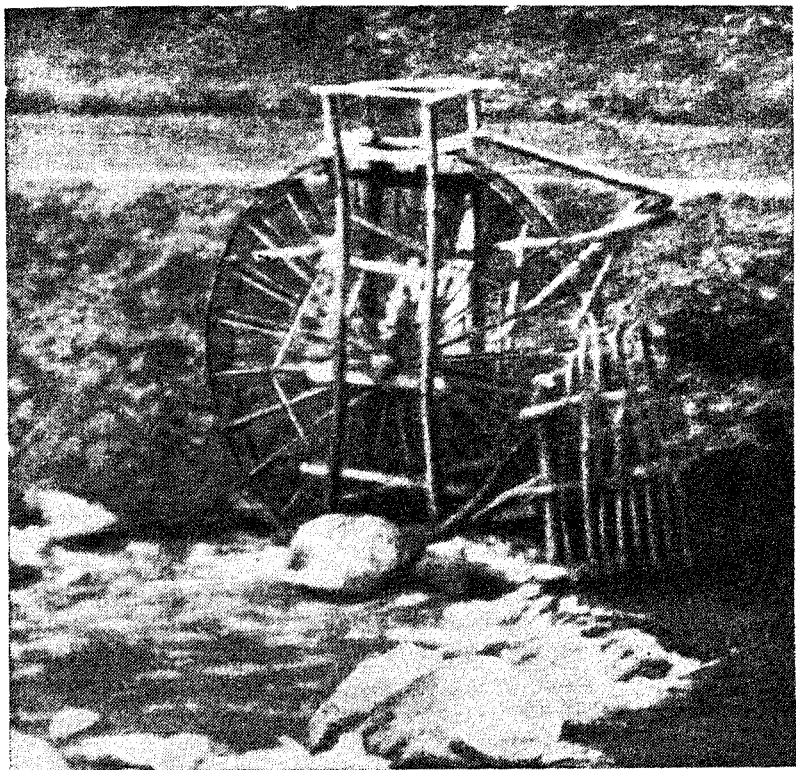
Исстари японский крестьянин для обработки земли, уборки урожая и других сельскохозяйственных процессов пользовался ручными сельскохозяйственными орудиями. Далеко не каждый мог содержать тягловое животное — корову или вола, да и карликовый размер самих земельных участков приводил к тому, что практически в Японии преобладали мотыж-

Пропахивание посадок таро под Токио (начало июня 1960 г.)

ные методы возделывания земли. Разумеется, эти методы носили вторичный характер и несопоставимы с настоящим мотыжным земледелием, которое не знает плуга. Каждый японский крестьянин знал плуг и пользовался им, когда имел возможность.

В конце 50-х — начале 60-х годов многие трудовые процессы были механизированы. Так, наряду с мотыгой и плугом, влекаемых коровой или волом, чаще всего на поле можно увидеть небольшую моторную фрезу или садово-огородный трактор («коунки») с подвесным культиватором, управляемый идущим сзади человеком. Необходимым орудием в современном сельском хозяйстве Японии стали моторные и ручные опрыскиватели и опылители. Они имеются практически в каждом хозяйстве, ибо только применение ядохимикатов позволяет получать достаточно высокий для ведения рентабельного хозяйства урожай. Во многих хозяйствах имеются молотилки, веялки. Кое-где есть и механизмы для первичной обработки сельскохозяйственных продуктов: крупорушки, чаесушильные установки и т. д. Однако наиболее трудоем-

Водочерпальное колесо (преф. Нара, долина Ёсино)

кий процесс посадки риса — «тауз» остается целиком ручным. Нехватку рабочих рук в период «тауз» бедная часть крестьянства восполняет за счет старых традиций поселковой взаимопомощи (оказывающих помощь угощают и раздают им рисовые лепешки «моти», а получившая помощь семья на следующий день в свою очередь помогает соседу). Кулацкие же хозяйства прибегают к найму дополнительных рабочих.

Уборка урожая в значительной степени производится вручную и в ряде случаев требует найма сезонных рабочих.

При поливном рисосеянии для перекачки воды и залива поля используется насос. Он позволяет регулировать орошение и орошать возвышенные места из расположенных ниже водоемов. Однако даже это полезное и не столь дорогое орудие в крестьянском хозяйстве встречается не всегда. Оно и по сей день в беднейших хозяйствах заменяется водяным ко-

лесом, приводимым в движение ногами человека. Там, где позволяет сила течения, используются нории — колеса с черпаками, вращаемые водой. Еще в 1960 г. автор наблюдал эти архаичные механизмы в действии в районе Сэндая и в горных районах префектуры Нара (уезд Ямато-Симоити).

Оснащенность хозяйств механизмами крайне неравномерна. В богатых хозяйствах сосредоточено большое количество сложных механизмов. Беднейшие хозяйства их почти не имеют и вынуждены арендовать их у богатых владельцев по высокой цене.

По свидетельству одного крестьянина из префектуры Вакаяма, функционера влиятельной общественной организации, садово-огородный трактор имеют около 70% хозяйств. Сопоставление с другими данными, в частности полученными от служащих соответствующих муниципальных отделов префектур Тояма, Нагано, Гифу, Аити, подтверждает такую оценку. При этом следует иметь в виду, что в горных и северных районах уровень механизации ниже, чем в равнинных районах Центральной Японии.

Характерная черта японского сельского хозяйства — крайне малое количество скота. Основным рабочим скотом являются коровы. Местная корова дает так мало молока, что его едва хватает для вскармливания теленка. В то же время эта корова отличается силой и выносливостью, она нетребовательна к пище и помещению. Лошади как рабочий скот применяются в некоторых хозяйствах, главным образом на Хоккайдо. В 1966 г. в Центральной Японии имели рабочий скот около 30% хозяйств (по данным опроса). В тех деревнях, где автор имел возможность сам определить приблизительную численность скота, этот процент составлял 20—25. Это относится к префектурам Нара, Токио, Канагава, где сельское хозяйство носит специализированный пригородный характер.

В последние годы у части кулацких хозяйств в центральной части и на севере Японии стало распространяться товарное молочное животноводство с разведением европейских и американских пород скота. По данным обследований и опроса автора, молочное животноводство ведут комплексные хозяйства, имеющие обычно четыре-шесть коров. Доход от животноводства составляет в этих хозяйствах значительно менее половины общего дохода. Мелкого рогатого скота (коз и овец) в Японии очень мало.

Во многих крестьянских хозяйствах разводят свиней, а также домашнюю птицу. В некоторых из них птицеводство является основным направлением. Есть хозяйства, имеющие большие — на сотни кур — клеточные стеллажные курятники. В ряде случаев, когда одному хозяйству не под силу об-

служивать такой курятник, он содержится при поселковом кооперативном объединении.

Свиноводство, напротив, чаще носит подсобный характер — в хозяйстве выращивается одна свинья. Ограниченное развитие свиноводства в известной мере связано с санитарными ограничениями: запрещено держать свинью, если ближе ста метров находятся чужие жилые постройки. По данным опроса, проводившегося автором в западных пригородах Токио в 1960 г., с увеличением плотности застройки, с проникновением в сельские местности построек и предприятий городского типа и особенно широкого загородного жилого строительства, свиноводство как подсобное занятие все более сокращается.

До второй мировой войны особо важное значение имело шелководство. Япония была крупнейшим в мире экспортером шелка-сырца. Почти весь шелк экспортировался в США. В годы войны значительная часть тутовых деревьев была вырублена и земля занята продовольственными культурами. Это разорило массу крестьян-шелководов. Практически шелководство, некогда игравшее такую большую роль в японской деревне, после войны почти сошло на нет, не выдерживая конкуренции с синтетическим шелком. Амбары со стеллажами для червей использовались по другому назначению или были заброшены, вместо тутовых деревьев на межах высаживались фруктовые.

Однако в 60-е годы наметился новый подъем шелководства в связи с возобновлением мирового спроса на ткани из натурального шелка. Шелк в основном опять вывозился, но уже в виде тканей.

Шелководство, издавна бывшее важным подсобным занятием японских крестьян, в связи с этим снова занимает довольно существенное место в сельском хозяйстве. Как правило, шелковичные деревья высаживаются на межах, однако иногда под них отводятся специальные участки земли, так называемые кува-батакэ (шелковичные поля). Деревья имеют вид сравнительно небольших кустов, с мощным комлем короткого ствола, так как все молодые побеги у основания обрезаются и скармливаются червям.

В тех хозяйствах, где этот промысел сохранился, культурой шелковицы и разведением гусениц шелкопряда занимаются женщины и дети, но размотку коконов крестьяне в отличие от довоенного времени редко производят сами, а сдают их на шелкоразмоточные предприятия, которые скупают коконы по оптовым ценам.

В японской деревне издавна существовало множество разнообразных мелких промыслов, основанных на семейном и отчасти наемном труде крестьян, таких, как производство

изделий из бамбука, соломы (корзины, шляпы), производства деревянной обуви (гэта), циновок, керамики и т. д.

В наши дни подобные промыслы индустриального характера переместились из деревень в мелкие города, где ими занимаются семьи, уже не связанные с сельским хозяйством. Это вызвано растущей специализацией ремесленного производства, интенсивным внедрением мелких механизмов, разделением труда по операциям. Промыслы, сохранившиеся в деревне, связаны с животноводством и растениеводством — это разведение саженцев лесных и декоративных пород, разведение декоративных рыбок на продажу и т. п. Однако отдельные растениеводческие промыслы, которые носят не грядковый, а стеллажный характер, в значительной мере переместились в эти мелкие города. К ним относятся выращивание горшечных декоративных растений, искусственное разведение древесных съедобных грибов в штабелях поленьев и некоторые другие промыслы. В некоторых небольших районах тем не менее удержались и получили дальнейшее развитие сельские ремесла, в частности художественное шелкоткачество. В этих районах станок имеется в каждом доме и ремесло из подсобного промысла превращается в главное занятие, а земледелие приобретает чисто вспомогательный характер. Таким образом, даже в этом случае сохраняет свою силу процесс дифференциации промышленного производства от сельского хозяйства, а деревни в таких мелких ремесленных районах имеют тенденцию перерастать в те же самые мелкие города.

До второй мировой войны в сельском хозяйстве Японии основными фигурами были помещик, нередко живший в городе, вдали от своих владений, и крестьянин-арендатор. Это положение изменилось в результате аграрной реформы 1946—1949 гг., которая подорвала основы помещичьего землевладения; выиграли от нее прежде всего крупные арендаторы, купившие большие участки земли, большие, разумеется, по японским масштабам, где нередко 3 га поливной земли — уже крупное владение¹⁰. Исключение составляет остров Хоккайдо, где имеются действительно крупные фермы — капиталистические хозяйства.

Прослойка кулачества после реформы сильно увеличилась и элементы капитализма стали преобладающими в сельском хозяйстве страны. Однако малоземелье по-прежнему осталось проблемой японского крестьянства.

Широкое развитие получил труд батраков. Особенно боль-

¹⁰ До 1961 г., когда были отменены послевоенные ограничения в земельной собственности, 3 га считались максимальным размером земельного сельскохозяйственного владения (кроме Хоккайдо).

шие выгоды приносит использование наемного труда в высокоспециализированных хозяйствах, где рисоводство заменено плодоводством и овощеводством. Для крестьян северо-западного побережья батрачество в плодоводческих районах юго-восточного побережья стало формой отхожего промысла (декасеги). На северо-западном побережье зима с обильными снегопадами — мертвый сезон для сельскохозяйственных работ, тогда как на юго-восточном побережье как раз на эти месяцы приходится основной период плодоношения цитрусовых и связанная с этим острая нехватка рабочих рук для сбора урожая. Более слабые хозяйства, которые не могут позволить себе использовать наемный труд, вынуждены разводить разные овощи и плодовые деревья, чтобы уборка урожая и другие трудоемкие работы могли быть распределены более равномерно в течение года.

Есть еще одна причина, по которой японские крестьяне, несмотря на небольшие размеры земельных участков, стремятся вести многоотраслевое хозяйство: таким путем они пытаются застраховать себя от возможного неурожая или низких цен на какие-либо виды продукции. Как правило, если многоотраслевое хозяйство терпит ущерб от неблагоприятной ситуации на рынке для какого-нибудь из видов его продукции, то этот ущерб компенсируется особо высоким урожаем или особо благоприятными условиями сбыта какого-то другого вида продукции, в то время как остальные виды остаются на среднем уровне.

Примером такого многоотраслевого хозяйства может служить обследованное автором хозяйство одного зажиточного крестьянина в деревне Т. близ Нара. Это богатое хозяйство — оно имеет двухколесный ручной трактор, около 3 га земли и восемь коров. Семья крестьянина состоит, кроме него самого, из его отца, удалившегося по старости от дел и уступившего положение главы семьи сыну (японский обычай «инкё»), матери, сына, жены сына и внучки-школьницы. Работают в поле, таким образом, трое — хозяин, его сын и сноха, а мать занимается домашним хозяйством. Кроме того, есть две батрачки.

Это высокотоварное хозяйство: в семье каждый потребляет только по стакану молока в день, молочных продуктов не производится, а почти весь надой реализуется через кооператив. Большая часть кормов — жмыхи, комбикорм, рыбная мука — закупается, в самом хозяйстве заготавливаются только солома, ботва, выполотые сорняки. Возделываются рис, огородные культуры, кукуруза; имеется плодовый сад, дающий товарную продукцию, и чайная плантация, продукция которой перерабатывается на собственной чаесушильной установке, занимающей один из амбаров большой усадьбы.

В Японии на протяжении многих десятилетий наблюдались аграрное перенаселение и скрытая безработица, которые в деревне проявляются в своеобразной форме «проблемы вторых и третьих сыновей».

«Вторые и третьи сыновья» — это буквальный перевод японского термина «дзисаннан», обозначающего всех сыновей в семье, кроме старшего. Сюда могут относиться и четвертый и пятый сыновья. Старший сын называется «тёнан».

Для того чтобы не раздробить совсем свое карликовое хозяйство, японский крестьянин передает его старшему сыну. Все остальные дети в семье становятся «лишними». Они переходят на положение батраков, нанимаются на окрестные предприятия, работают поденно и т. д.

Майорат после войны формально отменен, но карликовые наделы практически дробить невозможно. Поэтому младшие сыновья, как и прежде, попадают в категорию избыточного населения в деревне. В горных деревнях они зарабатывают на жизнь промыслами, например разведением золотых рыбок на экспорт; чаще же такие лица уходят в города, где, не имея жилища, вливаются в ряды низкооплачиваемого пролетариата, живущего в фабричных общежитиях ¹¹.

Некоторые хозяйства, правда, воспользовались законом об отмене майората и разделили землю между несколькими наследниками, но такая практика не получила большого распространения. В последние годы уход «дзисаннанов» в город обуславливается не только «выталкивающими» факторами, но и «притягивающими». Это надежда получить образование и сменить физическую работу поденного рабочего на умственную работу конторского служащего. Это стремление к городской жизни с ее разнообразием и развлечениями. Это надежды на более высокий уровень жизни, на нормированный рабочий день и другие блага, которыми пользуются промышленные рабочие по сравнению с крестьянином. Если «выталкивающие» факторы действовали только на «дзисаннанов», то «притягивающие» распространяются и на «тёнанов».

Однако сложившаяся практика майората ведет к тому, что старший сын с ранних лет начинает участвовать в сельскохозяйственном труде, поскольку ему надлежит унаследовать от отца хозяйство. В это время его младшие братья продолжают свое образование, готовясь к хотя и менее надежной, но зато более привлекательной городской карьере. Такое положение вызывает недовольство «тёнанов», которые также желают получить образование, что ведет к конфликту между отцом и сыном. Ранее эти конфликты сдерживались

¹¹ J. C. Abegglen, *Subordination and Autonomy Attitudes of Japanese Workers*

суровой системой семейной дисциплины, беспрекословным почитанием и подчинением главе семьи, господством патронимической идеологии, которая на первое место ставила нерушимое продолжение семейных традиций, сохранение и развитие семейного хозяйства. Великая переоценка ценностей, происходившая в Японии после поражения в войне, если и не разрушила целиком эти традиции, то в значительной мере их расшатала. В результате в наши дни можно видеть, как многие «тёнаны» при жизни отца, несмотря на его запрет, выходят из своего хозяйства и уходят в город в надежде работать и учиться.

В деревнях, удаленных от промышленных центров (в горных деревнях, в деревнях северо-восточного района Тохоку и примыкающего к Японскому морю района Саниндо), издавна широко практиковалось отходничество. Однако в наши дни традиционное отходничество на лесные промыслы, на углежжение, на рыбные промыслы все более теряет свое значение. Основной формой отходничества становится уход на дорожные работы, на строительные работы в крупные города. Во многих деревнях этим занимаются все взрослые мужчины, в том числе и главы семей. В зимние месяцы в деревнях остаются только женщины с детьми и глубокие старики. Понятно, что такая практика порождает целый ряд проблем и трудностей. Один из японских авторов отмечает, что в 1963—1964 гг. примерно 300 тыс. крестьян, большинство которых составляли мужья и отцы семейств, провели более месяца в работе вдали от дома, «что не может не действовать дезорганизующе на семейную жизнь»¹².

Положение жителей равнинных районов несколько лучше. При большой густоте населенных пунктов в этих районах избыточное население деревень находит, хотя и не всегда, работу в ближайших городах. Здесь почти в каждой крестьянской семье один из ее членов является промышленным рабочим. Эти люди ежедневно ездят в город (до ближайшей станции пригородной электрической дороги на велосипеде, а затем, сдав велосипед, поездом). Понятно, что это способствует урбанизации быта, привычек, психологии и у той части населения деревни, которая продолжает заниматься сельским хозяйством.

Однако аграрная перенаселенность Японии, о которой так часто приходится слышать от японских и других буржуазных экономистов, довольно относительна. Действительно, в ряде районов перенаселенность существует и даже принимает катастрофический характер, но на о-ве Хоккайдо часами

¹² T. Fukutake, *The Revolution in Japanese Agriculture: Fact of Illusion?*, p. 18.

Дорожные работы (преф. Гифу, сентябрь 1966 г.)

можно ехать по заросшим кустарником равнинам и не встретить признаков жилья. Эти земли — районы вулканических почв и торфяники — отнюдь не бесплодны: при радикальных мелиоративных мероприятиях, внесении удобрений, дренажи они могут давать высокие урожаи. Тем не менее эти земли не используются, так как для мелиорации требуются капиталовложения, для которых у крестьянина не хватает средств. Даже ссудой, даваемой на десятилетний срок, он не может воспользоваться, ибо капиталовложения здесь не могут быстро окупиться. Таким образом, аграрная перенаселенность Японии существует прежде всего в силу господства капиталистических отношений. Кроме того, в результате начавшегося в недавние годы процесса оттока из деревни «тёнанов» — явления, раньше совершенно неизвестного, японская деревня стоит перед вполне реальной угрозой смены в недалеком будущем аграрной перенаселенности аграрной депопуляцией.

Исключительно важную роль в экономике играют рыболовный и морской промыслы. Моря, омывающие Японию, богаты разнообразной морской фауной. Свыше 400 видов рыбы либо идет в пищу, либо имеет другое товарное значе-

ние. По улову рыбы Японии принадлежит первое место в мире. Продукция морского промысла занимает видное место в общем экспорте страны.

В Японии различаются три основных вида рыболовства: речное, прибрежное и глубоководное.

Речное рыболовство крайне раздроблено, оно ведется крестьянами или рыбаками-одиночками. Некоторые приемы и способы речного рыболовства, особенно старые, утратили свое промысловое значение и приобрели характер спорта или зрелищного аттракциона. Из них наибольшей популярностью пользуется «укай» — ночная факельная ловля рыбы при помощи привязанных на длинном шнурке дрессированных бакланов. Вид бакланов, суесящихся в воде в отблесках пламени, очень живописен. «Укай» некогда был распространен почти по всей Японии, но сейчас сохраняется лишь в нескольких пунктах для привлечения туристов. Особенно известен осенний «укай» на р. Нагара близ г. Гифу. Как и ряд других редких старых обычаев, «укай» привлекает большое число зрителей. Многочисленные компании выезжают на увеселительных лодках-павильонах на середину реки, чтобы полюбоваться этим зрелищем.

Прибрежное рыболовство ведется круглый год, в основном рыбаками береговых поселков. Часто глава крестьянской семьи занимается рыболовством, а его жена и дети обрабатывают землю.

Техника прибрежного рыболовства чрезвычайно разнообразна (насчитывается свыше ста всевозможных приемов лова). Наиболее распространенными орудиями лова являются различные сети, мережи, верши. Чтобы предохранить рыбу от порчи, ее вялят, кроме того, часть рыбы идет на удобрение (изготовление туков); из печени трески вырабатывается жир. В прибрежном рыболовстве распространено мелкое предпринимательство. Владельцы лодок и сетей эксплуатируют своих более бедных односельчан путем организации артелей, в которых улов делится в соответствии с паями, включая пай за предоставление лодки, сети, мотора.

Глубоководное рыболовство и китобойный промысел ведутся крупными компаниями или предпринимателями с помощью современного, хорошо оснащенного флота.

Довольно важное место в морском промысле занимает сбор съедобных водорослей, который производится примитивными орудиями — баграми с маленьких лодок.

Одним из наиболее своеобразных и хорошо известных морских промыслов является добыча жемчуга. В Японии имеются специальные морские заповедники, в которых искусственно стимулируют рост жемчуга в жемчужницах. Это достигается следующим путем: вылавливают моллюска-жемчужницу

и вводят в раковину кусочек инородной ткани, после чего жемчужницу опять опускают в море; спустя два-три года при благоприятных условиях в ней образуется жемчужина.

Искусственное разведение жемчуга — результат научных работ новейшего времени, патент на которые принадлежит компании Кикимото. Этот промысел связан с эксплуатацией очень тяжелого труда девушек-ныряльщиц «ама». Несмотря на недавнее происхождение, труд «ама» стал местной этнографической особенностью района полуострова Сима и имеет такую же широкую известность, как и архаические промыслы. Быт и судьба «ама», овеянные до некоторой степени ореолом романтики, стали одним из литературных сюжетов. Более прозаичен, но не менее важен промысел двустворчатых и брюхоногих съедобных моллюсков, а также искусственное разведение съедобных устриц на вертикальных плавучих рамах-садках. Широко развит и промысел съедобных головоногих моллюсков: ночной промысел кальмара с судов и промысел осьминогов с помощью «такоцубо» («тако» — осьминог, «цубо» — горшок). Глиняные горшки, по форме и размерам похожие на большую дыню, с прикрепленными на веревке буйками опускают на дно. Осьминоги, любящие убежища-расселины, охотно заползают в эти горшки; через некоторое время промысловик объезжает буйки, проверяет горшки и извлекает из них осьминогов.

При таком разнообразии видов морского промысла и громадной по сравнению с площадью страны протяженностью береговой линии не удивительно, что море в Японии кормит миллионы людей. От него целиком зависят жители рыбацких поселков, рабочие-китобои, краболовы и в значительной степени крестьяне прибрежных деревень.

Еще несколько десятилетий назад перечисленные занятия занимали ведущее место в общем балансе занятий самодельного населения. Хотя довоенная Япония обладала достаточно мощной и высокоразвитой промышленностью, тем не менее крестьяне составляли 80% населения¹³. Соотношение это резко изменилось в послевоенные годы¹⁴. Быстрое развитие капиталистических отношений в деревне после аграрной реформы, рационализация и интенсификация сельского труда, ликвидация пережитков натурального хозяйства лишили значительную часть крестьянства возможности даже самого скудного существования за счет сельского хозяйства. Отток сельского населения в города при-

¹³ В. Taut, *Houses and People of Japan*, p. 107.

¹⁴ В 1956 г. в сельском хозяйстве и лесоразработках было занято менее 25% самодельного населения (см. Т. Kuroda, *Occupational Mobility*, p. 44).

нял колоссальные масштабы. Он составил в 1961 г. 762 тыс. человек, в 1963 г.—520 тыс., а в последующие годы, по некоторым оценкам, приближается к миллиону в год¹⁵. Эти цифры значительно превышают естественный прирост сельского населения. Таким образом, сельское население сокращается не только относительно, но и абсолютно. Кроме того, среди сельского населения растет процент лиц, не занятых в сельском хозяйстве, а либо проживающих в деревне, но ездящих на работу в город, либо работающих в сфере торговли, обслуживания, мелкого промышленного производства (в различных мастерских).

В результате наиболее характерными фигурами для населения современной Японии являются промышленный рабочий и мелкий служащий. Рост этих категорий населения связан с невиданно быстрым для капиталистической страны темпом роста производства (в 1961 г. 119,9%, в 1965 г.—175,7% по основным отраслям промышленного производства; 1960 г. принят за 100%)¹⁶.

Основную массу японского рабочего класса составляют рабочие обрабатывающей промышленности, таких ее ведущих отраслей, как металлообработка, химическая и нефтехимическая промышленность, производство точной аппаратуры и радиоэлектроника, различные виды легкой промышленности, прежде всего текстильной¹⁷.

Необходимо отметить очень большую разнородность рабочего класса Японии. Это, с одной стороны, кадровый потомст-

¹⁵ T. Fukutake, *The Revolution in Japanese Agriculture: Fact or Illusion?*, p. 17.

¹⁶ Средние цифры по комплексу основных отраслей металлургической, машиностроительной, химической, текстильной и силикатно-керамической промышленности см.: S. Ujihara, *Japan's Labouring Class; Changes in the Postwar Period*, p. 68.

¹⁷ Добывающая промышленность мало характерна для Японии, поскольку страна бедна полезными ископаемыми. Довольно значительные запасы каменного угля невысокого качества разрабатываются главным образом на севере Кюсю и на Хоккайдо. Однако современное энергетическое хозяйство Японии все в большей мере переходит на более высококалорийные виды топлива — нефть, нефтепродукты, горючий газ.

Нефть является основным предметом японского импорта. Почти все нефтепродукты и горючий газ (пропан-бутан) производятся в Японии на нефтеперегонных заводах из импортной нефти. Количество нефтеперерабатывающих заводов постоянно растет, но ввиду небольшого количества потребного для них персонала процент нефтяников среди японского рабочего класса невелик.

Среди прочего сырья Япония ввозит и лес, хотя в самой стране также ведутся значительные лесоразработки, что требует довольно большого количества рабочих-лесорубов. В старину распространенным подсобным лесным промыслом для японских крестьян было углежжение. Сейчас доля древесного угля в отоплении снизилась во много раз, но тем не менее на него сохраняется большой спрос.

венный пролетариат, авангард рабочего движения в индустриальных центрах, и с другой — громадные массы вчерашних крестьян. Это рабочие высшей квалификации, тончайшие знатоки и мастера своей профессии, и неквалифицированные подсобные рабочие, труд которых вследствие его дешевизны используется в Японии очень широко, несмотря на высокую техническую оснащенность промышленности. Наконец, это рабочие крупных современных предприятий, организованные в профсоюзы, пользующиеся нормированным рабочим днем, твердым минимумом заработной платы и другими экономическими завоеваниями, и неорганизованные рабочие мелких и мельчайших предприятий, чей рабочий день не нормирован, которые не имеют ни отпуска, ни минимума заработной платы, ни каких-либо иных социально-экономических и страховых гарантий. В некоторых отраслях промышленности, в частности в текстильной и радиоэлектронике, особую роль играет эксплуатация низкооплачиваемого женского труда, в особенности труда девушек-подростков.

Правда, в последнее время с повышением спроса на рабочую силу положение рабочих на мелких предприятиях несколько улучшилось, так как нехватка рабочей силы в них ощущается острее всего в связи с вполне понятным стремлением рабочих устроиться на крупные предприятия¹⁸. Заработная плата рабочего в Японии колеблется от 15 тыс. до 60 тыс. иен в месяц при среднем уровне 30—40 тыс. иен¹⁹.

Этот уровень, по данным японского экономиста Утихара, достигнут лишь недавно (в 1955 г. средняя заработная плата составляла не более 23 тыс. иен)²⁰. Однако рост цен приводит к тому, что жизненный уровень сильно отстает от роста номинальной заработной платы.

Рядовой инженерно-технический персонал в Японии по своему положению и материальному обеспечению близок к квалифицированным рабочим. Но по образу жизни эта часть технической интеллигенции в связи с различием в характере труда, а также в известной степени социального происхождения и перспектив имеет некоторые общие черты с более высокими категориями технической интеллигенции — высокооплачиваемыми инженерами. Эта последняя в свою очередь по образу жизни, вкусам и привычкам тяготеет к промышленной буржуазии. Тем не менее есть много общего в положении большинства городского и части сельского населения Японии, ос-

¹⁸ Если в 1961 г. заработная плата на предприятиях с 10—30 рабочими составляла 61% зарплаты на крупных (более 1000 человек) заводах, то в 1964 г. — уже 75% (см. S. Ujihara, *Japan's Labouring Class...*, p. 72).

¹⁹ По данным, полученным от рабочих-информаторов в Японии в 1966 г.

²⁰ S. Ujihara, *Japan's Labouring Class...*, p. 73.

новой частью доходов которого служит заработная плата. Эта категория обозначается в Японии заимствованным английским словом «сарариман» («салари-мэн») — «люди зарплаты»²¹. К ней относится помимо рабочих и инженерно-технических работников много других категорий и профессий: государственные служащие, учителя, клерки компаний, обслуживающий персонал и др. Вместе взятые «люди зарплаты» являются основной и определяющей группой самодетельного населения Японии. В зависимости от уровня заработной платы, образования, происхождения и других факторов их образ жизни либо близок к образу жизни промышленного пролетариата, либо тяготеет к образу жизни мелкой и средней буржуазии. Однако более высокий культурный уровень, широта и прогрессивность взглядов и вкусов, меньшая степень сохранения в быту архаичных и косных черт семейных отношений отличают их от буржуазии. В целом японский «средний» класс, в значительной степени состоящий из интеллигенции, представляет собой прогрессивную силу общества.

«Белые воротнички» («ховайто-кара», от английского «уайт колларз», т. е. конторские, банковские, государственные служащие и другие представители получающей зарплату интеллигенции) составляют в наши дни один из наиболее важных и характерных слоев японского общества. Важен этот слой еще и тем, что молодые люди, тянувшиеся к образованию, к городскому образу жизни, стремятся также к переходу от физического труда к умственному и карьере «белого воротничка» представляет в значительной мере их жизненные идеалы и цели. С ростом автоматизации промышленности, с увеличением роли в ней управленческо-менеджерских функций, особенно в японских условиях, характеризующихся необычайно высокой зависимостью от сбыта и снабжения, ввоза и вывоза, эта категория быстро растет и имеет перспективы дальнейшего расширения.

«Образ взаимных человеческих отношений,— пишет японский автор,— который установили в промышленности японские „белые воротнички“, этот основной компонент нового японского „среднего класса“, их образ жизни, использование досуга и общие взгляды на жизнь несомненно продолжают составлять крупнейший фактор, влияющий на все аспекты японского общества»²².

Помимо небольшой кучки крупной и крупнейшей буржуазии — промышленных и финансовых магнатов, олицетворяющих японский монополистический капитал, в стране суще-

²¹ E. Vogel, *Japan's New Middle Class; The Salary Man and His Family in a Tokyo Suburb*.

²² Y. Okada, *Introduction*, p. 5.

ствуется обширная группа мелкой и средней буржуазии. Эта прослойка численно относительно стабильна. Сюда относится промышленная буржуазия (владельцы средних и мелких промышленных предприятий) и очень многочисленная торговая и торгово-предпринимательская буржуазия. Это хозяева магазинов, ресторанов, гостиниц и тому подобных предприятий, владельцы мелких торговых фирм. Мелкие фирмы занимаются не только внутренними, но и экспортно-импортными торговыми операциями. Наконец, очень велико число мелких и мельчайших лавочников. При весьма значительной разнице в уровне доходов в отношении быта есть много общих для всей буржуазии черт, за исключением, может быть, только крупнейшей буржуазии. Это приверженность к патриархалистическим традициям в семейных отношениях, сохранение в быту многих традиционных и даже архаичных черт. Если в быту интеллигенции сочетание традиционных и западных черт в основном выступает в виде синтеза, то для быта буржуазии характерно расслоение между внешним, выставленным напоказ «западным» лоском и сравнительно мало затронутым новыми влияниями укладом внутрисемейной жизни. Бытование всяческих суеверий, талисманов, амулетов, активное участие в деятельности местных храмов также характерно в первую очередь для мелкой и части средней буржуазии.

Помимо лиц, занятых в сельском хозяйстве и промышленности, весьма высок процент работающих по найму в сфере обслуживания, причем в этой категории особенно много женщин.

В целом самостоятельное население Японии по роду занятий распределяется следующим образом (тыс. человек)²³:

	1955 г.	1960 г.
Инженеры и техники	1 910 (4,9%)	2 134 (4,9%)
Управленческий аппарат	841 (2,1%)	1 017 (2,3%)
Служащие учреждений	3 416 (8,7%)	4 556 (10,4%)
Работники торговли	4 182 (10,6%)	4 613 (10,6%)
Лица, занятые в сельском хозяйстве, лесном промысле и рыбной ловле	15 874 (40,4%)	14 352 (32,6%)
Рабочие горнодобывающей промышленности и каменоломен	349 (0,9%)	368 (0,8%)
Работники транспорта	856 (2,2%)	1 424 (3,3%)
Рабочие обрабатывающей промышленности, включая ремесленников и подсобных рабочих	9 451 (24,1%)	12 483 (28,6%)
Работники сферы обслуживания	2 383 (6,1%)	2 827 (6,5%)
Всего	39 262 (100%)	43 776 (100%)

²³ Т. Kuroda, *Occupational Mobility*, p. 41.

Семейные отношения и формирование сознания

Японская семья всегда была основана на патриархальных отношениях. Главой такой семьи может быть только мужчина (отец, муж, сын); обычай предоставлял ему неограниченную власть в семье.

До недавнего времени патриархальная семья официально признавалась в Японии основной общественной единицей. Каждый член семьи, независимо от возраста, подчинялся главе семьи. Даже взрослые члены семьи пользовались свободой действия лишь в тех пределах, какие были установлены для них главой семьи, а в глазах окружающих они были не более чем членами данной семьи. Например, если на одном предприятии работали двое или трое членов семьи, в профессиональный союз вступал обычно только отец. Считалось, что если к организации примыкал глава семьи, то отныне в нее входили и все прочие работники из той же семьи.

В наши дни в профессиональных организациях такие патриархальные концепции уже изжиты. Однако многие другие общественные организации, в особенности религиозные, все еще придерживаются этих позиций. Так, если глава семьи переходит в веру какой-нибудь новой секты, то и все члены его семьи рассматриваются членами секты как новообращенные.

Собственность отдельных членов семьи принадлежала семье: глава семьи мог распоряжаться ею по своему усмотрению. Только глава семьи мог иметь личную печать²⁴.

Положение семьи определялось семейным реестром, который велся в деревенских и городских управлениях и куда заносили все изменения, происходившие в семье (брак, рождение, смерть). В этот реестр заносились также все неблагоприятные поступки членов семьи. Подобные записи подрывали репутацию всей семьи, и их старались избегать всеми средствами. Вплоть до последних военных лет семейные реестры были основой влияния полицейско-административного аппарата на повседневную жизнь граждан.

Однако и помимо официального реестра сами семьи обычно вели запись своей генеалогии и хранили генеалогические списки. Даже если не было писаной генеалогии, история

²⁴ Личная печать — специфический обычай в странах с иероглифической письменностью, где подписывание документов мало распространено и подпись не всегда имеет юридическую силу. Вместо подписи на документах обычно ставятся киноварью личные печати. Такие печати регистрируются местными органами власти, и владельцы ставят их на завещаниях, договорах, доверенностях, что сводит к минимуму необходимость в нотариальных засвидетельствованиях.

семьи могла быть прослежена по устной традиции. Концепция преемственности во многих поколениях единой семейной традиции, понятие дома «иэ» имели очень большое значение в жизни японцев²⁵. Понятие «иэ» включает в себя не только биологическую концепцию преемственности кровного родства, но и весь комплекс завещанных предками семьи традиций, опирающихся на материальную базу. Для крестьянских семей — это земля с ее комплексом сельскохозяйственных культур, для семьи горожанина — традиционное, наследуемое из поколения в поколение занятие, как, например, вид торговли или род ремесла со всем комплексом своих традиций, профессиональных навыков, производственных секретов и т. д. И в наши дни нередко мелкое семейное ремесленное производство или какое-нибудь коммунальное частное предприятие типа специализированной харчевни может представлять собой традиционный для данной семьи вид деятельности, имеющей 200—300-летнюю историю.

Старший сын — «тёнан» — становился главой семьи и получал все права после того, как глава семьи умирал или по старости удалялся на покой²⁶.

Остальные сыновья — «дзисаннаны» — должны были искать какого-то иного применения своим способностям. Иногда они шли в зятья-приймаки, становились крестьянами-арендаторами, поскольку земельную частную собственность наследовал только старший сын, но особенно важное значение, главным образом в процессе становления новой, капиталистической Японии, имело то обстоятельство, что многие «дзисаннаны» от крестьянской жизни приходили ко всякого рода неземледельческим занятиям — торговле, ремеслам. С самого детства проявлялась резкая разница между положением «тёнана» и «дзисаннана». Первый готовился воспринять традицию своего «иэ», продолжать тот же род занятий, что и его предки, второй с раннего детства воспитывался в сознании того, что ему предстоит проявить собственную инициативу в выборе средств существования. Система, выталкивавшая «дзисаннано» за рамки традиций «иэ», воспитывала активных, инициативных, подвижных, готовых и стремящихся воспринимать все новое людей. Таким образом, в принципе консервативный и косный институт «иэ», который по линии «тёнанов» способствовал сохранению патриархальных традиций, по линии «дзисаннано» создал в XIX—XX вв. благоприятные усло-

²⁵ S. Kitano, «Dozoku» and «Ie» in Japan: The Meaning of Family Genealogical Relationships.

²⁶ «Удаление на покой» («инкё») — специфический японский обычай, когда глава семьи добровольно уступает свое положение старшему сыну, а сам остается на его иждивении, иногда поселяясь в специально строящемся для этой цели домике у ворот усадьбы или флигеле дома.

вия для модернизации Японии, постоянно поставляя контингент предприимчивых, готовых к новым видам деятельности людей.

Женщина как в общественной жизни страны, так и в семье прежде была бесправна. Как самые высокие добродетели в японской девушке воспитывались послушание, смирение, фаталистическая покорность судьбе, ей внушалось, что ее жизнь полностью зависит от решений отца или старшего брата, затем мужа. В период становления индустриального капитализма в Японии широкое распространение получила система контрактации, т. е. фактически продажа отцами своих дочерей на фабрики в качестве работниц. Рассматривавшие работу на фабрике как продолжение выполнения дочернего долга перед главой семьи, забитые и покорные судьбе, эти работницы лишь в редких случаях осмеливались на социальный протест.

Такое положение в семье в общем продолжало существовать до разгрома империалистической Японии во второй мировой войне, а отчасти даже и в первые послевоенные годы, годы безработицы, голода и экономической разрухи. Однако в настоящее время в связи с переменами в гражданском законодательстве (в январе 1948 г. вступил в силу новый гражданский кодекс) и воззрениях людей семейные отношения подверглись существенным изменениям. Само понятие «глава семьи» изъято из законодательных текстов. Каждый член семьи, достигший 21 года, автоматически становится гражданином, имеющим полные права.

Концепция «инэ» была заменена концепцией современной буржуазной семьи. Отменялось право первородства «тёнана», и все дети получали равные права наследования. Соответственно, если ранее обязанности содержания престарелых родителей целиком падали на «тёнана», теперь их в равной мере несут все дети. В старой семье власть главы была абсолютной, новая должна строиться на взаимном согласии супругов.

Правда, закон далеко не всегда совпадает с точкой зрения общества и традициями; поэтому на практике, особенно в сельских местностях и в буржуазной среде, старая система семейных отношений во многом сохраняется и сейчас.

Но, поскольку в нынешней Японии в отличие от довоенной и количественно и качественно основными категориями трудящихся являются не крестьяне, а «люди зарплат», традиции все более теряют свое значение.

Новая общественная обстановка прежде всего отразилась на количественном составе японской семьи, что, однако, тесно связано с глубокими качественными изменениями. Если до 50-х годов средний состав семьи не только не уменьшался, но

даже несколько возростал, то в 60-х годах он резко сокращается. Здесь действуют два основных фактора. Один — это общее снижение рождаемости и, следовательно, многодетности. Если в середине 30-х годов уровень рождаемости был 31 новорожденный на тысячу населения, то в середине 50-х годов он упал до 19 новорожденных и продолжает падать. Рост экономических трудностей побуждает большинство семей строго контролировать рождаемость, а повысившийся культурно-образовательный уровень облегчает эту задачу. В 1955 г. число только зарегистрированных аборт достигло 1 170 000. В 1956 г. 45% городских и 35% сельских супружеских пар использовали противозачаточные средства ²⁷.

Другим фактором было дробление больших семей. Если ранее даже женатые «дзисаннаны» не сразу выделялись из состава отцовской семьи, а «тёнан» практически всегда оставался в ее составе и, таким образом, имелось громадное количество семей, состоявших из нескольких супружеских пар разных поколений, то теперь стало появляться все больше малых семей, включающих только одну супружескую пару. Это видно из следующих данных (%):

	1920 г.	1960 г.	1964 г.
Большие семьи . . .	40	35	31
Малые семьи . . .	60	65	69

При этом резко сократились и абсолютные размеры семей. Средние размеры семьи в разные годы видны из следующих данных:

	1920 г.	1930 г.	1950 г.	1960 г.	1965 г.
В городе	4,47	4,61	4,45	4,36	3,90
В деревне	4,99	5,11	5,34	4,95	4,51
В целом по Японии . . .	4,89	4,98	4,97	4,56	4,08

Рост процента малых семей способствует развитию, по крайней мере в семьях трудящихся, более равноправных отношений между супругами. В то же время в условиях капиталистического общества с его совершенно неудовлетворительной системой социального обеспечения этот же процесс порождает и ряд тяжелых проблем, которые ранее в какой-то степени могли решать большие семьи: это уход за престарелыми и их обеспечение, взаимоотношения невестки и свекрови, уход за детьми в условиях занятости обоих родителей и т. д. Естественно, что в городе процесс роста процента малых семей идет быстрее, чем в деревне. В 1952 г., например,

²⁷ Здесь и далее цифры даны по: Т. Кояма, *The Family in Postwar Japan*.

в деревне более 50% семей включало три поколения и более, а в городе — менее 21%, в том числе среди промышленных рабочих — менее 19% семей.

Помимо патриархальной организации семьи громадную роль во всех функциях японского общества издавна играла патронимическая организация «додзоку»²⁸. «Додзоку» представляет собой разветвленную федерацию семей, носящих одну фамилию, главы которых происходят от одного общего предка по мужской линии и возникли в результате разрастания и дробления когда-то существовавшей конкретной семьи — основателя патронимии. Выделение новых семей в составе «додзоку» следовало незыблемым установленным формам.

Если младший сын хотел отделиться от отцовской семьи и завести на собственную семью свой посемейный список, то он должен был получить разрешение от главы семьи, причем такое разрешение обычно давалось только после длительных оттяжек. В отличие от «главной семьи» («хонкэ») вновь образованную семью называли «боковой семьей» («бункэ»).

Глава «главной семьи» пользовался большими почестями в «боковых семьях». Он не только давал советы, но и имел решающий голос в таких делах «боковой семьи», как, например, женитьба одного из сыновей. Под Новый год и в другие праздники главе семьи надлежало поднести ценный подарок. «Боковая семья» должна была помогать «главной семье» в сельскохозяйственных работах, например при пересадке риса. Различие между семьями не ограничивалось этим. Положение семей зависело также и от того, когда была основана каждая из них. Семья, отделившаяся раньше, стояла выше в общесемейной иерархии и пользовалась относительными привилегиями в таких вопросах, как вопросы старшинства, распределения работ по пересадке риса и т. д.²⁹

Интересно отметить, что в Японии среди крестьян, крупных землевладельцев, торговцев и других социальных групп существуют корпорации «оябун-кобун», члены которых, уже не будучи родственниками, берут на себя обязательства, сходные с обязательствами членов одной семьи. «Оябун» — глава объединения — становится как бы отцом, а все остальные члены — детьми («кобун»), которые находятся между собой в отношениях, аналогичных отношениям младших и старших братьев в семьях или «хонкэ» и «бункэ» в патронимической иерархии. Эта «семейная» организация производ-

²⁸ M. Eder, *Familie, Sippe, Clan und Ahnenverehrung in Japan*; S. Kitano, «*Dozoku*» and «*le*» in Japan.

²⁹ M. Nagai, *Dozoku: A Preliminary Study of the Japanese «Extended Family» Group and Its Social and Economic Functions*.

ства отражает структуру некогда существовавшего семейно-цехового ремесленного производства³⁰.

Принципы патронимической организации с ее иерархией старшинства, концепциями патерналистического покровительства, верности и послушания нижестоящих вышестоящим не ограничивались семейными отношениями, но служили как бы основной моделью консервативной идеологии во все исторические эпохи. В средние века на их фоне была создана рыцарская мораль «бусидо» с кодексом взаимоотношений сеньоров и вассалов. В эпоху становления империалистической Японии идеологи шовинистического монархизма на основе концепции «додзоку» выдвинули идею о том, что вся Япония представляет собой как бы гигантскую сверхпатронимию во главе с императором, ведущим свое происхождение от богов. Таким образом, к XX в. понятие семейной патронимической иерархии и понятие социально-политической иерархии стали ассоциироваться в сознании людей в значительной мере как два аспекта одного и того же принципа.

Поражение 1945 г. и последовавшие за ним политические и экономические сдвиги нанесли двойной удар по патронимическим концепциям. Крах идей о божественной предначертанности пропагандировавшегося ранее образа мысли и действий дискредитировал само понятие иерархии. На смену ему пришли и получили широкое распространение буржуазно-демократические идеи всеобщего равенства, нашедшие отражение в конституции, в отказе императора от ореола своей божественности, в отмене сословных делений. С другой стороны, экономическое развитие послевоенной Японии вело к изживанию в японском капитализме феодальных пережитков и создавало условия для внутреннего размыwania патронимий. Нельзя сказать, чтобы в современной Японии патронимическая организация «додзоку» уже полностью исчезла. Внешние, обрядовые ее формы, выражающиеся в приглашении родственников на семейные торжества, во внешних знаках почтения старшим в общесемейной иерархии, продолжают существовать, особенно среди крестьян. Однако производственная взаимопомощь внутри патронимии, даже среди родственников, вытесняется капиталистическими отношениями найма и аренды. Исчезает и реальное влияние главы «хонкэ» на решение вопросов, касающихся «бункэ».

Хотя структура патронимической организации тесно связана с системой культа предков, сами патронимические концепции не связаны непосредственно с религией, и обрядовая, формальная сторона внутри патронимических отношений (преподнесение подарков и оказание внешних знаков почте-

³⁰ J. Bennet and Ishino I. *Paternalism in the Japanese Economy*.

Дом в трауре (г. Нара, июнь 1960 г.)

ния) носит характер не религиозной, а светской этики. Но в быту большинства японских семей есть немало элементов, которые связаны с обрядами религиозного характера. В задачу данной книги не входит описание всей религиозной обстановки в Японии, и мы будем касаться лишь тех моментов в религиозных верованиях и обрядах, которые непосредственно связаны с бытом. Для этого необходимо хотя бы кратко изложить самые общие сведения о религиях, распространенных в Японии, и их взаимоотношениях.

В религиозных воззрениях японского народа сохранилось много архаических черт. Среди религиозных японцев весьма живучи древнейшие анимистические представления, сочетающиеся с верой в магию, оборотней (особенно популярна лиса-оборотень). На основе этой первобытной религии развивалась феодально-монархическая религиозная система Японии — синтоизм. Синтоизм представляет собой смесь культа сил природы с культом душ усопших и родовых духов-покровителей. Пантеон синтоизма охватывает бесчисленное множество божеств — «ками». Термин «синто» («синто» в дословном переводе — «путь богов») появился тогда, когда

в Японии начал распространяться буддизм и стали все более ощутимы различия национальной японской веры от буддизма. Синтоизм распадается на три группы: народный, храмовый и сектантский³¹.

К народному синтоизму относятся различные местные верования и обряды, распространенные почти исключительно в крестьянской среде и связанные главным образом с надеждами и страхами земледельцев. Эти верования смыкаются, с одной стороны, с такими субрелигиозными институтами, как вера в приметы и связанная с нею обрядность, т. е. с тем, что с точки зрения ортодоксальной религии рассматривается как суеверие.

С другой стороны, практически те же обряды, которые совершают крестьяне, могут совершать и священники местных храмов. Какой-либо предмет — камень, дерево — являющийся объектом поклонения в данной округе, может быть инкорпорирован местным храмом в число своих святынь и соответствующим образом оформлен. Таким образом, храмовый синтоизм на своем низшем уровне переплетается с народным.

Каждая деревня или квартал имеет свой храм, вместилище божества или божеств, покровительствующих данной местности. Хотя многие храмы первоначально возникли из родовых святилищ, сейчас считается, что их благодать распространяется более на местность, чем на определенные группы людей. Поэтому в отличие от буддийских синтоистские храмы не имеют зарегистрированного и четко очерченного прихода и верующие ходят в любой храм и по любому поводу. После реформы 1945 г. каждый храм в принципе независим, однако более 90% их объединено во Всеяпонскую храмовую ассоциацию — добровольное объединение храмов с выборными центральными органами.

В домах устраивается домашний алтарь, перед которым совершают ежедневные молитвы и ставят жертвенные чашечки с рисом, фруктами, овощами и вином. Культовый объект домашнего алтаря — обычно табличка с именем божества — приобретается и освящается в каком-либо храме. Поэтому домашнюю божницу — «камидана» — можно рассматривать как продолжение системы храмов синтоизма на дому³².

Во время молитвы синтоисты хлопают в ладоши, чтобы этим обратить на себя внимание божеств «ками» и быть ими скорее услышанными. Синтоисты стремятся достигнуть счастья в этом мире и прибегают для этого к помощи ряда восторженных божеств, каждое из которых управляет по

³¹ W. K. Bunce, *Religions in Japan*.

³² S. Ono, *Shinto, the Kami Way*.

убеждению верующих, своей особой отраслью мирских дел и отношений. Беспокоить частыми мольбами стоящую во главе пантеона богиню Аматерасу верующие не решаются. ибо она, по мнению синтоистов, парит слишком высоко в небе и не снисходит до людских дел. Во время храмовых праздников изображение «ками» выносится из храма и помещается в изящную переносную кумирню — паланкин «о-микоси». За «ками» вереницей следуют жрецы и видные миряне, одетые в праздничные костюмы³³.

Каждый храм имеет свои храмовые праздники, во время которых совершаются пышные церемонии, процессии с барабанным боем, с выносом божества на паланкине. Устраиваются театральные представления, выступают актеры, акробаты. Массовые моления проходят в приподнятой, жизнерадостной атмосфере. Значительная часть религиозных празднеств японцев носит увеселительно-театральный характер. Поэтому молодежь, даже совершенно нерелигиозная, часто принимает в них участие просто ради развлечения.

Если раньше женщины, за некоторыми исключениями, не допускались к участию в празднествах и процессиях и им даже не разрешалось смотреть на процессии, то теперь все эти ограничения потеряли силу и празднества проходят в весьма непринужденной атмосфере.

Еще в начальный период формирования японской буржуазной нации вероучение синтоизма было пересмотрено и использовалось как удобное политическое орудие японской воинствующей буржуазии. Синтоистские священники были подчинены правительственному контролю. Правительство разработало новый обряд поклонения «священному императору», школьников обязали посещать синтоистские храмы, были ассигнованы большие средства на пропаганду обновленной религии. Простому японцу внушали, что каждый японец является полубожеством, что он предназначен богами управлять миром, что путь к величию лежит через преданность и повиновение. Японцы, погибшие в ходе захватнических империалистических войн, причислялись к сонму богов. Так средневековая обрядность была приспособлена к агрессивной политике японского империализма.

В те же годы возникло свыше десяти сект, заимствовавших обрядность из храмового синтоизма, но создавших собственные догмы и пантеоны. Эти секты также были включены в официальную систему, что не представляло особых трудностей, так как весь храмовый синтоизм являет собой конгломерат храмов и их группировок, разнящихся по почитаемым божествам, по обрядности. Единая догма практически отсут-

³³ Y. Okada, U. Sadatoshi, *Shinto Shrines and Festivals*.

ствуется, и в каждом храме имеется собственная религиозная рукописная литература.

Официально в довоенной Японии синтоизм считался не религией, а идеологией верноподданнического патриотизма, и правительство пыталось распространить его вместе с его внешней символикой, включая домашний алтарь богини Аматерасу, среди всех граждан, в том числе буддистов разных сект и даже христиан.

Несмотря на то что синтоизм долго являлся фактически государственной религией, буддизм не потерял своего влияния в Японии. Заимствованный из Китая, буддизм на японской почве приобрел некоторые своеобразные черты: основатель религии — Будда — был оттеснен на второй план образом Амида (Амитабхи), владыки рая. Из второстепенных буддийских божеств популярен Дзидзо, который обычно изображается в камне в виде стоящей фигуры священника. Его считают божеством, приносящим счастье, покровителем детских душ, покровителем опасных мест (уличные перекрестки и т. д.). Другое популярное буддийское божество — Кваннон — Богиня милосердия (в Китае — Гуань Инь, в Индии — Бодисатва Авалокитешвара). К ней часто обращаются с молитвой о легких родах беременные женщины.

Домашний буддийский алтарь связан не столько с культом Будды, сколько с культом предков. Каждый японец — последователь любой буддийской секты — одновременно принадлежит к последователям храмового синто, ибо эти две совершенно различные религии взаимно дополняют друг друга; обычно в доме наряду с алтарем Будды есть и божница синтоистского культа.

Некоторое распространение в Японии имеет также и христианство — как новейшее, проникшее в XIX—XX вв., так и сохранившееся с XVI в. на некоторых островах, прилегающих к Кюсю, в форме синкретических полухристианских верований. Однако религия этих «кириситан», как их называют сейчас, имеет уже очень мало общего с ортодоксальным католицизмом, от которого она произошла в средние века. Вообще христианство в Японии раздроблено на множество различных толков: больше всего католиков, но немало и протестантов, а в некоторых городах есть и православные храмы.

Формально в наши дни принадлежность к христианству или сектовому синтоизму уже несовместима с отправлением буддийских или храмово-синтоистских обрядов. Практически же наиболее известные буддийские храмы до сих пор посещают многие сектанты, а синтоистские — даже и христиане. У разных синтоистских сект свои погребально-поминальные обряды и обособленные кладбища, но вместе с тем в

доме новообращенного сектанта иногда встречаются поминальные таблички предков в буддийском алтаре: приняв новую веру, обращенный не всегда сразу решается порвать с традиционными формами культа и перенести таблички с именами предков в алтарь нового для него божества. По наблюдениям автора, на Хоккайдо и в пригородах Токио влияние христианских и сектантских миссионеров растет за счет падения влияния буддизма. Дело, в частности, в том, что люди, переселившиеся сюда из разных деревень, уже не в состоянии поддерживать связь со своим приходом, найти же храм своей, обычно малочисленной секты в районе нового обитания не всегда возможно.

После войны в области религии произошли большие изменения. Самое важное из них заключается в том, что ортодоксальный синтоизм перестал быть государственной, обязательной для каждого верноподданного японца религией.

Пестрота религиозных представлений в Японии сочетается с безразличным отношением к каждой из отдельных религиозных систем. Духовенство не пользуется ни особым почетом, ни популярностью.

Передовая интеллигенция Японии успешно ведет борьбу против религиозного мировоззрения, за проникновение в народные массы науки и прогрессивных идей.

Реакционные круги, напротив, делают попытки обновить религию и превратить ее в свое эффективное оружие. В последние годы появился ряд необуддистских сект, которые приобрели значительное влияние среди отсталой части трудящихся масс, проповедуя трудолюбие, непротивление и классовый мир. В политике эти секты выступают как партии и имеют депутатов в парламенте. В то же время часть рядового духовенства активно участвует в борьбе японского народа за мир.

Хотя современные японцы в массе своей отнюдь не отличаются особой религиозностью, свойственная им любовь к традициям побуждает большинство из них неуклонно и тщательно выполнять традиционные обряды, так же, впрочем, как и нерелигиозные церемонии. В частности, японцы строго соблюдают обычай культа предков³⁴. В знак уважения к душам умерших они совершают ежедневные молитвы перед домашним алтарем, строго соблюдают траур и поминки по покойным родственникам, особенно родителям. Похоронный обряд в Японии обставляется пышными и настолько дорогостоящими церемониями, что проведение похорон, особенно главы семьи, с полным соблюдением обрядности зачастую не

³⁴ E. Baelz, *Über die Todesverachtung der Japaner*; M. Eder, *Familie, Sippe, Clan und Ahnenverehrung in Japan*.

под силу одной семье. Поэтому в Японии существуют общества взаимопомощи для проведения похорон, члены которых ежемесячно отчисляют определенную сумму в общий фонд.

В Японии существуют два вида захоронения — кремация и погребение в земле. Обычай сжигать трупы появился в Японии вместе с буддизмом в начале VIII в., но оно не вытеснило старого синтоистского обычая погребения умерших. Правда, в настоящее время кремация все больше распространяется и у синтоистов и даже у христиан, особенно в городах, где площадь кладбищ ограничена ³⁵.

Торжественная процессия доставляет гроб с телом покойника (обычно небольшой квадратный или бочкообразный, в котором труп находится в сидячем положении с головой, пригнутой к коленям) в крематорий. Перед кремацией жрецы читают над покойником «очистительные» молитвы и заклинания, а родственники возжигают благовонные травы. После кремации родственники забирают пепел и хоронят его в особой урне.

По истечении определенного срока (от семи недель до года) на могиле ставят памятник с надписью или изображением Будды. Кладбища располагаются на холмах или горных склонах в тени деревьев. В городах на кладбищах под могильным обелиском находится каменный ящик, в котором по мере смерти родственников данной семьи помещаются урны с их прахом.

Другие обряды жизненного цикла оформляются в более светском духе. Эти обряды также имеют иногда некоторую связь с храмовым ритуалом, в данном случае синтоистским, но сами по существу уже не являются религиозными. Наиболее важный из таких обрядов — свадьба.

Японская девушка далеко не всегда может сама выбирать мужа. Браки в Японии по сей день заключаются в большинстве случаев по сговору между родителями. Через брачного посредника «накодо», роль которого в брачной церемонии очень велика, устраиваются смотрины или знакомство брачующихся. Среди мелкой и средней буржуазии, а отчасти и буржуазной интеллигенции нередки случаи, когда жених и невеста впервые видят друг друга в день таких смотрин. Разумеется, если молодые люди решительно не понравятся друг другу, сговор расстраивается, но такие случаи бывают нечасто ³⁶.

³⁵ Г. Бартель, *Огненное погребение в Японии*, — «Коммунальное хозяйство», 1925, № 20.

³⁶ E. F. Vogel, *The Go-between in a Developing Society; The Case of the Japanese Marriage Arranger*.

Выборочное обследование в г. Нагоя в 1955 г. дало следующие показатели по формам заключения браков (%) ³⁷:

	До войны	После войны
По сговору . .	78	67
По любви . . .	13	31
Прочие	9	2

По старым этическим и юридическим нормам сговор и брак рассматриваются как союз между двумя «иэ». И даже сейчас сплошь и рядом можно видеть, как в объявлениях, вывешиваемых у храмов, где должно состояться бракосочетание, сообщается не о браке между «г-жой и г-ном такими-то», а между «иэ таким-то и иэ таким-то».

После сговора происходит обмен подарками. Жених обычно дарит невесте свадебное «кимоно» или деньги на его приобретение (в наши дни «кимоно» чаще берут напрокат).

Обмен подарками знаменует собой заключение договора, и ни одна из сторон уже не имеет права уклониться от брака. Затем по циклическому календарю ³⁸ назначается счастливый день для совершения брачной церемонии.

Еще сравнительно недавно свадьба в Японии обставлялась массой сложных, пышных и дорогостоящих обрядов. Сам обряд бракосочетания, заключающийся в том, что жених и невеста три раза пьют «сакэ» из трех сменяющихся чашечек, происходил в доме родителей жениха, куда на свадебный пир приглашалось множество родных и знакомых. Сейчас свадьба обычно проводится по весьма упрощенной схеме при синтоистском храме, причем приглашенным подают лишь небольшое угощение.

Свадьбы при храмах — явление, распространяющееся все более широко, хотя свадьба в Японии как обряд с религией не связана. Просто это позволяет сократить расходы, устроить не столь обильное угощение и в то же время провести свадьбу в обстановке достаточной торжественности. В последние годы при многих храмах построены даже специальные павильоны для свадеб, ставших основным источником доходов храма.

В старой Японии женщина на другой день после свадьбы

³⁷ Т. Кояма, *The Family in Postwar Japan*, p. 14.

³⁸ Циклический календарь, широко распространенный у многих народов Восточной Азии, отсчитывает годы и дни шестидесятиричными циклами (шестдесят дней или шестьдесят лет), причем порядок в них обозначается не цифрами, а знаками основных элементов природы (огонь, вода, дерево, металл, земля) и названиями различных животных, соответствующих европейским знакам зодиака. С этими знаками связано много суеверий.

должна была сбрить или выщипать себе брови и вычернить зубы в знак того, что отныне она уже никому не желает нравиться, кроме мужа, и ничем не хочет интересоваться, кроме семейного очага. Теперь этот обычай полностью изжит.

Через три или семь дней после свадебной церемонии молодые наносят визит родителям невесты. Такой визит называется «сатоказри», что означает «возвращение в родной дом». Этим круг брачной обрядности и заканчивается. Сын поселяется с женой у своих родителей. Молодая должна повиноваться не только мужу, но и его родителям.

Жена старшего сына вместе с мужем навсегда остается в доме свекра. Семьи же «дзисаннанов» по прошествии некоторого времени выделяются и обзаводятся собственным домом. Впрочем, такая схема в наши дни существует скорее в теории, чем на практике. Обзавестись собственным домом не так-то легко для молодой трудящейся семьи. Для них это жизненная цель и главная мечта, далеко не всегда сбывающаяся. Кроме того, «дзисаннаны» покидают отчий дом и нередко переселяются в поисках работы весьма далеко от него задолго до того, как обзаведутся собственной семьей. Таким образом, на практике семьи «дзисаннанов» чаще возникают не в рамках отчего дома, а на новом месте.

В Японии также существует и примечательно, когда муж входит в семью своей жены, принимая ее имя и становясь членом этой семьи. Чаще всего это бывает, когда в самостоятельной семье нет сына, который бы наследовал имя и имущество.

Однако иногда отец может лишить своего «тёнана» права первородства и сделать наследником принятого в семью зятя. Это бывает в тех случаях, когда «тёнан» неспособен или проявляет нежелание продолжать занятие, традиционное для данного «изэ», например бездарен в традиционном художественном ремесле, или стремится уйти из деревни в город, или не имеет склонности к торговле³⁹.

Рождение ребенка отмечается как семейный праздник. В первые дни приходят родственники с поздравлениями и подарками. На седьмой день новорожденному дают имя.

В общем, имя дается произвольно, но в некоторых семьях имеются традиционные для них иероглифы — компоненты имен, которые обязательно включаются в состав имен, даваемых мальчикам, в особенности первым сыновьям. Очень часто первого сына называют просто «таро», т. е. старший сын, а следующих — порядковыми именами: «дзиро», «сабуру», т. е. второй сын, третий сын и т. д. Эти же порядковые компоненты могут входить как суффиксы в состав более сложных

³⁹ Y. S. Matsumoto, *Notes on Primogeniture in Postwar Japan*.

имен. На 30-й день после рождения ребенка несут в синтоистский храм. Раньше ему при этом брили голову, оставляя только на макушке пучок волос.

Возраст ребенка в Японии считается по годам без учета месяца и числа рождения. Поэтому отмечаются как бы всеобщие дни рождения, своего рода праздники — день девочек или день мальчиков. В праздник девочек — 3 марта (а в деревне в третий день третьего месяца лунного календаря) в семьях, где есть дочери, устраивают выставки кукол на стул пенчатой подставке. Сооружение такой выставки по функции сходно с украшением новогодней елки в странах Северной Европы. Этих кукол покупают родители. Для игры используют других кукол; при этом в ряде местностей после праздника их выбрасывают за забор или в реку, чтобы они унесли с собой возможные неприятности этого года.

Мальчикам в день их праздника — 5 мая (а в деревне по лунному календарю) — дарят различные игрушки, часто имеющие символическое значение. На улицах городов и сел в этот день развешивают на высоких шестах разноцветные бумажные или матерчатые изображения огромных карпов — символа силы и ловкости.

Воспитание маленьких детей в Японии очень мягкое. Их почти никогда не бьют и не повышают на них голоса. Воспитывают их уговорами, личным примером, внушением чувства долга перед родителями. Вся обстановка японского дома — и моральная и материальная — способствует воспитанию в ребенке сдержанности и дисциплинированности. Эту дисциплинированность дети сохраняют и в школе, что позволяет японским педагогам справляться с невероятно перегруженными классами по 50—60 человек⁴⁰.

Нынешняя система образования в Японии создана после войны по американскому образцу: шесть лет — начальное образование, три года — низшее среднее, три года — повышенное среднее и четыре года — высшее. Существует всеобщее бесплатное начальное обучение. Однако вследствие тяжелого материального положения дети трудящихся довольно часто практически лишены возможности посещать школы.

В начальную школу дети идут с шестилетнего возраста. В Японии ведется большая исследовательская работа в области методов преподавания, много внимания уделяется разработке учебных пособий для детей младшего возраста. Но, несмотря на это, далеко не во всех школах возможно практическое осуществление разрабатываемых педагогических программ. Хотя число учащихся в Японии превышает 20 млн., средства, ассигнуемые правительством на образование, не-

⁴⁰ B. B. Lanham, *Aspects of Child Care in Japan: Preliminary Report*.

Детский сад на прогулке (преф. Нара, г. Симоити, июль 1960 г.)

значительны. Грамотность в Японии почти поголовная, хотя само понятие грамотности весьма растяжимо ввиду особого характера японской письменности.

Японская письменность отражает сложную историю японского языка. Первоначально она была заимствована из Китая в иероглифической форме. Затем была создана собственно японская письменность — слоговая азбука — «катакана» и «хирагана», в основу которых были положены упрощенные иероглифы. Создание японской письменности сыграло большую роль в формировании единого национального языка.

Общенародный японский язык, легший в основу современного национального языка, исторически складывался на базе диалекта восточной части о-ва Хонсю, вобравшего в себя ряд особенностей других диалектов (в современном японском языке насчитывается семь диалектов).

Со второй половины XVII в. в японский язык проникает значительное число слов из европейских языков: испанского, португальского, а с XIX в. — английского. При этом заимствованные слова подвергаются существенным изменениям.

Даже при наличии слоговой азбуки в Японии до сих пор широко пользуются иероглифическим письмом. Тексты япон-

ских книг, журналов и газет написаны смешанным письмом — иероглифкой, которой, как правило, пишутся корни слов, и слоговой азбукой, которой пишутся грамматические окончания, иностранные заимствования (кроме китайских) и собственные имена. При этом японские окончания и служебные слова записываются «хираганой», а иностранные слова — «катаканой» — своего рода угловатым курсивом. «Катакана» употребляется также для телеграмм, штампов, примечаний и других подобных целей. Без иероглифики, сплошной «хираганой» пишутся лишь популярные и детские издания. Такие издающиеся в очень небольшом числе тексты может читать каждый, хотя бы малограмотный, японец. Однако более или менее насыщенные иероглифкой тексты поймет далеко не всякий — здесь уже нужна некоторая общая подготовка. И, наконец, даже самый образованный человек часто бывает вынужден прибегать к словарю, встретив какой-нибудь редкий иероглиф.

В последние годы даже в специальных текстах «хирагана» все больше заменяет иероглифику. В 1966 г. автор видел в Токио большое количество правительственных объявлений, где параллельно с иероглифическими комплексами в скобках подписывались слова «хираганой», причем это была не «окуригана», применявшаяся и раньше и дающая фонетическое звучание приведенных иероглифов, а совсем иные слова и выражения, с иным звучанием, более употребительные в разговорной речи. И в специальной литературе, и в публицистике, и особенно в рекламах и объявлениях все более возрастает процент европейских заимствований, пишущихся «катаканой», вытесняющих архаичные иероглифические слова.

В Японии много университетов и специальных колледжей. Университеты не только готовят специалистов, но и служат основными центрами научно-исследовательской работы.

Несмотря на наличие в университетах и институтах большого числа высококвалифицированных ученых, уровень преподавания не очень высок, ибо оснащены университеты плохо. Средние школы — колледжи — подразделяются на два типа: общеобразовательные (типа гимназий) и специальные (типа техникумов). Все высшие и средние учебные заведения — платные. Среди высших и особенно средних учебных заведений много частных, причем плата за обучение в частных учебных заведениях особенно высокая.

За счет этого частные учебные заведения имеют гораздо более современные помещения, лучше оснащенные лаборатории, более богатые музеи. Что касается государственных средних и начальных школ, то многие из них ютятся в совершенно не приспособленных для занятий зданиях военного времени: казармах, бараках и т. п. В технических колледжах и

институтах студенты нередко платят также и за пользование лабораториями, за экзамены, за израсходованные при опытах реактивы. Большинство студентов, особенно из семей трудящихся, вынуждены совмещать учебу с работой в качестве грузчиков, официантов, рассыльных.

Естественно, что это мешает нормальному ходу занятий и снижает уровень подготовки студента в вузе. На эту подготовку оказывает отрицательное влияние еще одно обстоятельство. При трудоустройстве выпускников нанимающие их фирмы обращают внимание не столько на конкретные успехи данного студента, сколько на общую репутацию вуза, который он окончил. Поэтому основные усилия молодежи направлены на то, чтобы пройти трудный конкурс на приемных экзаменах в вузы, считающиеся лучшими. Но раз попав в такой вуз, студент уже вполне удовлетворяется посредственными оценками⁴¹. В результате всего этого, несмотря на сильную тягу японской молодежи к знаниям и на острую потребность хозяйства Японии в хорошо подготовленных кадрах, уровень подготовки молодых специалистов оставляет желать лучшего.

⁴¹ См. E. F. Vogel, *Entrance Examinations and Emotional Disturbances in Japan's «New Middle Class»*.

Глава II

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Поселения

Населенные пункты Японии делятся на следующие четыре группы: крупнейшие города общенационального значения, крупные местные (обычно префектуральные) центры, средние и мелкие города и местечки, сельские поселения¹.

Формальное деление городских поселений в Японии производится по количеству населения: города с населением свыше 30 тыс. человек относятся к категории «си» — городов, а города с населением меньше 30 тыс. — к категории «мати», т. е. местечек. Однако уровень 30 тыс. не является какой-либо определяющей социально-бытовой гранью. В группу «си» попадают поэтому весьма отличающиеся друг от друга города первой, второй и частично третьей групп; а в группу «мати» — лишь самые мелкие из городков третьей группы.

Большинство крестьян живут в поселках четвертой группы. Наиболее распространен линейный тип поселков с одной улицей, на которой дома расположены по одной или по обеим сторонам. Но встречаются также поселки разбросного, или кустового, типа, которые сложились внутри валов и каналов, опоясывавших древние поселения родственной группы².

Для Хоккайдо характерен хуторской тип поселения; он встречается и в равнинных районах собственно Японии, где

¹ Система административного деления в Японии довольно сложна, противоречива и не всегда отражает реальные экономические связи между населенными пунктами и территориями. Страна делится на 43 префектуры («кэн»). Особую административную единицу — «до» — составляет остров Хоккайдо, разделенный на ряд округов, которые по своим размерам и структуре могут быть сопоставлены с префектурами. Кроме того, имеются три городских округа: Токийский, Киотоский и Осакий. По площади и своему значению это единицы того же уровня, что и префектуры. Поскольку уездное деление сейчас отменено, следующими по рангу административными единицами после префектуры являются города (в основном первой и второй групп), по-японски «си», и городки (третьей группы), по-японски «мати». Территория деревень «мура» выделяется также в пределах соответствующих префектур и округов.

² Г. Треварта, *Япония*, стр. 125—126.

распространено рисосеяние. Хутора, как островки, выделяются своими стрижеными живыми изгородями на плоскостях рисовых полей. Примером исключительно хуторского расселения может служить равнина Тонами в преф. Тояма. В других районах хутора перемежаются с мелкими и средними поселками.

При сравнительно небольшом расстоянии между хуторами (на равнине Тонами — примерно 100—150 м) различия в типе поселения не оказывают большого влияния на формы быта, потому что в любом случае общественная жизнь концентрируется в административном центре, характер которого в общем одинаков по всей стране.

Самая мелкая административная единица — это деревня — «мура», которая состоит из нескольких поселков — «бураку». Современная структура деревни была искусственно создана в 90-х годах прошлого столетия с целью усиления контроля правительства над населением. В деревне имеется центральный «бураку», где находится муниципалитет — «якуба», полицейский пост, почта, школа, храм, общественный зал — «коминкан», магазин, сельскохозяйственный сбытовой кооператив. Все эти постройки расположены близ проселочной дороги, связывающей деревню с внешним миром. Муниципалитет обычно размещается в двухэтажном деревянном здании. Штат его состоит из выборного старосты, его помощника, секретарей и посыльных³.

Таким образом, «мура» — не поселение, а административное объединение поселений типа волости. В горных районах «мура» имеют очень большие размеры; так, например, «мура» Камитакара в преф. Гифу имеет площадь 450 кв. км⁴, т. е. ненамного меньше площади Токио. На этой территории среди лесов и рек разместилось 30 «бураку».

Примером равнинной деревни может служить Суэ Мура. Общая площадь ее — 16,8 кв. км. В нее входят 17 «бураку» с населением 1663 человека, проживающим в 285 дворах⁵.

Средний «бураку» состоит из 64 дворов, причем 39 из них принадлежат крестьянским семьям, а 25 — некрестьянским. Из крестьянских семей только 8 занимаются исключительно сельским хозяйством, 15 семей получают от сельского хозяйства более половины доходов, а 16 — менее половины. Эти цифры указывают на то, что общинная солидарность, ранее столь характерная для «бураку», разрушается⁶. Хотя «бураку» уже очень давно не являются родовыми поселениями, не-

³ K. Steiner, *The Japanese Village and Its Government*.

⁴ Материалы полевых обследований Г. Комаровского в 1961—1964 гг.

⁵ J. F. Embree, *Suye Mura...*

⁶ T. Fukutake, *The Revolution in Japanese Agriculture: Fact or Illusion?*, p. 18.

которые пережитки традиций таких поселений сохранялись до последнего времени.

Еще сравнительно недавно большинство жителей «бураку» были уроженцами данного «бураку», однако жен они, как правило, брали из других «бураку» или даже из других деревень.

В каждом «бураку» имеется обычно один синтоистский храм, божество которого носит название «удзигами» (родовое божество), а прихожане — жители «бураку» — называются «удзико» — «дети рода». Там, где нет «коминкана», им служит пристройка при храме или даже жилой дом священника (нередко являющегося и сельским учителем).

С течением времени «бураку» стали менее изолированными. Развитие торговли и промышленности изменило состав их населения. Почти в каждом «бураку» наряду с крестьянами живут торговцы, чиновники, рабочие, каждый день уезжающие на работу в соседний город. В некоторых поселках их больше, нежели крестьян. Традиционные отношения заменяются новыми; так, при постройке дома вместо соседской помощи стали прибегать к найму рабочих; на смену родственным отношениям приходят капиталистические.

Узкие улицы японских сельских поселений мало оживлены. Они служат лишь путями, ведущими к домам. Обычно днем в домах почти пусто. Дети находятся в школе, взрослые — на работе в поле. В поселке остаются только старики и старухи, занимающиеся домашним хозяйством, и дети дошкольного возраста. С падением в жизни японской деревни роли всякого рода домашних ремесел эта безлюдность в дневные часы стала особенно заметной. Жизнь кипит лишь в утренние часы, когда крестьяне завтракают, готовятся к выходу в поле, задают корм домашнему скоту и птице. Отсутствие свободных земельных участков и пастбищ повлекло за собой стойловое содержание скота и преимущественно клеточное содержание домашней птицы, что сводит к минимуму необходимость в присмотре за ними в дневные часы. Домашних животных можно увидеть на улице только в упряжке.

Вечерняя жизнь также сосредоточена в домах. В эти часы крестьяне принимают ванну после утомительного рабочего дня, ужинают, отдыхают. Таким образом, почти вся жизнь японского крестьянина проходит в кругу семьи.

Широкое общение крестьян между собой вне семейного круга происходит преимущественно в центральном поселке, во время храмовых праздников и общественно-политических мероприятий местного характера. Помимо общих праздников и дат поводами для межсемейного общения могут служить различные события и годовщины в рамках одной фамильной патронимии, и тогда они происходят на территории усадьбы

главной семьи — «хонкэ». Но в последнее время даже такие семейные события, как свадьбы, предпочитают проводить при сельском храме или в «коминккане» центрального поселка. В новых центральных поселках, особенно в районах с суровым климатом, как на Хоккайдо, «коминккан» и храм иногда соединяются небольшим тамбуром в единый комплекс. Внешне создается довольно странное впечатление от сочетания лишенного украшений, похожего на длинный сарай «коминккана» с традиционной храмовой постройкой. Но для населения это представляет несомненные удобства.

Для Японии характерна крайняя интенсификация труда, порождаемая обстановкой жестокой капиталистической конкуренции. Особенно сильно проявляется она в сельском хозяйстве, где рабочее время не нормируется ничем, кроме естественной продолжительности дня. Таким образом, целый ряд факторов — крайняя занятость крестьянина, работающего с раннего утра до вечера, ослабление патронимических связей, упадок домашних промыслов, растущая товарность хозяйства, капиталистическая кооперация, стремление к удешевлению дорогостоящих церемоний и обрядов, всеобщее школьное образование и другие — способствует одному и тому же процессу: растущему разграничению в сельской жизни двух бытовых сфер — производственно-домашней, ограниченной пределами своей усадьбы и участка, и общественной, концентрирующейся в рамках центрального поселка.

Изменения в быту, прежде всего проникновение в него элементов западного происхождения, происходят в этих двух сферах по-разному. В производственно-домашней сфере основным критерием является фактор практического удобства и целесообразности, в общественной же преобладает социально-оценочный фактор.

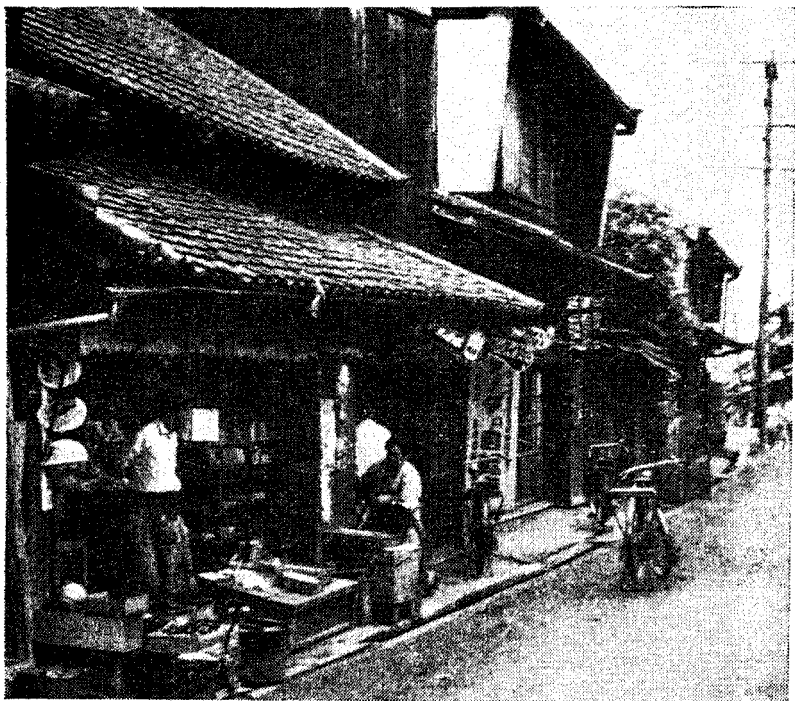
За последние сто лет многие удачно расположенные центральные «бураку» сильно разрослись и превратились в маленькие городки или местечки. В наши дни на них приходится значительная часть городского населения страны. Население таких местечек состоит из ремесленников, занятых обычно каким-нибудь одним кустарным промыслом; часто этот промысел специфичен для данного городка и больше нигде не встречается, например производство какого-либо вида игрушек или посуды. Иногда большинство жителей — рабочие какого-либо одного крупного предприятия. Многие местечки — это курортные городки с целебными горячими источниками, которые пользуются большой популярностью у всех слоев населения. Так или иначе, почти каждое местечко имеет свое, четко выраженное лицо. Кроме того, в окрестностях крупных городов много небольших городов-спутников.

Главная улочка такого городка третьей группы обычно

Центральная улица г. Симоити

совпадает с местной шоссейной магистралью. На ней и в прилегающих переулках сосредоточены лавки, кинотеатр и прочие коммерческие и общественные предприятия. В этих местечках довольно много мелких мастерских, кустарей и рабочих-надомников. Между ними и более крупными предприятиями идет постоянная производственная циркуляция сырья, изделий и полуфабрикатов. Именно в силу таких производственно-бытовых связей дома здесь более открыты, более непосредственно связаны с улицей и друг с другом, чем в деревне. Жизнь в маленьких городках проходит на виду у соседей, здесь нет такого четкого разграничения домашней и общественной сферы. Наличие производственной специализации и какого-нибудь крупного основного производства делает большинство городков третьей группы в значительной степени самодовлеющими производственными центрами в отличие от деревень, которые и по сбытовым сельскохозяйственным связям и по большому количеству несельскохозяйственного, ежедневно уезжающего на работу населения тесно связаны с крупными центрами.

Торговая улица г. Тэური

Если в довоенной Японии деревня с фигурой ретрограда-помещика была оплотом традиционализма, то сейчас в связи с ликвидацией помещичьего землевладения и заменой его экономически преобладающим кулацким капиталистическим хозяйством деревня является сельскохозяйственным придатком большого города, резервуаром его рабочей силы и соответственно проникается его идеологией. Это, разумеется, характерно для равнинных деревень, расположенных между скоплениями разросшихся городов (так называемыми конурбациями). Изолированные горные деревни мало затронуты этими процессами, но их удельный вес в общей массе сельского населения не так велик. Поэтому в наши дни оплотом традиционализма в Японии стали именно города третьей группы. Обстановка здесь иная, нежели в крупных городах с их в значительной мере пришлым населением. Такие городки представляют собой замкнутый мирок. Здесь все давно знают друг друга, здесь не любят чужаков, у местной мелкой буржуазии свои интересы и интриги и всем заправляет мест-

ный босс — крупнейший предприниматель, он же обычно и мэр. Текучесть населения в таких городках меньше, и даже молодые люди, окончившие университет в крупном городе, часто возвращаются на работу в родной городок, поскольку здесь им будет оказано предпочтение. Патерналистический образ действий местных боссов также способствует обстановке застойности в этих городках.

Разумеется, максимальный консерватизм наблюдается в городках, специализированных в отраслях легкой промышленности со значительным удельным весом полукустарных предприятий. Эти предприятия в той или иной форме контролируются монополистическим капиталом. Однако наличие массы мелких формально независимых хозяйчиков способствует превращению таких городков в резервации мелкобуржуазного образа жизни. Такие городки могут играть довольно большую роль в снабжении страны некоторыми товарами массового потребления, нередко будучи их монопольными производителями. Так, обследованный автором городок Симоити специализируется на производстве палочек для еды — «хаси», рассчитанных на одноразовое употребление, и является их крупнейшим поставщиком для всей страны.

Симоити — типичный пример городка с частично мелкобуржуазным, ремесленным, частично сельскохозяйственным населением. Городок занимает площадь 63 кв. км, из них 2,05 кв. км заливных полей, 4,5 кв. км суходольных, 44,25 кв. км леса, 0,75 кв. км заняты застройкой, остальное — горные пустоши, речные русла и т. д. Население его — около 15 тыс. человек, живущих в 3400 домохозяйствах. Из этих домохозяйств 1300 — крестьянские, расположенные на окраинах городка и в тяготеющих к нему пятнадцати «бураку». В каждом из «бураку» имеется синтоистский храм («мия») и один-два буддийских храма («тэра»). В торговле и промышленности занято 7 тыс. человек (включая несовершеннолетних членов семей), в сельском хозяйстве — 4 тыс. В городке имеется семь начальных школ, пять детских садов, две неполные средние школы, филиал полной средней школы соседнего городка, один кинотеатр и один зал игровых автоматов «пачинко».

Социально близкую картину дают и города с преимущественно пролетарским населением. Автор посетил ряд таких городов, например Анои, имеющий крупные судостроительные верфи и предприятия тяжелого машиностроения. Случается, что громадное предприятие со многими тысячами рабочих размещено в городке всего с несколькими десятками тысяч населения. Это означает, что с судьбой предприятия связана судьба почти каждой семьи в городе, что мелкие предприниматели и работающие в сфере торговли и обслуживания практически обслуживают только семьи персонала основного

предприятия. Понятно, каким влиянием пользуются владельцы предприятия в таком городке, какое давление на общественное мнение они способны оказывать. Примером такого городка, где жизнь всего населения теснейшим образом связана с находящимся в нем крупным капиталистическим предприятием, может служить Камиока в преф. Гифу. Здесь находятся разработки полиметаллических руд и завод по выплавке цветных металлов, принадлежащий фирме Мицуи Кодзан. Из 30-тысячного населения Камиока 9 тыс. работают на этом громадном предприятии.

Во вторую группу входят многие старинные японские города, сложившиеся в средние века вокруг феодальных замков. Центр таких городов имеет прямоугольную планировку. Окраины же, обычно разраставшиеся стихийно, лишены какого-либо четкого плана⁷.

Город второй группы — это единственный относительно крупный центр своего района, состоящего из многочисленных городков третьей группы и сельских поселений. Поэтому вполне естественно, что города второй группы имеют более или менее четкую концентрическую структуру — деловой, торговый и культурный центр окружен поясом жилых массивов, затем идут промышленные окраины, переходящие в пригороды, постепенно смыкающиеся с сельской местностью. Крупнейшим же городам первой группы свойственна множественность центров⁸. По конурбации разбросано несколько районов уплотненной городской застройки, перемежающихся с полусельским ландшафтом. В свою очередь в пределах уплотненной городской застройки выделяется не один, а много районов коммерческой и культурной деятельности, разделенных территориями жилых кварталов. Среди безбрежного моря деревянных одноэтажных или двухэтажных домиков, пронизанного лабиринтом переулков, как острова, встают прямоугольные кварталы восьми-девятиэтажных современных бетонных зданий — банков, отелей, контор, кинотеатров, универмагов. За исключением этого различия, коммуникационная структура поселений обеих этих групп во многом идентична.

Крупнейшие города первой группы, такие, как Токио или Осака, являют собой причудливую смесь современных кварталов и магистралей, зеленых массивов и запутанной паутины безымянных улочек, сохранившихся от когда-то поглощенных городом деревень. Городам второй группы свойственна такая же сложность строения, хотя и в меньшей степени.

Основные крупнейшие конурбации Японии можно перечислить. Прежде всего это территория городского округа Токио

⁷ Г. Треварта, *Япония*, стр. 139.

⁸ S. Kurasawa, *The Structure of Urban Society*.

(исключая его западную сельскую и горную часть и административно приданные ему острова на подходе к Токийскому заливу). Токийская конурбация помимо 23 районов города включает не только много городков, входящих в Токийский округ, но и ряд крупных городов, входящих в соседние префектуры Тиба, Канагава и Сайтама (Кавасаки, Кавагути, Иокогама и др.). Все эти города, соединенные густой сетью транспортных коммуникаций, составляют единый не только экономический, но и бытовой район, так что житель префектуры Канагава может работать в «Токио-то», и наоборот.

Другой громадной конурбацией является район Осака — Кобе. К нему же в какой-то степени тяготеет и Киото, находящийся в 30 минутах езды поездом от Осака. Город Нара, хотя и имеет тесные связи с этой конурбацией, все-таки в силу своей культурной, туристической и религиозной ориентации стоит особняком и представляет собой пример города второй группы. Киото также является культурным, туристическим и религиозным центром, но по своим масштабам и структуре принадлежит скорее к городам первой группы.

Особую конурбацию представляет Нагоя с близлежащими городами. Наконец, большую конурбацию образуют города Северного Кюсю (Вакамацу, Модзи, Кокура, Явата). К этой конурбации тяготеет и район Симоносэки, связанный с Северным Кюсю транспортным тоннелем, проходящим под дном пролива Каммон⁹.

С наибольшей остротой и рельефностью характерные черты облика и жизни японских конурбаций выражены, конечно, в Токио.

Токио — это котел, где перемешиваются выходцы из всех областей Японии; это громадный город с бешеным темпом жизни, и о его толчее, шуме, переполненности не могут дать представления самые людные улицы наших крупнейших городов. Но стоит свернуть в сторону с забитых машинами магистралей — и можно заблудиться в извилинах тихих переулков, таких узких, что иногда нужно прижиматься к стенам, чтобы дать проехать автомашинам, появляющимся здесь, к счастью, редко.

Районы совершенно разных типов застройки переплетаются и смыкаются между собой без каких-либо переходов. Можно выделить три основных типа застройки: деловой, магистральный и малоэтажно-жилой. Районы сосредоточения нежилых, конторских и общественных зданий всегда перегружены пешеходами и машинами. Здесь особенно остро стоит

⁹ Здесь слияние зашло так далеко, что конурбация была недавно административно преобразована в единый город Кита-Кюсю (Симоносэки остался отдельным городом).

вопрос о стоянках транспорта и о ликвидации пробок и заторов в движении. Относительно короткие и прямые улицы открывают доступ к крупнейшим зданиям с разных сторон, что является единственно приемлемым в таких условиях.

Отдельные группы описанного типа связываются между собой транспортными проездами. По ним проходят потоки автомобильного транспорта и трамвайные линии, которые в недавно построенных или реконструированных районах заменяются троллейбусными. Под землей здесь находится густая сеть линий метро, как правило, неглубокого залегания. В сгустках общественных зданий, особенно значительных там, где пересадочные развязки пригородно-городских рельсовых коммуникаций вызвали к жизни новые дополнительные центры торговой, деловой и общественной жизни¹⁰, подходы к метро и подземные переходы превращаются в целые подземные кварталы со своей оживленной торговой жизнью. Двухэтажные дома, выходящие на магистральные проезды, в большинстве своем также выполняют функции торгового и общественно-бытового обслуживания.

Территории между магистральными проездами и участками общественных зданий занимают жилые массивы, состоящие из небольших домов. В структуре этих жилых кварталов есть определенные локальные различия. В Токио дома отделены от улицы высокими заборами и стоят на некотором расстоянии друг от друга. В Киото дома тесно прижаты друг к другу и выходят торцовыми сторонами непосредственно на улицу, а дворик находится со стороны, противоположной улице¹¹.

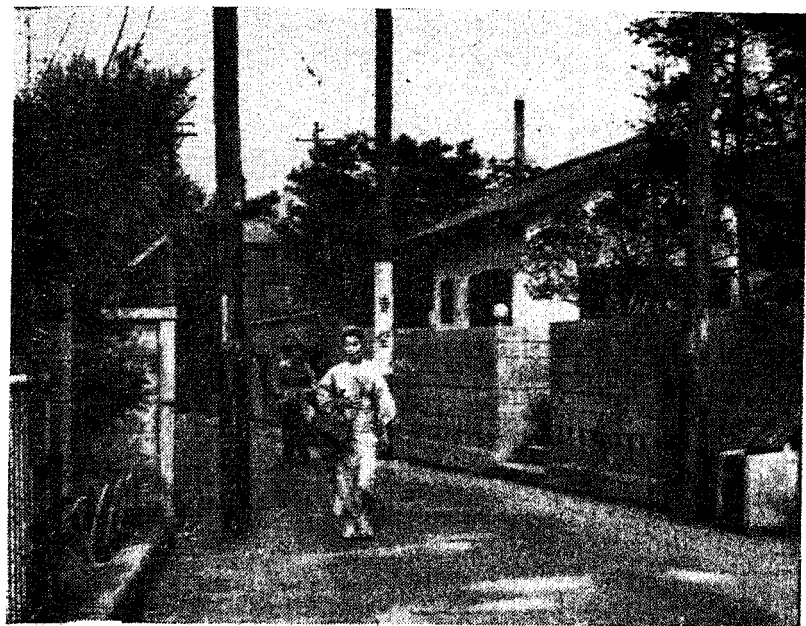
Однако в любом случае для узких улочек жилых массивов характерна относительная малолюдность, поскольку здесь торговых точек практически почти нет. Для удовлетворения повседневных потребностей в товарах и обслуживании жители такого квартала должны идти в ближайший магистральный проезд, а с запросами более высокого уровня — к ближайшему или дальнему сгустку общественных зданий, где находятся торговые, зрелищные и другие предприятия.

Особняком расположены очень оживленные торговые узкие улочки, отходящие от магистральных проездов и вклинивающиеся в глубь жилых кварталов. В них находятся мельчайшие предприятия розничной торговли и общественного питания.

Особый, четвертый тип застройки, появившийся в самые последние годы, — это «данти» — районы стандартных четырех-пятиэтажных многоквартирных жилых домов. «Данти» возникают и в районах старой застройки при их реконструк-

¹⁰ S. Kurasawa, *The Structure of Urban Society*, p. 31.

¹¹ B. Taut, *Houses and People of Japan*, pp. 236—237.

Внутриквартальная улица в Токио, квартал Синсака-мати

ции, уничтожении трущоб, ликвидации устаревших барачных строений — «нагая». Однако больше всего их на окраинах, в районах полусельской застройки.

Хорошее описание «данти» дано у советского историка Г. Б. Навлицкой: «Столичная жилищная корпорация („Дзю-таку кёкай“) строит в столице многоквартирные дома с современными удобствами. Это четырех- и пятиэтажные здания с однокомнатными, двухкомнатными и трехкомнатными квартирами, выходящими или в общий коридор, или на лестничные площадки. Вдоль всего здания на каждом этаже идут длинные, единые для всего этажа балконы. На широкое пространство балкона открывают не двери, а чисто по-японски раздвигающиеся сёдзи, только теперь это обычные стеклянные рамы, уходящие в пазы стены. Летом балконы сплошь увешаны бельем (влажный климат и несметное количество пыли позволяют носить платье только в течение одного дня), и издали эти шеренги четырехэтажных зданий с четкими линиями и яркой расцветкой похожи на плывущие корабли с трепещущими по ветру разноцветными флагами. Дома

Дома типа «апато» (Токио. Квартал Синсака-мати)

обычно объединяются в замкнутый жилой микрорайон со своими магазинами, школами, прачечными»¹².

В связи с высокой степенью скученности городского населения, перегруженностью транспортных артерий, фантастическим ростом цен на земельные участки для больших городов Японии характерна многоярусность коммуникаций. Помимо уже упоминавшихся подземных коммуникаций есть множество надземных. Автомобильные дороги на эстакадах, монорельсовые и обычные железные дороги, выполняющие те же функции, что и метро, переходные мостки, высоковольтные

¹² Г. Б. Навлицкая, *По Японии*, стр. 33.

линии передач переплетены между собой с максимальной теснотой и плотностью.

По традиции в Японии нет названий улиц. Лишь недавно, в основном в послевоенные годы, магистральным проездам крупных городов были присвоены названия. Однако это сделано скорее для удобства иностранцев, в значительной степени по инициативе американской оккупационной администрации и практически осталось незамеченным большинством японцев. Адрес состоит из указания города, в крупном городе — городского района («ку») и в его пределах квартала («тё», «мати»). Городки третьей группы сами носят название «мати» и рассматриваются как единый квартал. В пределах квартала имеется нумерация домов, которая, однако, носит не топографический, а хронологический характер. Найти нужный дом в квартале часто помогает план квартала, укрепленный на доске на углу или выдаваемый ближайшим полицейским постом.

Территории фабрично-заводской застройки преобладают на окраинах городов, но более старые из них давно уже окружены со всех сторон районами беспорядочной мелкой жилой застройки, между которыми кое-где еще попадаются последние огородные участки, оставшиеся от бывшей здесь сельской местности. Более новые предприятия часто расположены вдоль дорог, связывающих отдельные ядра конурбации, в местности, еще сохраняющей многие сельские черты.

Все более широко практикуется сооружение новых предприятий на искусственно намытых в море землях. Грунт либо намывают со дна соседних углубляемых участков, либо дробят и ссыпают в море прибрежные скалы. Дороговизна этих работ компенсируется ровностью полученной площадки и удобством подхода транспортных судов по оставляемым каналам. Особенно широко развернулось наступление на мелководную часть Токийского залива и на некоторые районы у берегов Сето-Найкай, куда не проникают разрушительные приливные волны. Для Японии характерна большая компактность, переходящая в скупенность, не только внутри самих предприятий, но и в сочетании предприятий с кварталами. Никакие разумные нормы гигиенического, санитарного, противопожарного характера не выдерживаются. Повсеместно можно видеть провода, проходящие угрожающе низко над крышами, дома, стоящие вплотную к громадным газгольдерам. В то же время большинство рабочих этих предприятий вынуждены ездить на работу издалека. Довольно часто путь только в один конец занимает полтора часа.

Особым видом городской территории являются парки. В японских городах сравнительно мало зелени. Правда, каждый домохозяин стремится разбить при своем доме садик, но

в большинстве случаев этот садик — пара чахлах кустов, зажатых между домом и забором. Уличное озеленение имеется лишь на некоторых магистральных проездах. В общественных парках, таких, как Большой парк, парки Уэно и Коракуэн в Токио, аттракционы и другие коммерческие предприятия сильно потеснили зеленые насаждения. Эти парки всегда многолюдны.

Этого, к сожалению, нельзя сказать о ландшафтных парках. Сами по себе ландшафтные парки могут рассматриваться как прекрасные самостоятельные произведения архитектурного искусства. В этих парках создана полная иллюзия природного ландшафта¹³. Но при всех своих высоких художественных достоинствах, чистоте, хорошем воздухе и других благах ландшафтные парки малодоступны большинству трудящегося населения японских городов. За вход в них взимается довольно высокая плата, и открыты они только в дневные часы. Поэтому большое значение в качестве «зеленых легких» японских городов имеют храмовые рощи. Они сохраняются в первозданной целости, даже если вокруг них выросли оживленные деловые кварталы. Зачастую ни сами храмы, ни их рощи почти не видны из-за обступивших их со всех сторон высоких зданий. В такой роще совсем иной воздух, чем на грохочущей рядом улице, и даже уличный шум сюда почти не доносится. В этих рощах, всегда открытых для всех бесплатно, в любое время можно встретить гуляющих¹⁴.

Во всех населенных пунктах Японии, несмотря на их крайнее разнообразие, можно заметить некоторые общие черты, связанные с путями их развития за последнее столетие. Для феодальной Японии была характерна большая структурная однородность поселений. Конечно, и здесь существовали цеховые кварталы, районы средоточия торговой деятельности и другие специализированные участки. Однако при преобладающем надомном характере производства торговая и производственная деятельность была более или менее равномерно рассредоточена по городской территории. То же самое было характерно и для деревни, где процветали промыслы, позволявшие деревне в значительной мере самообеспечиваться. С развитием в Японии современного капиталистического уклада хозяйства с соответствующей техникой и административным устройством в городах и в сельской местности сложились промышленные, административные и торгово-коммунальные центры, в городах — кварталы, а в деревнях — центральные поселки. Эти центры оттянули на себя из жилых

¹³ Z. E. Kuck, *The Art of Japanese Gardens*; S. Newson, *Japanese Garden Construction*.

¹⁴ Y. Okada, U. Sadatoshi, *Shinto Shrines and Festivals*.

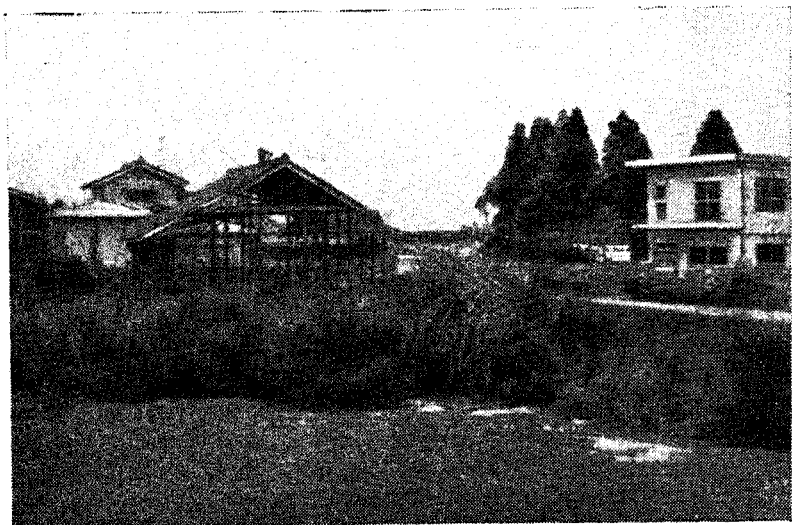
кварталов значительную часть всех функций, не имеющих прямого отношения к жилищно-бытовой сфере. Именно здесь сосредоточились материальные черты западного стиля.

Правда, надомный труд долго сохранялся и в больших городах. Крупные предприятия передавали детали и изделия надомникам для ряда мелких операций: обработки, сборки, фасовки, упаковки. Отчасти это имеет место и по сей день, однако для крупных городов это становится все менее характерным. Поэтому можно считать, что в жилых кварталах крупных городов сосредоточены только жилищные функции. Тенденция к увеличению удельного веса чисто жилищных функций отмечается и в сельских жилищах. Это способствует сохранению в жилищной сфере традиционных черт быта. Только в маленьких городках сохраняется рассредоточенность производства и переплетение производственных и жилищных функций в поселении. Поэтому здесь больше, чем в деревнях и в крупных городах, сохраняются традиционные черты и в сфере коммунального быта. Смещение торговых и жилищных функций имеет место также в больших городах вдоль магистральных проездов. Но в отличие от мелких городов здесь совмещение жилья и лавки не восходит к временам средневековья: все эти лавки, как и сами магистрали, возникли сравнительно недавно, и именно в районе магистральных проездов можно наблюдать наибольшую степень смещения традиционных и западных бытовых и архитектурных черт.

Жилище

Из всех областей быта и материальной культуры наибольшее взаимопроникновение черт западного и японского происхождения наблюдается, пожалуй, в зодчестве, в частности в японском жилище. Этот синтез не бросается в глаза. Более того, первоначально наблюдателя скорее поражает кажущаяся контрастность, резкая грань между традиционным и новым, между «азиатским» и «европейским». Еще недавно из десяти с лишним миллионов жителей Токио, включающего кроме собственно столицы с пригородами города соседних префектур — Кавасаки, Иокогама, Итикава, Кавагути, — лишь ничтожный процент жил в так называемых «апато» (от англ. «apartment») — современных многоквартирных домах.

За последние годы облик японских городов и отдельных домов сильно изменился. По формально-конструктивным принципам организации пространства можно отметить три категории зданий. В деловых кварталах преобладают здания делового назначения, часто почти не отличимые от аналогичных строений в западных странах. Различия в деталях связа-

Строительство коттеджей (пригород г. Тонами, преф. Тояма, сентябрь 1966 г.)

ны с различием в характере архитектурных школ. Использование некоторых мотивов и принципов японского национального зодчества или носит формально-стилизационный характер, или относится к таким приемам оформления пространства, которые не бросаются в глаза. Эти здания мы назовем зданиями первой группы¹⁵.

Вторую группу составляют дома, выходящие на транспортные магистрали городов. Как правило, это деревянно-каркасные двухэтажные дома, конструктивно близкие к традиционному японскому жилищу, но без элемента свайности, поскольку в нижнем этаже размещается обычно лавка и пол его по уровню является как бы продолжением плоскости тротуара. Верхний этаж может быть жилым. Интерьер бывает преимущественно в японском стиле или в смешанном, но в наружной части дома четко прослеживается влияние Запада. Это проявляется в структуре крыши, в обмазке стен. Хотя обмазка стен штукатуркой не чужда японской традиционной архитектуре, здесь мы видим имитацию бетона, а иногда, в декоративных целях, каменно-кирпичной кладки с присущими этим строительным материалам формами и архитектурными объемами. В этих зданиях нет сплошных, во всю стену, полу-

¹⁵ U. Kultermann, *New Japanese Architecture*.

прозрачных рам «сёджи», столь характерных для японского стиля. В нижних этажах двери часто застеклены и занимают лишь часть стены, приближаясь по виду к дверям западного типа. В верхних этажах имеются небольшие оконные проемы.

В таких домах крыша иногда бывает не из черепицы, а из кровельного железа. Однако на стыках всех четырех скатов делаются рельефные утолщения, имитирующие черепичный шов. Внешне такой дом резко отличается от построек японского стиля, но рассмотрение деталей позволяет выявить так много японских черт, что они представляются количественно доминирующими. Тем не менее все эти черты выступают в столь измененном виде, что не диссонируют с общим обликом здания, приближающимся к западному.

В социальном отношении население домов второй группы принадлежит большей частью к мелкой буржуазии: часто это собственники находящихся здесь же мастерских и лавочек. Часть жилой площади сдается представителям трудящихся слоев населения.

Промежуточный тип между первой и второй группой представляют собой дома «апато». Со зданиями первой группы их сближает многоэтажность, материал и техника возведения каркаса, но внешнее архитектурное оформление имеет черты, характерные для второй группы (так, в отличие от зданий первой группы с их западным интерьером, в «апато» форма окон и дверей свидетельствует о преимущественно традиционном интерьере). Необходимо различать две категории «апато». Это, во-первых, отдельные здания, имеющие свое индивидуальное архитектурное лицо, а зачастую и собственное название и состоящие из весьма благоустроенных квартир, стоимость которых очень высока, во-вторых, совершенно стандартные дома, построенные с максимальной экономией средств, составляющие обширные районы новостроек — «данти».

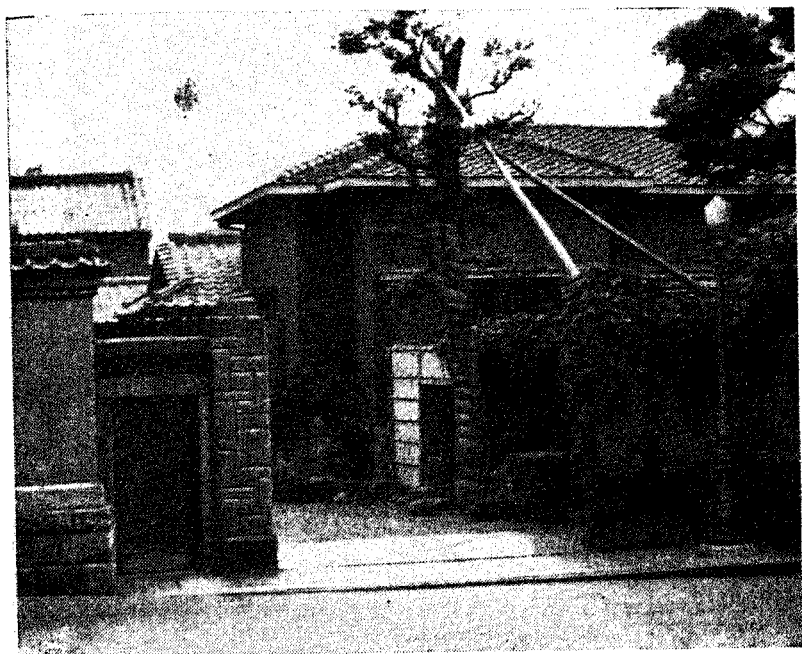
Внешне отдельные «апато» и дома в «данти» имеют много общего. Это обычно бетонные здания в три-пять этажей, выдержанные в стиле конструктивизма. Но между этими двумя внешне близкими категориями с социальной точки зрения имеются существенные различия. Плата за квартиру в дорогих «апато» («мансион») составляет обычно 50 тыс. иен (квартиры в «апато» нередко сдаются с полной меблировкой). Обитатели «мансион» — это прежде всего буржуазия и наиболее зажиточная часть интеллигенции, в особенности представители свободных профессий — артисты, писатели, адвокаты и т. д. В «данти» живет служащая интеллигенция и высокооплачиваемая часть рабочих. За квартиру в «данти» в зависимости от ее размера и главным образом наличия или

отсутствия у съемщика прав на льготы (например, в «данти», построенных данной компанией, предприятием, учебным заведением для своих служащих) плата колеблется в пределах от 5 тыс. до 15 тыс. иен¹⁶. По данным, собранным автором во время пребывания в Японии в 1966 г., вопрос о предоставлении квартир в «данти» решается жеребьевкой, так как на каждую вступающую в строй квартиру имеются в зависимости от района десятки и сотни претендентов. Конструктивное различие между отдельными «апато» и зданиями в «данти» состоит в том, что в первых имеются закрытые и полузакрытые лестничные колодцы с входом в квартиры с лестничных клеток. В «данти» преобладают веранды, идущие вдоль каждого этажа, и открытые лестницы с входом в каждую квартиру с веранды. Разумеется, разница в качестве строительства и уровне внешнего оформления очень велика. Наконец, если дорогие «апато» либо стоят отдельно, либо образуют небольшие группы одинаковой архитектуры, «данти» — это большие кварталы стандартной застройки.

Третью группу зданий составляют строения внутриквартальных проездов. Эти дома — основной жилищный фонд японских городов — почти полностью сохраняют японский архитектурный стиль. С ними нередко контрастируют заборы из крупных блоков, отражающие западные архитектурные традиции. В самих домах модернизация проявляется лишь в виде новых материалов — шифера, гофрированного железа. Однако даже когда крыша делается не из черепицы, а из кровельного железа, ее конфигурация и оформление копируют традиционные образцы.

Наиболее типичный для этой группы японский дом представляет собой легкое каркасное строение, иногда без фундамента. Столбы каркаса не врываются в землю, а ставятся для предохранения от подгнивания на плоские камни — базы. Нижний венец каркаса дома и балки, на которые настилается пол, устраиваются примерно на полметра-метр выше земли, отчего жилище напоминает свайные тропические постройки. Крыши, двускатные или четырехскатные, с невысокими гребнями, обычно покрыты черепицей сложного профиля, с замысловатой фигурной накладкой на коньке. Широкий свес крыши выступает больше чем на метр, защищая комнаты от дождя и солнца. Только часть стен — обычно торцовые — делают неподвижными, остальные, особенно те, которые обращены на юг, состоят из «сёдзи» — легких раздвижных рам, оклеенных прозрачной бумагой, которые скользят по верхним и нижним пазам. Нераздвижные части дощатых стен ча-

¹⁶ Так, квартира с комнатами площадью 10 и 8 кв. м в г. Тояма по льготным условиям сдается за 7,5 тыс. иен в месяц.

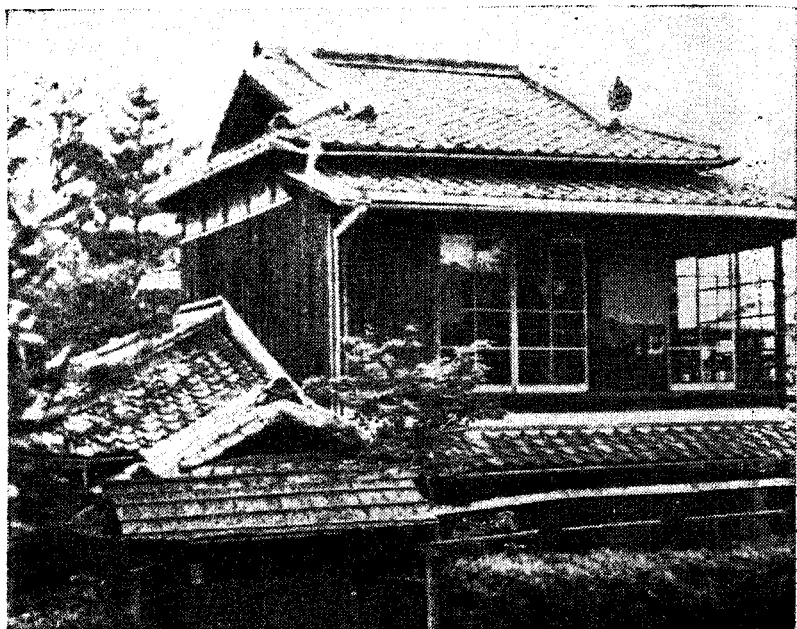

Дом богатого горожанина в Токио

сто обмазывают несколько раз глиной, в которую для прочности подбавляют измельченную рисовую солому, и иногда белят. Дома имеют в плане прямоугольную форму, обычно они невелики по размерам (20—25 кв. м).

В третью группу входят здания, различные по качеству и стоимости. С одной стороны, это очень дорогие дома средней и крупной буржуазии, построенные по индивидуальным проектам выдающихся архитекторов и художников из дорогих материалов, с большим вкусом. С другой стороны, это основной старый жилищный фонд японских городов. Собственниками их являются представители мелкой буржуазии и в значительной части также трудящегося населения из числа коренных местных жителей, съемщиками — в основном семьи рабочих и низкооплачиваемой интеллигенции.

В 1940—1950 гг. распространенным типом городского жилища для рабочих был «нагая», кое-где сохранившийся и по сей день. Он представляет собой узкую длинную постройку (отсюда название «нагая», буквально: «длинный дом»), разделенную на квартиры из двух-трех, а иногда и одной ком-

Дом богатого горожанина в Нара

натки, с выходом на улицу. Все выходы находятся на одной стороне дома. Наиболее дешевые жилые дома типа «нагая» — одноэтажные. Двухэтажные, где второй этаж представляет собой мезонин, несколько дороже.

Несмотря на большие конкурсы на замещение вакантных квартир в «данти», идеалом жилища в представлении большинства японцев остается дом третьей группы. Обладание таким домом — это определенный показатель устойчивого социального положения, вершина и конечная цель, к которой стремится рядовой японец. Отношение к «данти» как к жилищу второсортному и временному, приобретаемому в надежде заменить его собственным отдельным домиком, выражается в поговорке: «„Данти“ — это „нагая“ нового времени».

Поэтому вряд ли можно предполагать, что современное многоэтажное строительство в обозримый промежуток времени приведет к вытеснению жилища традиционной структуры. Это тем более маловероятно, что укреплению роли традиционного японского дома в качестве показателя устойчивого материального положения способствует отношение к нему наиболее состоятельной части общества. Если в 50-х годах

эта часть общества проявляла тенденцию к максимальной европеизации быта, которая тогда обходилась значительно дороже, чем теперь¹⁷, то в наши дни положение существенно изменилось.

Так, Г. Б. Навлицкая пишет: «Высшие слои общества стремятся создать для себя особые условия, окружить свой быт аксессуарами, недоступными большинству населения. На раннем этапе соприкосновения общества с культурой Запада это выглядело как быстрые темпы и гипертрофированные размеры модернизации — те же, скажем, знаменитые 300 „кадиллаков” короля Сауда и не меньших размеров „конюшня” правителя Кувейта. В последующий период получила распространение консервация дорогостоящих аксессуаров прежнего быта. Например, японский национальный дом, недоступный сейчас даже средним слоям, превращается, особенно если учесть цены на землю, в дорогое украшение быта высших слоев»¹⁸.

Это правильное наблюдение отражает тем не менее лишь одну часть общего процесса, его исходную предпосылку. Дело в том, что в условиях быстрого развития производительных сил общества многие аксессуары быта верхушки недолго остаются недоступными остальным слоям населения. Из предмета роскоши они могут стать предметом не только общедоступным, но и почти необходимым. Так случилось с автомобилем в США. В Японии в XIX в. такой социальный путь проделали, как мы увидим ниже, декоративная ниша «токонома» и циновки «татами», в XX в. — европейская одежда. Вполне возможно, что в будущем и японский традиционный дом будет более доступен хотя бы средним слоям населения. Все это, конечно, не стирает пропасти между бытом обеспеченной верхушки общества и бытом испытывающих постоянную материальную нужду широких масс. Автомобиль американского рабочего или европейская одежда японского, разумеется, не свидетельствует об их благополучии и социальной стабильности. Просто роль материального показателя бытового классового разграничения переходит к другим предметам.

В конце 50-х годов строительство новых индивидуальных домов, сочетающих традиционный стиль с приближенной к современным требованиям комфортабельностью, было в социальном плане единичным, а в техническом — экспериментальным явлением. В середине 60-х годов такое строительство уже стало массовым, индустриальным. В районах, тяготеющих к крупным городам, горные склоны террасируются, выравниваются и превращаются в площадки для застройки с подъезд-

¹⁷ R. P. Dore, *City Life in Japan (Life in a Tokyo Ward)*, pp. 33—34.

¹⁸ Г. Б. Навлицкая, *По Японии*, стр. 20.

ными путями. Конечно, стоимость таких площадок, не говоря уже о стоимости самого строительства, очень высока, но группы коттеджей, вырастающие, как грибы, свидетельствуют, что социальная база индустриального строительства малых коттеджей в Японии значительно расширилась.

Для архитектуры и убранства японского дома характерны экономия и простота. Японцы не окрашивают свои жилища снаружи. Поэтому деревянные части дома со временем становятся серыми, придавая японским городам и селам унылый, серый колорит, который японцы, однако, считают приятным¹⁹. Внутренние деревянные части полируют, отчего они приобретают коричнево-золотистый оттенок. Тщательная отделка деревянных частей придает интерьеру дома спокойный и мягкий облик.

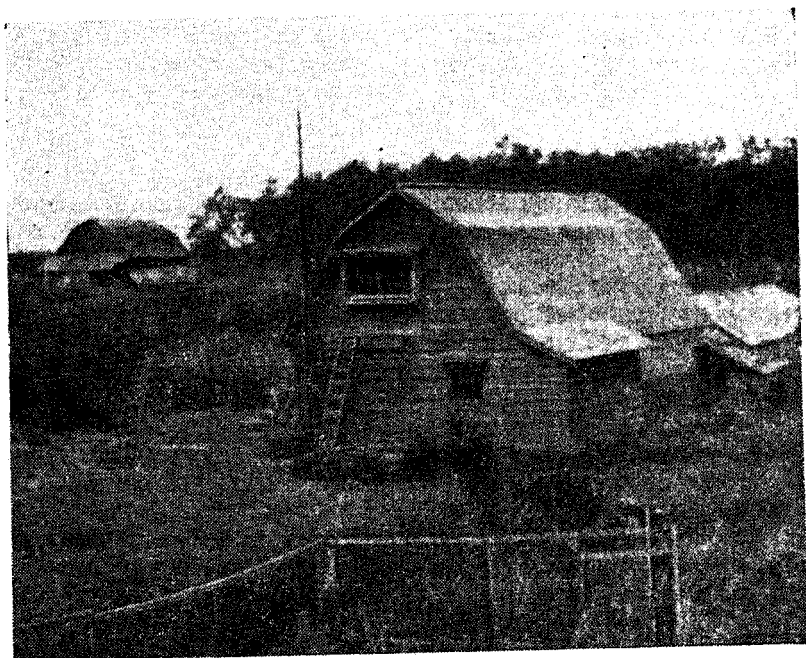
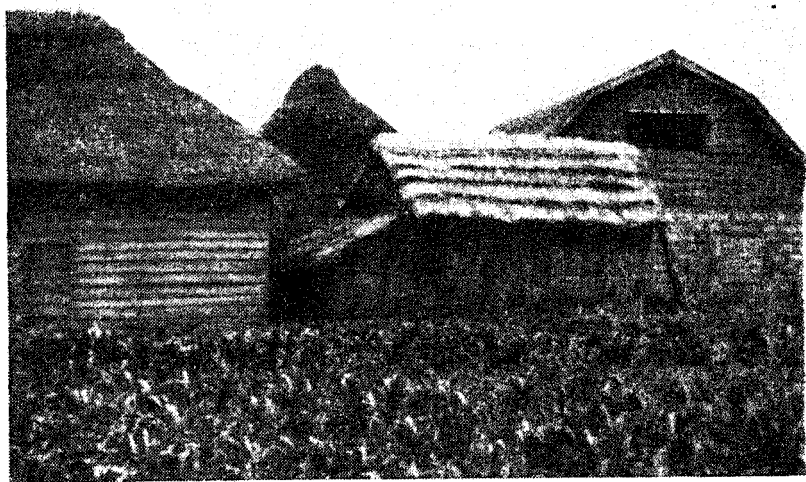
Кухня находится под одной крышей с жилыми комнатами. Пол в кухне, как правило, дощатый, расположен часто ниже уровня пола жилых комнат.

Сельское жилище по своим основным архитектурным характеристикам почти идентично городским зданиям третьей группы. Его отличают от последних большее разнообразие размеров, от минимальных до очень больших, сочетание жилых помещений со служебными постройками усадьбы, кухня-прихожая с земляным полом. Основное же отличие — широкое распространение в деревне толстых соломенных крыш с подстриженным краем.

В тех районах, где часты сильные ветры, крыши делаются из дранки и балластируются камнями и бревнами. Железные крыши современного строительства также укрепляются штангой, проходящей вдоль крыши на расстоянии $\frac{4}{5}$ ширины ската от конька.

Жилые дома японцев на Хоккайдо крыты преимущественно кровельным железом или дранкой. Японские поселения на Хоккайдо — это отдельные хутора, очень похожие по застройке на американские фермы, с высокими железными крышами

¹⁹ Г. Треварта, *Япония*, стр. 123, 147. Это национальное цветовое предпочтение выражается и в серо-черном цвете черепицы. В модернизированном строительстве долго преобладали те же тона. В 60-х годах зажиточные крестьяне повсюду возводили, как наблюдал автор, над старыми соломенными новые металлические крутые (до 60°) крыши, и они тоже красились в серо-черный цвет. Но в 1966 г. колорит поселений стал резко меняться: в новом строительстве повсюду применяется красная, зеленая, синяя черепица, глазурированная или окрашенная. Кое-где автор замечал пестроокрашенные черепичные крыши, причем игнорировалась линия стыка черепицы. Плогие железные крыши новых зданий индивидуальной застройки красились в те же цвета. Автор полагает, что причина этого кроется во все большем участии в строительстве молодого поколения, чьи вкусы формировались уже в послевоенные годы, под влиянием вездесущей яркой рекламы. Очевидно, мы являемся свидетелями перелома в этнических традициях цветового предпочтения.

Типы усадеб на Хоккайдо (округ Хидака, июль 1960 г.)

и мансардами, с хлевами и силосными башнями. На нежилых строениях японские крестьяне сооружают айскую крышу из снопиков соломы, уложенной ступенчатыми рядами. Внутри жилого дома в общем сохраняется традиционная японская обстановка, хотя открытый очаг здесь заменяется печкой-временкой.

В большинстве японских зажиточных усадеб во дворе или по его периметру располагаются сарай, хлев, а также «кура» — солидная двухэтажная постройка с почти глухими каменными или глинобитными стенами, служащая кладовой для запасной утвари и предохраняющая ее от пожаров. В отдельной пристройке часто помещается ванна.

Во дворе находится ток для сушки и обмолота зерна. Здесь же производятся всевозможные домашние работы — плетение корзин, разматывание шелка и др. Усадьбы бедняков, особенно в рыбацких поселках, часто не имеют надворных построек.

В планировке традиционной усадьбы и дома большое значение имело расположение отдельных деталей по странам света. Румбы старинного японского компаса обозначаются знаками стихий (север — вода, восток — дерево, юг — огонь, запад — металл) и животных (север — крыса; восток — бык, тигр, заяц, юг — дракон, змея, лошадь, запад — овца, обезьяна, птица, затем собака и кабан). Эти же знаки обозначали годы 60-летнего цикла, а также часы суток. С этими знаками был связан обширный комплекс суеверий, поэтому выбор места для того или иного сооружения (или выбор дня для какого-нибудь дела или определение достоинств невесты по дню ее рождения) производился при консультации со знахарями-гадателями, и их рекомендации исполнялись, даже если они противоречили здравому смыслу и создавали серьезные неудобства²⁰.

Разумеется, с этими предрассудками не считаются в современном индустриальном строительстве, планировка которого ведется на научной основе, хотя и тут закладка объекта обычно не обходится без молебна приглашенного на стройплощадку синтоистского священника. Но в индивидуальном строительстве и по сей день учитываются рекомендации гадателей. Если застройщик не обратился к ним, гадатели прибегают к шантажу: приходят на стройплощадку и перечисляют грядущие несчастья, которые неминуемо должны обрушиться на «неправильно» сооружаемое здание²¹.

Японская национальная архитектура более солидных построек также развивалась из традиций японского народного жилища. В основе ее лежит все та же каркасно-столбовая или

²⁰ B. Taut, *Houses and People of Japan*, p. 30; R. Beardsley, J. Hall, R. Ward, *Village Japan*.

²¹ О таких случаях информаторы сообщали автору в 1966 г.

каркасно-свайная конструкция, увенчиваемая тяжелой, фигурной, далеко выступающей крышей, а плоскости стен не выполняют несущих функций. Древнейшие памятники — храмы в Идзумо и Исэ — были построены, согласно преданиям, около 1500 лет назад; утверждают, что хотя их каждые 20 лет отстраивали заново и в них не осталось ни одной первоначальной балки, конструкция их сохранена. Это типично южноазиатский свайный дом с верандой. Другие японские храмы имеют большие размеры, но сходную конструкцию; правда, чаще они стоят не на сваях, а на высоких каменных платформах. Такой же характер носят и дворцовые постройки; даже крепости — замки феодалов отличаются лишь солидностью фундамента и массивностью ограждающих постройки крепостных стен из дикого камня.

Характерным свойством японского зодчества можно считать обязательную увязку здания с окружающим ландшафтом — водной поверхностью, растительностью, рельефом. Как правило, памятник архитектуры — дворец или храм — это не одно изолированно проектируемое здание, а комплекс зданий, аллей, садов, образующий единый парковый ансамбль с рядом тщательно продуманных перспектив. Составными элементами в него входят и пруды и скалы, иногда специально сооружаемые. Из собственно архитектурных деталей помимо зданий значительную роль в подобных ансамблях играют каменные фонари на невысоких тумбах и синтоистские религиозные символы — П-образные ворота — «тории» с двойной верхней перекладиной.

Из этих традиций парковой архитектуры в позднее средневековье развилось искусство создания карликовых садов во дворах домов²². Подобный сад — это произведение искусства перспективы, где обширные панорамы и ландшафты природы искусственно сокращены до миниатюрных размеров. Так, маленький холмик представляет собой уменьшенную далью высокую гору, искусственный прудик — море, маленький ручеек — быструю речку, и все это в сочетании с причудливыми карликовыми деревьями создает образ «идеального ландшафта».

После революции 1868 г., открывшей путь к европеизации японской жизни, в строительстве общественных зданий долго господствовали различные европейские стили, что наложило отпечаток на облик больших японских городов. Современная японская архитектура развивается по двум направлениям. Одно из них — это разработка отвечающего современным требованиям небольшого жилого дома, в основном сборно-деревянного, представляющего собой синтез традиций разных

²² В. Taut, *Houses and People of Japan*, pp. 89-91.

эпох и районов Японии. Другое, гораздо более распространенное направление — это проектирование железобетонных зданий в стиле конструктивизма, иногда функционального и очень удачного, сочетающего красоту пропорций с удобством и сейсмостойкостью, но чаще чисто формалистичного. Однако и в последнем случае используются отдельные мотивы традиционного японского искусства.

Что касается интерьера японских домов, то в нем, за вычетом зданий первой группы, преобладают традиционные черты. Они решительно доминируют в жилых помещениях. При этом здесь можно отметить много элементов технического прогресса, новых материалов (пластик, стекло), нового оборудования, бытовой техники, но все это, как уже подчеркивалось, не может отождествляться с влиянием западного стиля. Наоборот, новая техника приспособляется к традиционному стилю. Интерьер общественных мест бывает или полностью западный, или подчеркнута японский. Однако в ряде столовых и театров можно видеть деление зала на несколько частей: одни — в японском, другие — в западном стиле.

В историческом развитии японского бытового интерьера выделяются три основных фактора. Во-первых, как и вся традиционная архитектура Японии, он складывался на основе народного крестьянского жилища, элементы которого, переработанные в быту господствующих классов, определили конструктивные основы даже самых парадных комнат. Во-вторых, утонченная эстетика созерцательной буддийской философии «дзэн», феодальный этикет подобострастия и скованности и другие моменты жизни господствующих классов вырабатывали в интерьере новые формы, которые, становясь сперва модными, потом привычными, входили в быт простых горожан, а затем и крестьян. В результате образовался законченный образ — эталон идеального японского интерьера. Этот эталон лишь в редких случаях полностью и без отклонений воплощался в реальности, но все же большинство реальных интерьеров так или иначе создавалось на основе этого эталона. Наконец, в XX в., особенно в наши дни, происходит модернизация быта, которая не изменила общей основы интерьера, но фактически аннулировала эталонное значение старого идеала.

Рассмотрим этот эталонный интерьер²³. Основной материал — полированное некрашеное дерево и бумага. Определяющей и стабильной частью служит пол. Его сплошь покрывают «татами» — толстые маты из рисовой соломы, обшитые сверху зеленоватой гладкой соломой травы «игуса», которую

²³ См. Н. С. Николаева, *Художественные особенности традиционного японского интерьера*.

разводят на специальных плантациях. По краям «татами» обшиты полоской темной ткани и плотно прилегают друг к другу. Под «татами» находится решетчатая основа пола. Хозяйка при уборке иногда просто приподнимает «татами» и стряхивает пыль под них. Два раза в год в определяемый администрацией данного квартала или поселения день во всех домах производится генеральная уборка — «татами» снимают, выносят на улицу, проветривают, выколачивают, выгребают скопившийся в основе пола сор. Поверхность же «татами» поддерживается постоянно в полной чистоте.

«Татами» имеет строго определенный размер (6 с лишним футов 3 дюйма в длину и вдвое меньше в ширину), который служит модулем всего жилища. По периферии покрытого «татами» пола проходят пазы, и им соответствуют такие же пазы в потолке. По этим пазам передвигаются раздвижные стенные клетчатые рамы «сёдзи» из легких планок, оклеенные с внешней стороны полупрозрачной бумагой. Каждая «сёдзи» скользит в своем пазу, и их можно сдвинуть все в одну сторону, а если приподнять, то и вынуть совсем. Ручек у «сёдзи» нет, сдвигая, их берут за одну из более толстых планок. Чтобы было за что взяться снаружи, небольшой участок рамы оклеивается бумагой не с внешней стороны, а с внутренней.

За пазами для «сёдзи» идет более широкий паз для деревянных дощатых щитов «амадо», задвигаемых на ночь и в дождливую и холодную погоду. Тогда как каждая «сёдзи» имеет свой отдельный паз и при полном закрытии «сёдзи» заходят друг за друга, все «амадо» расположены в одном пазу и стыкуются впритык. При полном закрытии крайняя «амадо» запирается деревянным замком-засовом. Чтобы раздвинуть «амадо», крайний щит (а за ним и следующие) нужно вынуть из пазов и убрать в специальный ящик, встроенный в конце стены и выступающий над ее плоскостью.

Между «сёдзи» и «амадо» часто проходит «энгава» — широкая веранда с полом из деревянных брусков.

Покрытый «татами» пол разделен на несколько участков деревянными брусьями, заглаженными вровень с «татами». Им соответствуют такие же брусья в потолке. По пазам этих брусьев движутся «фусума» — деревянные рамы, оклеенные с двух сторон плотным картоном. У «фусума» ручки заменяются врезанными в картон металлическими углублениями «хикитэ».

Поскольку потолок часто бывает выше, чем стандартная высота «фусума», просвет между верхним брусом и потолком заполняется ажурной перегородкой «рамма». В скромном жилище фанерная «рамма» может быть меньше фута высотой, а дворец сёгуна в Киото — Нидзёдзё знаменит своими вырезанными из массивного дерева «рамма» почти двухмет-

ровой высоты, но принцип архитектурного оформления одинаков.

У торцевой стены, которая делается не раздвижной, а глухой, устраиваются полки-шкафы «осиирэ», задвигаемые такими же «фусума». Мебели почти нет, а постельные принадлежности и утварь хранятся в шкафах.

Таким образом, если «западное» жилище разделено на комнаты специализированного назначения, различаемые по постоянно находящейся в них обстановке и утвари, приспособленной для различных бытовых функций, японское жилище может быть несколько раз за день разделено по различным планировочным вариантам — от единой залы до ряда небольших комнат.

Основным местом отправления бытовых функций в японском жилище служит пол. Минимальное количество необходимой мебели и утвари вносится лишь по мере надобности: спальня — на время сна, обеденный столик — на время еды, после чего они убираются в хранилище.

В мебелировке жилых помещений кровать и сейчас почти не встречается. Японцы всех классов по-прежнему спят на полу, постелив матрац, и обедают, сидя на полу за очень низким столиком. Сидят либо прямо на циновках, либо на плоских ватных или плетенных из соломы или травы подушках «дзабутон», подогнув под себя ноги. Толстые ватные спальные матрацы, расстилаемые на полу, покрываются ватными, почти квадратными одеялами «футон». Под голову подкладывают маленькую подушечку. Деревянная лакированная подставка с мягким валиком, прикрепленным сверху, широко бытовавшая ранее, теперь употребляется лишь немногими женщинами, носящими старинную прическу. Постельные принадлежности, сложенные вдвое, убираются на день в один из стеновых шкафов.

Японский идеальный интерьер обладает следующими основными качествами. Пространство не замкнуто, а подвижно. Комбинации «сёдзи», «амадо», «фусума» могут создать множество вариантов планировки, а в жаркие дни полностью открыть дом, за исключением глухой торцевой стены. Пол является единственно постоянной плоскостью действия (культурным горизонтом). Вся утварь, включая обеденный столик, постель и прочее, кладется и ставится на время пользования на пол. Эстетически нейтральный, сдержанный по цвету, геометризованный фон интерьера делает любой помещенный в него объемный предмет особенно весомым и четко воспринимаемым.

Вывод крыши и расположение дома подчинены такому расчету, чтобы предохранить дом от дождя и жаркого солнца и в то же время максимально использовать тепло прямых

лучей низкого осеннего и зимнего солнца, когда в японском доме, практически не отапливаемом, бывает довольно холодно²⁴.

Идеальный интерьер, воплощение которого всегда было доступно только богатым слоям общества, включает открывающийся из комнаты вид на сад. Очень небольшой сад, воспроизводящий в миниатюре идеальный ландшафт, для сидящего на полу человека предстает как живая картина «большой» природы²⁵.

Характернейшей и центральной деталью интерьера является «токонома» — ниша, где располагаются скромные, но изысканные украшения — свиток живописи, ваза с цветами. Рядом может быть другая ниша с z-образно расположенными полками разных уровней — «тигайдана», на которых тоже может стоять какой-либо художественный предмет.

«Токонома» появилась в домах знати в качестве своего рода тронного возвышения. Однако вскоре она потеряла эту функцию. Впрочем, место на полу у «токонома» осталось наиболее почетным.

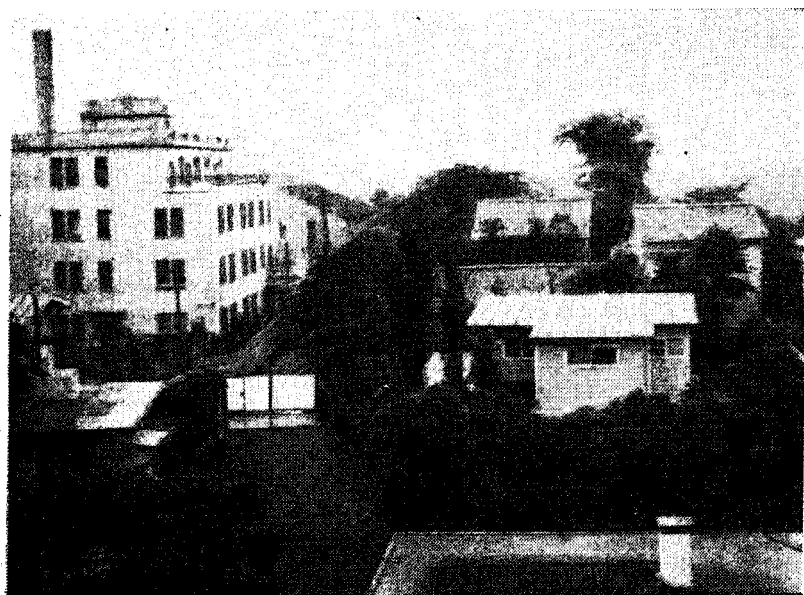
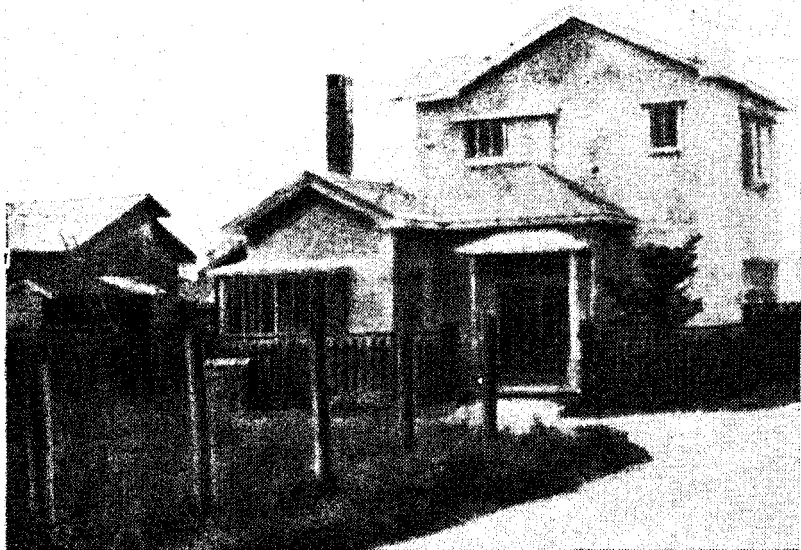
Другой церемониально-парадный элемент, помещаемый у стены, — это «буцудан» — буддийский алтарь. Некоторое разнообразие и интимность в интерьер может иногда вносить помимо «токонома» нераздвижное окно с фигурным плетением такого же строения, как «сёдзи», — «сеиндзукури». «Сеиндзукури» первоначально мыслилось как место для чтения с хорошим освещением.

Что же остается обязательным в современном японском интерьере от этого эталона? Мы уже говорили, что многие его элементы можно обнаружить в большинстве японских жилищ, в том числе в более или менее зажиточных крестьянских; повсюду можно встретить и «сёдзи», и «фусума», и «рамма», и даже «токонома». Однако во множестве жилищ мы не найдем соответствия основным принципам, сформулированным выше. Во многих японских современных домах, особенно городских, а на Хоккайдо и почти во всех сельских мы находим пространство, со всех сторон замкнутое стенами. Окно может занимать до 80% площади такой стены, но все же оно не доходит до пола, так же как и до угловых стыков стен. В других случаях окно может занимать лишь около 10% площади стены. Почти во всех случаях конструктивно окно строится по принципу «сёдзи» — скользящая в горизонтальных пазах мелко члененная (3×3, 4×2) рейчатая рама, где по сути дела бумага лишь заменена стеклом.

В ряде домов, преимущественно сельских, можно видеть

²⁴ B. Taut, *Houses and People of Japan*, p. 83.

²⁵ Z. E. Kuck, *The Art of Japanese Gardens*.

Оформление окон:верху — г. Сидзунаи, Хоккайдо,
внизу — квартал Синсака-мати, Токио

начальный этап перехода от «сёдзи» к стеклянному окну — появление в середине бумажного «сёдзи» небольших стеклянных участков, обычно с матово-узорчатым или рисуночным стеклом.

Реже застекленный центральный вырез делается в «амадо». Таким образом, с одной стороны, стеклянные окна по схеме приближаются к японским конструкциям, с другой стороны, последние частично остекляются и сближаются с окнами.

Заключительный этап функционального приближения к окну европейского типа — небольшая нечлененая (1×1) или слабо члененная (1×2) остекленная рама, далеко отстоящая и от карниза крыши (крупные, дробно члененные окна — «полусёдзи» часто подходят вплотную под самый карниз). Во многих случаях окно выступает над плоскостью стены в виде небольшого эркера, имеющего крышу-козырек.

Столь же часто можно видеть, как сбоку от окна, встроенного в одной плоскости со стеной, помещается выступающая коробка, куда могут уходить рамы при полном открывании окна. Такая коробка очень напоминает ящик для «амадо».

В первом этаже двухэтажного городского дома, который часто используется как лавка, «сёдзи» превращаются не в окна, а в сходные конструктивно с окнами «полусёдзи» раздвижные остекленные двери, также занимающие не всю стену, а лишь часть ее. В целом во всех этих случаях с точки зрения интерьера имеется уже не подвижное пространство, слитое с окружающей территорией, а пространство, замкнутое стенами, сообщающееся с окружающей территорией лишь частично, через дверные и оконные проемы.

Что же касается подвижности внутреннего пространства, то здесь еще возможен ряд вариаций благодаря наличию «фусума», но на практике нередко отходят от старого эталона, поскольку в новых квартирах все большее распространение получают постоянные внутренние перегородки, при которых «фусума» или их модернизированные аналоги выполняют роль простых межкомнатных дверей.

Не соблюдается в наши дни и принцип использования пола как единственной плоскости действия. Правда, кровати в домах японцев — достаточно редкое явление. Однако в крестьянских и рабочих жилищах, где плотность заселения довольно высока, фактически очень редко интерьер бывает таким пустым и просторным, каким он должен быть по эталону. Далеко не всегда, особенно в задней части помещения, постель регулярно убирается на день. Часто в помещении постоянно стоит низкий обеденный столик «цукуэ», более массивный, чем маленькие индивидуальные столики для каждого человека — «дзэн», употреблявшиеся в «хорошем обществе»

в старину. Не имея возможности вынести стол, хозяева ради экономии места в промежутке между трапезами ставят его у стены на бок. Широко распространены «цукуэ» со складными ножками.

При сплошной грамотности населения, большом распространении интеллектуальных профессий чтение и письмо стали постоянным бытовым явлением в каждой семье. Пишут японцы в наши дни главным образом «вечными» ручками, заменившими старинные тушь и кисть. Японская промышленность выпускает и «вечные» кисти, т. е. авторучки, где перо заменено кисточкой, но они не имеют широкого распространения. Между тем манера держать кисть и поза при письме, удобные для сидения на полу за низким столиком где-нибудь у «сеиндзукури», весьма отличаются от позы, соответствующей письму пером, для которого нужен высокий стол и стул. Эти предметы мебели, хотя бы складные, имеются во многих домах даже в деревне. Более зажиточные семьи обзаводятся креслами, журнальными столиками и тому подобной «четвероногой» мебелью. Это в свою очередь приводит к тому, что площадь пола, покрытая «татами», сокращается за счет расширения площади голого деревянного пола или пола, покрытого линолеумом, тканью, ковром или еще чем-либо более прочным, чем солома, поскольку обшивка «татами» легко повреждается ножками тяжелой мебели.

По циновкам в японском жилище принято ходить в носках. Однако в городских домах значительная часть дощатого пола теперь ничем не покрывается (в богатых домах иногда стелют ковер). В этом случае, сняв обувь при входе в дом, входящий надевает туфли-шлепанцы, которые в свою очередь снимает, переходя в помещение с циновками.

Для европейца существует в принципе лишь один тип поверхности — земля и пол жилища. Эта поверхность считается нечистой, по ней ходят только в обуви; для сидения и лежания существует мебель. Японец же различает три типа поверхности: нечистую (землю, паркет), по которой ходят в обуви; получистую (полированный пол, ковер), по которой ходят только в домашней обуви, но не сидят; чистую (циновки), на которой можно сидеть, лежать, а ходить по ней можно только в носках (реже — босиком).

В рамках этих трех основных делений есть еще варианты, диктующие очень специфичные и вполне обязательные формы бытового поведения. К таким вариантам относится поверхность пола санитарных помещений — уборных, ванн. В старинном японском жилище пол ванной — дощатый, а пол уборной — или дощатый, или циновочный. В современных модернизированных помещениях этой группы пол обычно цементный или плиточный. На таком полу не сидят иначе, как

на корточках. В виде исключения иногда можно сесть на плиточный пол ванной²⁶, но обычно при мытье пользуются небольшими скамейками. Все же это чистая поверхность, ибо по ней ходят босиком: специальная банная обувь (типа переднеазиатской) не употребляется. Пол старинной уборной в крестьянском жилище, находящейся под одной крышей и на одном уровне с жилыми помещениями, тоже относится к чистой поверхности, по нему ходят без обуви, как и по остальным комнатам²⁷. Однако в модернизированных помещениях силикатный пол уборной — это нечистая поверхность, и японцы, переступая порог такой уборной, пользуются стоящими и употребляемыми только там деревянными сандалиями, сходными с переднеазиатской банной обувью.

Покрытая обивочной тканью поверхность принадлежит частично к получистой (пол комнат, номеров гостиниц, гостиных западного стиля у богатых горожан), частично к чистой (возвышения в салонах пароходов). В старой Японии получистой поверхности не было, и сейчас полированные полы храмов входят в категорию чистых. В современной Японии сфера нечистой поверхности сильно расширилась (общественные помещения западного типа и др.), появилась синтетическая между западным и традиционным стилем сфера получистой поверхности (лестницы, коридоры в жилых домах и пр.), которая имеет тенденцию к расширению за счет постепенного уменьшения площади чистой поверхности (циновки). Вообще покрытие пола циновками не является исключительно обязательным элементом японского дома — первоначально циновки стлались только вдоль стен. И сейчас в деревнях, особенно горных, можно найти дома с простым гладким деревянным полом без «татами». Японская специфика в отношении поверхности пола состоит не в том, что он покрыт циновкой, а в том, что пол этот должен быть на том уровне чистоты, на котором в европейском жилище поддерживается поверхность мебели — столов, сидений, полок. Нет сомнения, что это отношение к поверхности пола будет лишь упрочиваться в дальнейшем, так как и в Европе во многих семьях, как указывают исследователи современного европейского жилища, «вводят обычай менять обувь при входе в квартиру»²⁸.

Теперь перейдем к вопросу о членении пространства жилища, о выделении функционально специализированных ча-

²⁶ W. Caudill, *Patterns of Emotion in Modern Japan*.

²⁷ Функциональная часть старинной уборной — прямоугольный вырез в полу; он закрывается деревянной крышкой. Модернизированный вариант — это эллиптическая фаянсовая чаша, врезанная в пол и не выдающаяся над ним, со смысловым устройством.

²⁸ Я. Маас, М. Реферовская, *Современная квартира*, стр. 194.

стей. Выше уже отмечалось, что подвижность внутреннего пространства, абсолютная в эталонном интерьере, в наши дни стала относительной. Однако она остается весьма высокой, и нет признаков того, что степень подвижности внутреннего пространства в дальнейшем будет снижаться.

За вычетом богатых особняков и новых квартир в «апато», имеющих постоянные внутренние перегородки, японский жилой дом (не только маленький и плотно заселенный дом малообеспеченных семей, но даже более просторный дом людей с более чем средним достатком) остается по существу однокамерным помещением (не считая туалета, ванной и обособленной кухни, если таковые имеются). Автору пришлось обследовать очень бедное жилище на окраине Токио (арендуемая пристройка к дому), которое состояло из 4 кв. м покрытого циновками пола и 3 кв. м кухни с земляным полом под той же крышей и было заселено супружеской четой. Другое обследованное помещение, арендуемое за 10 тыс. иен в месяц (второй этаж площадью около 16 кв. м), также заселенное супружеской четой, делилось «фусума» на две части. Приготовление еды на электроплитке производилось в части, примыкающей к лестнице, но ее нельзя было назвать обособленной кухней: такие бывают, как правило, только на первом этаже. В обоих случаях можно было проследить характерное для деревенского быта и перенесенное в город совмещение кухни и прихожей.

Японский однокамерный дом представляет собой то, что в европейском бытоведении принято обозначать термином «ливинг рум», т. е. комнату дневного пребывания членов семьи. При помощи «фусума» на ночь комната превращается в спальню. Если площадь дома позволяет выделить ряд комнат или постоянно задвинутых «фусума» помещений, тогда роль комнаты дневного пребывания отводится пространству с «токонома».

Намечающаяся в малогабаритных европейских квартирах тенденция к функциональному разделению комнаты дневного пребывания на участки с помощью мебели в японском доме, почти лишенном мебели, давно уже воплощена посредством «фусума», ширм и экранов.

Пространство и обстановка заурядного японского дома делают весьма затруднительным использование пространственного аналога европейской комнаты дневного пребывания в функции, которая очень характерна для европейского быта, т. е. в функции гостиной. Помещение японского дома, нарядно оформленное с помощью «токонома» и «тигайдана», первоначально предназначалось именно для гостиной и приемной. Таким и было использование этих помещений в домах феодальной знати.

В обычном современном японском жилище, где во время приема гостей хозяином другие члены семьи разных возрастов, не участвующие в приеме, продолжают свои обычные занятия, зал с «токонома» для этой цели подходит мало, прежде всего потому, что он отделен от других помещений лишь звукопроницаемыми «фусума». Следует отметить, что в Японии в большей степени, чем в Европе, затруднено участие в приеме гостей других членов семьи, помимо хозяина. Здесь играет роль все еще заметное подчиненное, приниженное положение жены в доме, а также очень значительные различия в уровне образования, в профессиональных и житейских интересах как между супругами, так и между разными поколениями в семье. Разумеется, в семьях крестьян и рабочих положение иное, но в семье служащего жене, отцу или матери хозяина скорее всего будет очень трудно поддерживать разговор с его гостями — людьми его круга.

Конечно, это не мешает японцам ходить друг к другу в гости, но характер этих визитов несколько иной, нежели в Европе. Один вид визитов — это визиты родственников и вообще людей, интимно близких данной семье. В таких случаях гость рассматривается как член семьи. Если он приехал издалека, то может прожить в доме несколько дней, он никого особенно не стесняет и не пользуется каким-либо особым вниманием. Пребывание такого гостя даже в плотно населенном доме также не создает особых затруднений, так как японские условности и правила приличия вполне допускают, чтобы гость спал в том же помещении, где спят хозяин и его супруга, на матрасе, постеленном на пол рядом с хозяйскими.

Другой вид визитов — это кратковременные визиты соседей и знакомых, главным образом по случаю праздников. Прием таких посетителей занимает немного времени, в значительной степени сводится к обмену традиционными стереотипными приветствиями и формулами вежливости, не требует никакого угощения, кроме чашки чая или прохладительного напитка. Так же проходит прием посетителей и соседей по различным мелким деловым и бытовым вопросам.

Эти формы приема гостей, соответствующие обстановке и распорядку жизни японского дома, весьма отличны от распространенной в Европе формы, предполагающей визит семьи или компании, участие в приеме всей семьи хозяина, угощение обедом или ужином, различные занятия — как спокойные (беседа, настольные игры), так и подвижные (танцы, игры детей). Для этого обычный японский дом не приспособлен. Конечно, и такая форма общения с гостями не совсем чужда японцам, в особенности трудящейся интеллигенции, но она для них не характерна. В богатых домах для такого приема гостей обычно выделяется специальная гостиная, об-

ставленная по-европейски. Но особенно широко распространен обычай не принимать гостей дома, а снимать для этой цели помещение в ресторане. Не говоря уже о каких-либо торжествах, требующих большой площади для многих приглашенных, даже одиночного гостя или небольшую компанию нередко принимают вне дома. Это отнюдь не относится только к специфике общения японцев с иностранцами, хотя у иностранцев в Японии часто создается именно такое впечатление о воображаемом ревнивом отношении японца к своему дому-крепости, куда якобы невозможно проникнуть. На деле же нет ничего менее похожего на крепость, чем открытый со всех сторон дом японца, где почти все происходящее, несмотря на наличие забора, видно и слышно соседям, а подчас и прохожим.

Такая практика приема гостей вне дома очень удобна. Она распространяется и на соотечественников, в том числе на близких друзей. Как протекает прием гостей вне дома, будет рассказано в главе, посвященной общественным местам.

Печей в японском жилище, за исключением поселений на Хоккайдо, нет. Обогреваются в зимнее время переносными жаровнями-«хибати» из металла, глины или фарфора, которые наполняют углями. На Хоккайдо и отчасти на севере Хонсю употребляют железные печи-временки. Широко распространен врезанный в пол очаг «ирори», особенно в деревне и на городских окраинах, где жилища близки к сельским. «Ирори» похож на глинобитные очаги свайных жилищ Юго-Восточной Азии. Последние топят дровами, и над ними вешается экран-искрогаситель. «Ирори» топится древесным углем и искр не дает, но экран («хидана») над ним все же вешается и используется, как и в свайных домах, для вяления продуктов.

Японский дом рассчитан на максимальную вентиляцию в очень жаркий, душный и влажный летний период. Совместить качества, отвечающие этому требованию, с хорошей тепловой изоляцией зимой невозможно, да строитель и не ставит перед собой такой задачи. Зимой температура воздуха в жилище близка к температуре наружного воздуха и на севере падает, особенно по ночам, ниже нуля. Тепло от отопления не держится в доме, и основной расчет делается на обогрев тепловыми лучами. Максимально используются лучи низкого, но яркого зимнего солнца, которое в Японии с ее почти безоблачной зимой греет очень ощутимо. Домашняя жизнь переносится на солнечную сторону дома и даже зимой днем проходит в значительной мере на открытом воздухе. После захода солнца его заменяет тепло, излучаемое древесными углями, тлеющими в жаровне или очаге, но согреть оно может только человека, сидящего непосредственно рядом

Продажа топлива для населения (Токио, июль 1960 г.)

с источником тепла²⁹. В новейшее время в быт японцев входят газокалильные и электрические рефлекторные печи, которые сохраняют тот же традиционный принцип отопления — не повышение температуры воздуха, а непосредственный лучевой нагрев. Калориферный принцип, характерный для северноевропейских печей или североазиатских «канов», приспособленных к более континентальному суровому климату, совершенно чужд японским бытовым навыкам.

В старой Японии были распространены малые индивидуальные обогреватели. Очень небольшое «хибати» в фаянсовом футляре — «анка» помещалось под одеяло для обогрева постели. Сейчас для этой же цели иногда используются электрические грелки. Существуют карманные жаровни «кайро» размером с портсигар, в которых горит сигарета из угольной пыли в бумажной обертке. «Кайро» совместимы только с национальным костюмом, в котором они закладываются в рукава или за пояс, и сейчас выходят из употребления.

²⁹ В. Taut, *Houses and People of Japan*, pp. 85—87.

Очень характерным обогревательным приемом в японском доме является использование «котацу». «Котацу» представляет собой углубленный, врезанный в пол очаг, подобный «ирори». Над «котацу» ставится подобие столика, который накрывается как скатертью большим ватным одеялом. Члены семьи садятся вокруг «котацу», спрятав ноги под одеяло или даже спустив их в углубление очага и укутавшись одеялом по пояс.

Кроме врезанных в пол «хори-котацу» или «кири-котацу» употребляется еще «оки-котацу». Это обычный «хибати», который ставится на пол, а над ним помещается такой же решетчатый столик, как и над «кири-котацу». Верхняя поверхность столика «котацу» обычно не сплошная, а рейчатая. Во время еды или работы поверх покрывающего решетчатый столик одеяла кладут иногда гладкую квадратную доску.

В наши дни появились модернизированные электрические обогреватели типа «котацу», представляющие собой столик с обычным сплошным верхом, под которым вделан нагревательный элемент. Легко заметить, что устройство и использование «котацу» почти полностью аналогично среднеазиатскому «сандалу»³⁰.

³⁰ Здесь уместно попутно затронуть вопрос о совпадениях между этнографической бытовой спецификой японцев и некоторыми чертами быта в других странах. Несмотря на все своеобразие японского быта, таких совпадений встречается немало. Так, японско-среднеазиатские соответствия не ограничиваются только «сандалом». Сюда можно отнести и обычай обходиться без мебели, сидеть и спать на полу и соответственно снимать обувь при входе в дом. Сходство японских и ближневосточных обычаев, скорее всего, является внешним, зависящим от сходства природных условий, происхождение же их различно. Можно наметить основные зоны распространения этого комплекса обычаев. Ближневосточная зона связана с наземным глинобитным или каменным жилищем, исторической преемственностью с кочевым матерчатым жилищем, сухим полупустынным климатом. Зона же Юго-Восточной Азии связана со свайным деревянным жилищем и влажным климатом. Там, где во влажном климате свайность у жилища отсутствует, не имеет места и этот комплекс обычаев.

Японско-ближневосточные параллели можно проследить и в отношении основного элемента одежды — халата, и в устройстве бань, и во многом другом. Следует обратить внимание на частичное сходство природных условий, в которых бытуют эти явления. Япония находится в одних широтах с Афганистаном, Сирией и Тунисом, Южной Туркменией и Турцией. Для этих широт, при всем климатическом разнообразии, характерна высокая степень солнечного нагрева, короткая, но довольно холодная зима. Именно в этих условиях халатовидная одежда, немного приподнятый дом с верандой, жаровенно-очажное отопление становятся наиболее целесообразными. Разграничить контактные связи и связи, объясняющиеся сходными природными условиями, здесь трудно. Однако следует помнить, что контакты и связи Японии с тюрко-иранским миром были еще в очень отдаленные времена гораздо более интенсивными, чем это можно было бы предполагать. Вся раннефеодалная культура Японии (IV—V вв.) пронизана мотивами, берущими начало у кочевников Центральной Азии. Несколько позже, в VII—VIII вв., в торговле и художественном ремесле

Изменения в интерьере японского дома происходят под влиянием восприятия отдельных предметов или конструктивных принципов, свойственных западному интерьеру. Кроме того, в интерьер в большом количестве вторгаются новые предметы, порождаемые техническим прогрессом. Их нельзя считать заимствованными, и они не изменяют принципы бытовой организации, а скорее приспосабливаются к ним. Например, телевизор помещается очень низко, так, чтобы можно было смотреть лежа или сидя на полу. Пенопластовые матрацы, заменившие кое-где старые, набивные, делаются из трех секций, чтобы их было легко складывать на день второе, как это издавна принято в Японии.

Но встречается немало в японском домашнем быту и бесспорно заимствованных западных черт и даже целых бытовых комплексов. Это может быть такая мелочь, как украшение ширм «фусума» не национальным орнаментом, а узором, свойственным современному западному декоративному искусству. С другой стороны, это может быть такая диссонирующая с японским интерьером деталь, как стол и стул. Наиболее распространен в Японии письменный стол. Обеденные столы, напротив, скорее входят в крестьянский, чем в городской домашний быт, ибо в городе редки случаи поспешных трапез дома в обеденный перерыв. В деревне стол со стульями нередко ставят в кухне на земляном полу. Японский крестьянин, работающий весь день без отдыха, приходит с поля домой, измазанный выше колен в иле, от которого не спасают и высокие резиновые сапоги. Чтобы не терять времени на разувание и мытье ног, он наскоро обедает на кухне и снова идет в поле.

В этом плане можно отметить известную разницу в развитии европейского и японского жилища. В европейском крестьянском жилище очаг был средоточием жизни дома, затем в городской буржуазной квартире произошло выделение кухни в служебную, тщательно отделенную от жилых помещений площадь, а теперь происходит возврат к обжитой кухне («ливинг кичен»). В Японии древний основной очаг свайного дома в форме «ирори» или «котацу» все более теряет свое значение. Перспективен лишь электрический «оки-котацу», который в принципе не отличается от любых подсобных нагревательных приборов. Но даже «ирори» не является местом приготовления еды, на нем обычно лишь кипятят чай. Кухня, генетически восходящая к очагу вне дома, объединенная с домом только общей крышей (при разнице в уровне

в Японии можно найти громадное количество предметов и мотивов среднеазиатского и иранского происхождения. Поэтому возможность проникновения в Японию отдельных идей бытового устройства, оформившихся в Средней Азии и на Ближнем Востоке, отнюдь не исключена.

пола), может стать «ливинг кичен» лишь в крестьянском быту, и то в довольно ограниченных пределах. Завтрак и ужин все равно проходят на покрытой циновками части дома. В городском же быту, в условиях отдельного, традиционно спланированного дома специфика японских методов приготовления, сервировки и принятия пищи делает мало возможной тенденцию к развитию обжитой кухни. Правда, люди малообеспеченные вынуждены готовить еду на маленькой газовой или электрической плитке в жилом помещении, поскольку нет другого места.

В Кавасаки автор обследовал небольшой дом рабочей семьи, который можно считать типичным для городских трудящихся, имеющих собственный дом. В доме две «комнаты» по 10 кв. м, разделенные «фусума». В передней комнате спят дочь и сын хозяина (34 и 29 лет), в задней — сам хозяин, его жена, их дочь (23 года) и внук (его отец живет в Токио, развелся, поэтому внук у бабушки). Днем передняя «комната» становится комнатой дневного пребывания. Имеется кухня с деревянным полом, где семья обедает, сидя на полу вокруг низкого круглого стола. За этим же столом готовит уроки внук. Здесь, несмотря на тесноту, кухня лишь частично приобрела некоторые функции «ливинг кичен», и то только вследствие этой тесноты.

Совсем иная картина наблюдается в «данти». Почти во всех обследованных автором квартирах этого типа домов сохраняется функция кухни-прихожей. Посетитель с веранды сначала попадает на кухню с дощатым или пластиковым полом и лишь потом в собственно жилые комнаты с циновочным полом, отделяемые друг от друга как «фусума», так и перегородками. Однако в 75% обследованных квартир, там, где это позволяла площадь, в кухне размещался обеденный стол и стулья. Тенденция к приему пищи на кухне настолько явно проявляется среди жителей «данти», что нашла отражение и в принятой в Японии классификации квартир в этих домах. В этой классификации цифровой индекс выражает число жилых комнат, буква К — кухню, а буквы ДК — кухню увеличенной площади, позволяющую установить обеденный стол (от английского слова дайнинг кичен, г. е. «обеденная кухня»). Соответственно имеются квартиры типов 1К (в основном для одиноких людей), 2К, 2ДК, 3ДК и 4ДК. По наблюдениям автора, дайнинг кичен в современном японском быту по существу превращается в ливинг кичен: в ней нередко проводит досуг хозяин дома, в ней ставят сервант с нарядной посудой, иногда даже музыкальный инструмент, в ней принимают и гостей.

По японским бытовым критериям жилой дом удовлетворяет требованиям комфорта лишь в том случае, если в нем

помимо достаточно обширной кухни имеется также обособленное и просторное ванное помещение. Нет нужды говорить, что люди небольшого достатка чаще всего живут в помещениях, этим требованиям не удовлетворяющих (например, в описанном выше доме в Кавасаки ванны нет; мужчины принимают душ на работе, женщины ходят в баню; летом — через день, зимой — два раза в неделю).

Старинная японская ванна очень своеобразна. Это большая бочка, в боковой части которой помещается вертикальная труба, в топку под ней накладываются горячие угли и таким образом вода нагревается, как в самоваре, причем японцы купаются в очень горячей воде. В деревнях ванну принимает сначала глава семьи, потом в той же воде все остальные в порядке старшинства, причем гостю всегда отдается первенство. Перед ванной тщательно моются с мылом. Многие японцы принимают ванну каждый день, а иногда, в душные летние месяцы и в зимние холода, и дважды в день. Впрочем, ежедневно принимать ванну может далеко не всякий, особенно в городе, где большинство дешевых жилых помещений лишено ванны. Кроме того у горожан возможность частых купаний ограничивается недостатком топлива, а у крестьян — интенсивностью работы. Так, в обследованной автором крестьянской усадьбе на Хоккайдо ванну используют летом два, а зимой один раз в неделю.

Если для европейской ванной комнаты характерна множественность функций (купание, умывание, бритье, стирка и другие), то японское ванное помещение используется чаще всего для купания.

В японском доме традиционного, особенно крестьянского типа, для умывания используется подвесной умывальник. Бреются часто за туалетным столиком. «Данти», гостиницы и подобные многокамерные здания дают, как и в случае с кухней, обратную картину. Помещения с ванной, хотя бы и японской, здесь часто оснащены зеркалом, дополнительными кранами с раковиной или без нее, используются для умывания и бритья, реже для стирки.

Зато в ванной комнате часто практикуется, если позволяет ее размер, групповое купание, обычно детей или матери с детьми. Собственно, ванну принимают каждый по очереди, остальные в это время моются рядом на полу. При деревянной ванне и пол бывает дощатым, но в богатых домах не редкость кафельно-цементная облицовка ванн и пола, иногда художественная (например, керамическая имитация осенних листьев, вделанная в бетон пола). Уровень помещения ниже жилого, но выше земли. Рядом делается небольшой предбанник с решетчатым полом и полками для белья. Разделяют и соединяют эти помещения фанерные двери типа «сэджи».

Негигиеничность купания в одной и той же воде нескольких людей благодаря очень высокой температуре воды в японской ванне скорее кажущаяся, чем реальная; исследования японских врачей показали, что в отношении передачи инфекции она практически безопасна, так же как общие купальные бассейны ближневосточных бань³¹. Кроме того, старый обычай париться в ванне до мытья, затем мыться вне ванны и снова принимать ванну сейчас в значительной степени сменился обычаем заходить в ванну только после предварительного мытья.

Характерная для современных европейских квартир тенденция к замене большой, «лежачей» ванны укороченной, сидячей, к переходу от мытья в объеме воды к преимущественному мытью в струе воды уже воплощена в сложившихся японских купальных навыках. Даже в гостиницах, оснащенных ванными комнатами европейского типа, с крановым вводом горячей и холодной воды, эти комнаты часто оформлены в традиционном стиле, с сидячей ванной, почти утопленной в небольшой площади пола, также служащего для процесса мытья.

Вследствие высокой стоимости земельных участков в городах Японии почти повсеместно наблюдается большая теснота и скученность, особенно заметная по сравнению с сельскими местностями, где, несмотря на относительно очень высокую плотность населения, подобной скученности нет.

Эта теснота влияет не только на домашний и общественный, но и на производственный быт. В домах трудящегося городского населения на человека приходится весьма небольшая жилая площадь, что заметно даже при почти полном отсутствии мебели. Для японских домов характерны очень узкие и крутые лестницы; в общественных столовых — полное отсутствие сеней или вестибюлей: бар или столики расположены сразу за входной дверью; в зрительных залах кино, театров, на транспорте — минимальный размер сидений.

В жилых домах соответственно сведен к минимуму размер прихожей. «Фусума», которые должны на день раздвигаться, в плотно населенных домах остаются задвинутыми, чтобы как-то изолировать друг от друга жильцов, и образуют маленькие, по 6—8 кв. м закутки. В квартирах «данги» площадь жилых комнат с циновочным покрытием также очень невелика: примерно 8—10 кв. м.

Таким образом, в современной Японии сохранение и развитие жилищных традиций привели в наши дни к следующим основным правилам: дифференцированность плоскости по разной степени чистоты и сохранение покрытого мягким чи-

³¹ В. Taut, *Houses and People of Japan*, p. 38.

На остановке трамвая в Токио

стым материалом пола как основного культурного горизонта. В этих рамках постепенно отмирает чисто традиционное жилище, восходящее к крестьянскому быту. Оно сменяется двумя основными типами: первый — отдельный дом-коттедж, сохраняющий основные формы жилищного поведения, но с комфортабельностью, повышаемой за счет технических усовершенствований и западных заимствований; второй — многоквартирное жилище типа «данги», где заимствований в области комфорта может быть меньше, но существенно меняется сама структура жилищного поведения, приближаясь к западным стандартам. В дальнейшем развитие японских жилищных навыков должно пойти по линии взаимодействия и сближения этих двух направлений, но какие формы оно примет, сейчас еще трудно предугадать.

Одежда

Одежда, тип распространенного у данной национальности костюма является обычно одним из наиболее четких, постоянных, в первую очередь бросающихся в глаза показателей

В дождливую погоду нужны зонты и амагото

этнической принадлежности в области материальной культуры.

На первый взгляд в области одежды в Японии царит исключительное разнообразие, смешение стилей и форм национального и западного платья, казалось бы не подчиняющееся никаким закономерностям, кроме индивидуального выбора и вкуса. Утром по улицам японских городов растекается поток спешащих на работу людей: мужчины — в белых сорочках и почти одинаковых серых костюмах, женщины — в скромных европейских платьях. На заводских окраинах, где больше рабочих, чем служащих, костюмы попроще, галстуки не обязательны, но тип одежды остается европейским. Редким исключением на общем фоне кажутся отдельные женские фигуры в национальной одежде. Позже их становится больше, но тут возможны и совершенно неожиданные метаморфозы. Так, в синтоистских храмах можно видеть, как девушка в брюках и с модной прической входит в боковой придел и вскоре выходит в алтарь с распущенными волосами и в пурпурно-белом одеянии жрицы.

Только буддийские священники везде ходят в своих церковных костюмах со знаками сана. Кроме них да еще стари-

Мужчины в юката на улице курорта Ноборибэцу
(Хоккайдо, июль 1960 г.)

ков, не признающих европейской одежды, мало кто из мужчин ходит постоянно в национальном костюме.

Впрочем, и мужчина, даже молодой, одетый по-японски, на улице большого города не привлекает внимания, хотя и представляет собой не частое зрелище. Это, как правило, человек, по тем или иным надобностям вышедший ненадолго или недалеко из дома, где он отдыхал. Для некоторых категорий людей, таких, как артисты, спортсмены-профессионалы, священники, национальный костюм, даже не церемониальный, а обычный, служит своего рода праздничным, выходным нарядом.

В курортных городках и центрах туризма, особенно летними вечерами, на улицах очень много мужчин, одетых по-

японски. Большой частью на них легкие халаты «юката», входящие в комплекс постельного белья, предоставляемого гостиницей постояльцу.

Основной частью как мужского, так и женского костюма является запахивающийся на правую сторону прямой халат «кимоно», определяющий все остальные детали одежды. Правило правозапажности сохраняется и в полуевропеизированном национальном платье, застегиваемом на пуговицы. Само же «кимоно» застежек не имеет, а придерживается в талии верхним поясом «оби». Мужские пояса, повязываемые на бедрах ниже талии, — узкие и темных цветов. При надевании они либо складываются в ширину (женские, реже мужские), либо сжимаются в неплотный жгут (мужские, детские).

Мужские пояса бывают трех видов: узкие (5—6 см), мелкоузорчатые, из тонкой ткани, которые носят в интимной обстановке; плотные, несколько схожие с женскими, сдержанных ровных цветов, в сложенном виде достигающие 10 см ширины, повязываемые на правом бедре узлом типа «галстучного»; наконец, наиболее распространенные шарфообразные, из темной «жеваной» ткани, около полуметра шириной, сжимаемые в жгут до 10 см и повязываемые бантом над крестцом. Два последних типа считаются достаточно элегантными для официальной обстановки.

Детские пояса схожи с последним типом мужских, но имеют меньшие размеры, более крупную жатость, яркую расцветку, с большими неопределенными пятнами узоров.

Женские пояса — до 30—35 см шириной, ярких тонов, завязываются на спине широким бантом и располагаются на линии талии и выше ее. Женские «оби» и бант на спине считаются главным украшением женской одежды. Дорогие «оби» ткнут вручную искусные ткачи, украшая их сложным узором.

Современное национальное мужское и женское верхнее «кимоно» имеет очень похожий покрой, но различается по цвету: женское шьется из тканей светлой или яркой узорной расцветки, мужское — из темных одноцветных или клетчатых тканей.

Халат состоит из двух пол, образованных полотнами в локоть шириной, которые в женском кимоно меряются от макушки до пят. Сзади полотнища сшиваются по линии хребта, образуя «усиро-мигоро», перекидываются через плечи и сшиваются по бокам с проймами для рук. Спереди полы называются «маэ-мигоро». Верхняя часть «маэ-мигоро» от уровня паха до высоты ключицы обшивается каймой «окуми» около 5 см шириной. В месте перегиба на плечах в полотнищах делается надрез для шеи, который обшивается полоской воротника «эри» шириной 5 см.

Обычно рукав платья — как мужского, так и женского —

очень широк. Ширина женского рукава достигает иногда 150 см, при этом к прямой пройме пришивается только соответствующая ее размеру часть рукава, и то не полностью. При обычной ширине проймы около 35 см в нижней части ее рукав не пришивается, образуя примерно пятисантиметровую прореху. Манжет, как правило, отсутствует, отверстие для кисти руки также делается не во всю ширину рукава, а только на верхних 30 см; лишняя ширина рукава, образуя нечто вроде мешка, сшивается снизу и по переднему обрезу. С внутренней стороны, примыкающей к боку платья, рукав остается несшитым. Мешкообразные провисающие рукава «содэ», спускаясь с рук на бедра, иногда служат своеобразными карманами. По верхней стороне, естественно, шва нет, так как она образована перегибом цельного полотнища.

При перепоясывании женского «кимоно» широкий пояс «оби» верхним краем упирается в угол подмышечной прорехи проймы и закрывает ее. Мужские рукава шьются иначе. Они гораздо уже (около 40 см) и пришиваются по всей ширине проймы. Оставшаяся часть рукава, провисающая ниже проймы и отверстия для кисти, сшивается полностью и снизу и по внешней и внутренней стороне, так что прорехи не образуются.

Из сказанного ясно, что варьироваться могут только вертикальные (продольные) размеры «кимоно»: длина пол и ширина рукава. Что касается ширины платья и «длины» рукава (почти всегда меньшей, чем его «ширина»), то они предопределены шириной полотнища и почти всюду неизменны.

«Кимоно» — очень удобный тип одежды, обладающий двумя трудносочетимыми и ценными свойствами: во-первых, оно в сочетании с плотным «оби» хорошо хранит тепло, во-вторых, прорехи или широкие мешки рукавов и свободный запашный ворот обеспечивают хорошую вентиляцию в жаркую и влажную погоду. Таким образом, «кимоно» полностью отвечает климатическим условиям Японии.

Как рабочая одежда «кимоно» с коротким «содэ» удобно для работы с ручными орудиями, а также для письма кистью. Однако для современной канцелярской и машинной работы оно не приспособлено, так же как и для пользования городским транспортом. Поэтому в сферах жизни, связанных с этими чертами нового времени, «кимоно» уступает место европейской одежде.

В целом бытующую в настоящее время в Японии одежду, за исключением специальных видов профессиональной, можно разделить на три основных довольно четко разграниченных типа: это, во-первых, одежда европейского покроя, во-вторых, повседневная домашняя и праздничная национальная японская одежда того покроя и фасона, который прин-

ципально не отличается от основного типа национального костюма, распространенного в Японии до начала проникновения туда европейских бытовых комплексов, и, в-третьих, рабочая одежда и крестьянская одежда для сельскохозяйственных работ, сходная с костюмом, который носили японские крестьяне при работе в поле еще в средневековье³². Рабочие и крестьяне во время работы надевают короткую куртку «хаппи» с узкими прямыми рукавами и короткие, облегчающие ноги, штаны или лишь набедренный пояс. На большинстве предприятий введена стандартная производственная одежда из бумажной ткани с символами и иероглифическими знаками на спине и бортах, которые обозначают марку фирмы или фамилию предпринимателя.

Особенно своеобразен костюм работающих артелями мастеровых — плотников, штукатуров. Они носят широкие штаны ниже колен, напоминающие гольфы, высокие носки или гетры, сандалии или «гому-таби» (или «дзика-таби»), — своего рода гибрид носков и тапочек — на резиновой подошве и с отдельным напальчиком для большого пальца, а в качестве верхней одежды — широкую куртку «хаппи» с цилиндрическими в отличие от «кимоно» рукавами. По покрою этот халат близок к традиционному айнскому и, по мнению некоторых исследователей, генетически восходит именно к нему³³.

Необходимо отметить, что для рабочей одежды характерны громадные различия в зависимости от сезона и рода работы, а также всевозможные сочетания старых и новых элементов, часто заимствованных из европейской одежды, которые в производственную одежду проникали особенно легко и обильно.

Повседневная домашняя и праздничная одежда японского покроя в наши дни наряду с европейским костюмом является общераспространенной как в городе, так и в деревне.

До середины XIX в. в японском костюме этой категории имелись значительные локальные и социальные различия. Они проявлялись в материале костюма, в его покрое и контурах, в наборе отдельных деталей и составных частей, в манере его ношения. В наши дни локальные различия почти полностью стерлись, за исключением, может быть, о-вов Рю-

³² В этой одежде имеются локальные различия, весьма существенные как в силу довольно большого разнообразия природных и климатических условий по всей территории Японии, так и в силу исторически сложившегося разнообразия крестьянской культуры в этнографических микрорайонах страны.

³³ Рукопись Н. В. Кюнера, цитированная в статье: С. А. Арутюнов, *Айские элементы в формировании японской народности и ее культуры*, — «Советская этнография», 1957, № 2, стр. 10.

кую, да и там они сохраняются преимущественно в сельской местности и среди пожилых людей; с другой стороны, многие рюкюские узоры стали модными во всей Японии.

Классовые различия также в основном исчезли. Произошел своеобразный процесс нивелировки костюма, и происходил он путем отмирания крайностей. Вышли из повседневного обихода формы и детали «простонародной» одежды, которые были приспособлены к трудовому быту (они сохранились лишь в специальной крестьянской рабочей одежде). С другой стороны, отмерли и те пышные, красочные, но неудобные, сковывающие движения формы, которые были характерны для костюма людей, принадлежавших к высшим сословиям феодального общества старой Японии или близких к ним. Таким образом, на основе костюма средних сословий создан нейтральный общепонский современный национальный костюм, к которому и принадлежат виды одежды, рассматриваемые в настоящем разделе. Эту одежду носят как представители эксплуататорских классов, так и трудящиеся. Разумеется, остается весьма заметной разница в качестве материала: например, одежду из кружевных или ажурных тканей носят исключительно женщины из буржуазных слоев.

Одежда европейского покроя является почти единственным видом костюма не только мужчин, но и служащих-женщин на работе (за исключением продавщиц в магазинах японского платья, обслуживающего женского персонала гостиниц и ресторанов японского стиля и тому подобных коммерческих заведений, где род работы требует национальной одежды). Учащиеся на занятиях также носят форму европейского покроя, обычно приближенную к военно-морской. Одежду японского покроя домашние хозяйки и неработающие старики носят постоянно, служащие — преимущественно в домашней обстановке, а женщины и на досуге, например при визитах, на празднествах, на прогулке, в театре, в храме и т. д.

Такое распределение привело к образованию двух основных сфер употребления национального костюма, для каждой из которых характерны особые элементы одежды и варианты ее покроя. Сферы эти можно условно обозначить как «низкий стиль» («фуданги») и «высокий стиль» («харэги»). К «фуданги» относится одежда, которую носят в домашней обстановке, а женщины — при ежедневном посещении магазинов и лавок и на прогулках с детьми. К «харэги» — одежда, которую надевают женщины и очень редко мужчины для визитов, на празднества, при посещении театров, храмов, парков, при приеме гостей, а также на работу, если она требует национального костюма.

При разграничении западной и традиционной сфер в области одежды надо учитывать то обстоятельство, что между

ними существует довольно четкий параллелизм. И там и тут представлены рабочее («сагефуку»), повседневное («фуданги»), празднично-выходное («харэги») и парадно-церемониальное («рэйфуку») платье³⁴. Эти четыре категории даны в нарастающей градации предъявляемых требований «парадности», и разграничение возрастает в том же порядке. В рабочем платье встречается в довольно широких пределах сочетание предметов разных сфер, много предметов смешанного происхождения и таких, которые трудно отнести к какой-нибудь определенной сфере. В повседневной одежде возникает разграничение стилей, но смешение их еще допускается. В выходном платье смешение стилей уже недопустимо, но взаимное влияние в деталях еще широко представлено. Наконец, в парадно-церемониальном платье разграниченность становится абсолютной, а темп изменения — минимальным. При этом надо отметить, что если открытая новым влияниям повседневная и празднично-выходная одежда сохраняется и развивается, то такие неизменные формы церемониального платья, как «монцуки» и «хакама», находятся на пути к исчезновению. Обобщенно можно сказать, что элементы национального быта и материальной культуры, подверженные влияниям извне и вариациям моды, широко использующие новые материалы и технические достижения, сохраняют большую жизнеспособность, тогда как те элементы, которые консервируются, казалось бы, в первозданной чистоте, имеют меньше всего шансов на выживание в процессе культурного синтеза.

Платье «рэйфуку» надевается в случае торжественных приемов, на свадьбах, на похоронах и в других подобных случаях. Строго определенного женского «рэйфуку» не существует. Примерно к этому типу женской одежды относится традиционный костюм невесты — длинное, часто со шлейфом, яркое «кимоно» и белая повязка-налобник «цуно-каауси», по поверью, долженствующая прятать «рога ревности», прорезающиеся якобы у каждой супруги. Западным эквивалентом этого костюма служит обычное европейское белое платье с фатой или без нее. В костюме невесты сочетаются главным образом белые и красные тона. Белый цвет символизирует чистоту, красный — женственность (в обычном платье красные

³⁴ Здесь и далее автор в значительной степени основывается на материалах, полученных им в результате информации и неоднократных консультаций у профессорско-преподавательского состава женского университета домоводства «Оцума-Дайгаку» в Токио в 1960—1966 гг. Автор пользуется случаем выразить благодарность творческому коллективу «Оцума-Дайгаку». При описании традиционной одежды использована в основном книга К. Сэгава «Кимоно», а также материал личных бесед с г-жой Киёко Сэгава.

ткани не употребляются, поэтому в костюме невесты их часто заменяют розовыми, чтобы можно было в дальнейшем использовать свадебное платье в переделанном виде). Невеста надевает красную рубашку «нагадзюбан», белое «кимono» («какэсита» или «утикакэсита») с серебряным «какэсита-оби», поверх этого белый халат «утикакэ» с красной подкладкой (конечно, возможны и другие цветовые сочетания). Рукава всех этих одежд имеют очень длинные «содэ», достигающие почти до пола, не сшитые вдоль всей внутренней кромки. «Утикакэ» крепится завязкой под правым рукавом, на него «оби» уже не надевается.

И «какэсита» и «утикакэ» делаются такой длины, чтобы край их шлейфом волочился по полу. В «какэсита» ширина волочащейся полы — всего 5—10 см, а в «утикакэ» — до 30—40 см и более. Чтобы веерообразно расходящийся шлейф лежал правильно, не деформируясь, полы этих халатов по краю обшиты набитым ватой валиком диаметром около 2 см. Если же невеста одета в черное женское «рэйфуку» с «мон-докоро» (белыми геральдическими знаками на рукавах и спине) и цветным узорным подолом, то поверх него «утикакэ» уже не надевают.

Мужское «рэйфуку» состоит из трех элементов. Это прежде всего «кимono». Поверх него надевается имеющая крупную плиссировку жесткая юбка «хакама». Женская «хакама» действительно является юбкой и употребляется сейчас почти только как часть храмово-ритуального костюма. Мужская «хакама» разрезается и прошивается в середине по низу, образуя, таким образом, нечто среднее между юбкой и широкими шароварами. Детская «хакама», употребляемая все реже, сходна по покрою с женской.

Затем надевается кофта «хаори», скрепляемая на груди бантом, навешиваемым на крючки. «Кимono» и «хаори» должны быть «монцуки», т. е. гербоносными: на спине, на груди справа и слева и на рукавах ставится «мон» — герб фамилии.

Этих «мон» имеется несколько десятков; рисунок их строго определен, каждый имеет свое название. Поэтому один и тот же «мон» служит знаком совершенно разных семей. «Мон» может быть не только семейным знаком, но и знаком корпораций, религиозных сект. Он помещается не только на платье, но и на знаменах, ценных вещах, фасонной черепице крыши домов и храмов. «Мон» императорской фамилии («го-сити-нокири», т. е. павлония с пятью и семью цветками) может в знак монаршей милости дароваться учреждениям, но в этом случае, чтобы отличить его от династического, он заменяется павлонией с пятью и тремя цветками — «го-сан-нокири».

«Рэйфуку» должно быть черным, во всяком случае темным, а «мон» и бант — белыми. Есть и женские кимоно «монцуки». Верх их черный, а подол (ниже «оби») может быть узорным и цветным. Эта традиция отражается в современных кимоно «харэги», где очень часто верх бывает одноцветным (белым, розовым) или имеет лишь небольшие узоры, а на подоле, ниже «оби», на том же фоне размещается крупный узор. Если на гладком черном «монцуки» обычно бывает пять «мондокоро» (изображений герба), то на узорном их три — на спине и на рукавах.

Эквивалентом «рэйфуку» в западном стиле является визитка с жилетом и штучные полосатые брюки, называемые искаженным английским словом «монингу». Такой костюм считает своим долгом надеть даже крестьянин, если он приходит на похороны (разумеется, большей частью взяв его напрокат). Японское «рэйфуку» из-за наличия гербов «мон» должно быть собственным. Поэтому на практике чаще пользуются европейским «рэйфуку». Впрочем, крупные магазины японского платья в больших городах имеют большой выбор одежды с любыми «мон» и предоставляют напрокат по весьма высоким ценам не только европейское и японское «рэйфуку», но и женское «харэги» (иначе называемое «хомонги» — платье для визитов, или «фурикодэ» по свисающим длинным «кодэ» рукавов), а также разные европейские и японские варианты подвенечного платья и национальные траурные костюмы — как черные, так и белые (белый цвет на Дальнем Востоке выражает траур).

Между частями «рэйфуку» в понимании японца существует определенный параллелизм: «кимоно» рассматривается как параллель сорочки, «хаори» — визитки, «хакама» — брюк, бант — галстука.

Необычайно стойкая, охватывающая все слои населения приверженность к старомодному, сугубо строгому европейскому костюму «рэйфуку», не находящая себе полной параллели даже в самых консервативных из европейских национальных культур, может быть объяснена тем, что еще до появления этого костюма сложился строгий феодальный этикет, ставший ко времени европеизации уже общей национальной традицией и неукоснительно требовавший в определенных случаях, прежде всего в траурных церемониях, особого церемониального платья. Основные цветовые сочетания (черно-белые) были одинаковы как в европейском, так и в национальном платье этой категории.

И в излюбленной японцами расцветке повседневных («харэги» и «фуданги») мужских европейских костюмов, в предпочтении, отдаваемом гладким или мелко клетчатым тканям сероватых и синеватых приглушенных, скромных тонов для

костюмов и галстуков, сказывается привычка к традиционной расцветке национального мужского платья «кимono»³⁵.

О женском платье вследствие его цветового разнообразия без статистического анализа судить трудно. Однако создается впечатление, что распространенность определенных цветов примерно одинакова в европейском и национальном японском женском платье. И там и тут очень популярны светлые тона — белые, кремовые, палевые, из темных — ахроматические, коричневых и близких к ним оттенков. Сравнительно редко встречается в качестве фона красный цвет, практически отсутствует зеленый.

Уровень «харэги» в японской одежде в основном представлен женским платьем как европейского, так и национального стиля. Мужской европейский костюм «харэги» отличается от «фуданги» не столько покроем, сколько качеством материала. Национальный мужской костюм не надевается в тех случаях, когда нужно платье празднично-выходного уровня, т. е. при выходе в гости, в клуб, в театр. Зато женское платье «харэги» может быть достаточно четко отграничено от «фуданги». В европейском женском платье в «харэги» мода превалирует над соображениями практичности, тогда как в «фуданги», естественно, бывает как раз обратное соотношение. В национальном женском платье для «фуданги» идут в основном хлопчатобумажные ткани, для «харэги» — шелковые и специфические ткани (ажурные и др.); в «фуданги» — скромная расцветка и мелкий узор, в «харэги» — пастельно-светлые или яркие тона и крупный узор, иногда занимающий лишь небольшую часть платья, служащего фоном. Покрой «кимono» в «харэги» не отличается от «фуданги», но рукава «содэ» делаются длиннее. В «харэги» наблюдается большое разнообразие «оби» и вообще изобилие оригинальных черт, меняющихся в зависимости от моды. «Фуданги», не говоря уже о «рэйфуку», меньше подвержено влиянию моды.

Группа «фуданги» включает бесконечное разнообразие вариантов мужских и женских практичных костюмов европейского стиля — пиджаков, курток, кофт, брюк, платьев, юбок;

³⁵ Любопытно отметить, что перенос традиций цветового предпочтения со старинного народного костюма на современный костюм городского типа может быть прослежен и в других странах. Так, например, в Аргентине преобладают черно-белые расцветки, а в соседней Бразилии — яркие и пестрые, очевидно потому, что в первом случае влияет традиция старинного испанского костюма, а во втором — народных негритянских вкусов в одежде. Эта общая тенденция упорно пробивается через временные наслоения, диктуемые меняющейся общемировой модой. В ней мы можем видеть проявление национальной культурной основы под наслоением западной культуры и отражение этнических традиций (выражающихся в определенных цветовых предпочтениях), свойственных издавна данному народу (см. Л. Е. Родин, *Пять недель в Южной Америке*, стр. 309).

в национальном стиле как мужское, так и женское «фуданги» состоит из «кимоно» с нередким добавлением «хаори». Однако разнообразие материала и отчасти даже покроя здесь достаточно велико, так как возможны вариации от самых легких летних «юката» до зимних тяжелых «хаори» с подкладкой, ватной подбивкой и толстым верхом.

Поскольку зимой в домах очень холодно, японцы вынуждены одеваться очень тепло, надевая несколько «кимоно» одно на другое, а поверх еще теплое «хаори». При этом нет разницы между одеждой для улицы и для дома (если речь идет о национальном костюме). Если иногда поверх «кимоно» на улице надевается специальное пальто, то это делается для защиты не от холода, а от непогоды. Определенную параллель этим навыкам можно наблюдать и в европейском «фуданги», особенно мужском. Даже в довольно сильный холод, если только погода сухая и солнечная, японцы часто ходят без пальто, а когда надевают пальто, то сравнительно легкие. Зато они всю зиму носят очень толстое и теплое белье, по возможности шерстяное, часто дополняя его еще теплыми набрюшниками или полосами ткани, обернутой вокруг торса.

Обычай обертывать живот тканью генетически связан и с набедренным поясом «фундоси» и с плотными «оби», привычными и занимающими важное место в создании комфортности японской традиционной одежды. Автор видел в жаркие летние дни строительных рабочих в майках и коротких брюках и в то же время с обмотанным вязаной шерстяной материей животом. По их мнению такая обмотка предохраняет не только от продувания, но и от травм.

Резкое, бросающееся в глаза различие между японской и европейской манерами одеваться породило широко распространенное мнение, что японский национальный костюм представляет собой лишь пережиток старой Японии и сохраняется совершенно неизменным. Зачастую не только европейцы, но и сами японцы употребляют как синонимы, с одной стороны, определения «современная одежда» и «европейская одежда», с другой стороны, «старинный традиционный костюм» и «национальный костюм». Между тем такое отождествление неправильно. Современный японский национальный костюм не менее современен, чем европейский, — он постоянно развивается и изменяется, подвержен моде, заимствует ряд деталей из европейского костюма, оставаясь тем не менее резко от него отличным.

Современный японский женский костюм сильно отличается от костюма, бытовавшего столетие назад. Изменения произошли, в частности, в парадном платье. Раньше такое платье имело глубокий вырез на спине, так называемый «эри-аси», сопоставимый с декольте европейских платьев XVIII—XIX вв.

и эстетически связанный с пышной японской прической. В наши дни такая прическа вышла из моды.

В современной Японии распространены те же модные прически, что и в странах Европы, и почти все они могут сочетаться с национальным костюмом. Однако, как правило, надевая «кимоно», женщины причесываются так, чтобы волосы не лежали поверх воротника, тогда как при европейском платье часто носят ниспадающие прически. Это происходит, очевидно, в силу того, что связанные с «эри-аси» и его эстетикой прически токугавского времени были высокими.

Не носят сейчас и чрезмерно длинные мешкообразные продолжения «содэ» — рукавов «кимоно». Продолжения рукавов и по сей день обязательно имеются в «кимоно», но значительно меньших размеров. В «кимоно» «низкого» стиля «содэ» совсем короткие, а в кимоно «высокого» стиля все еще довольно длинные.

Совершенно вышли из употребления платья со шлейфами, широко распространенные в токугавское время как принадлежность костюма высших сословий. Теперь они надеваются лишь в редких случаях в качестве обрядовой одежды невесты.

Наиболее существенные изменения произошли в способе подвязывания «кимоно». Правда, старинный, сложный способ завязывания пояса «оби» все еще преобладает. Обычное, т. е. не подвергшееся модернизации, женское «кимоно» шьется в рост человека от макушки до пят. Надетое в рукава «кимоно» подбирают чуть ниже груди и подвязывают лентой. Образовав таким образом напуск, его спускают на бедра и закрепляют второй лентой. Затем надевают «сита-оби» — «нижний пояс», более узкий, чем верхний; «сита-оби» обычно тоже скрепляется лентой. Лишь после этого несколько раз обматывают вокруг туловища сложенный вдвое основной (верхний) «оби». Под его верхний край подкладывают сшитый «трубой» мягкий шарф «обиагэ», в который вложена подушка «обиагэ-но-син», служащая основой завязываемого сзади подушкообразного банта; спереди в «оби» для жесткости закладывают широкую картонную пластину «маэ-син» (или «оби-ита»), и всю конструкцию еще скрепляют шнурком «обидзимэ», проходящим поверх «оби». Шнурок «обидзимэ» двойной. Завязывают его обычно под бантом на спине. Спереди же на «обидзимэ» либо делают декоративный «морской узел», либо надевают на него крупную бусину-безделушку. Часто за «оби» носят теперь авторучки. Карманы не свойственны ни одному из видов японского костюма; в мешкообразных продолжениях рукавов, в которых в старину обычно носили разные мелкие вещи, ныне носят только бумажные салфеточки, заменяющие японцам носовые платки.

Как мы отмечали выше, на талию японки наматывают до

Последовательность надевания оби (Университет Оцума, Токио)

Последовательность надевания оби (Университет Оцума, Токио)

семи различных полос ткани, что требует довольно много времени и усилий. Темпы современной городской жизни диктуют упрощение этой процедуры. Обычно надевают не все упомянутые вспомогательные ленты, а лишь часть из них. «Кимоно», рассчитанные на европейский рынок, шьют по росту и завязывают без напуска, но японки считают это некрасивым и иногда шьют «кимоно» с уже заложенным и зашитым напуском. Верхний край обычного напуска расположен под грудью, так что общая ширина его бывает больше 20 см. Подшитый же напуск обычно не шире 10 см. При этом отпадает необходимость в двух лентах, сдерживающих напуск, и в «сита-оби». Сейчас входят в употребление «оби» упрощенного типа, который просто завязывают и снабжают накладным бантом в виде подушки или бабочки. Такой «оби» снимает необходимость в «обиагэ», «обидзимэ» и в «оби» «син» — задней и передней.

Следует, однако, отметить, что в ансамблях «высокого стиля» предпочтение отдается старинному традиционному способу завязывания «оби».

В последнее время появился совершенно своеобразный тип «кимоно». По сути дела это даже не «кимоно», т. е. не халат, а «костюм-двойка» — юбка и кофта из одной и той же ткани. Юбка застегивается, а кофта повязывается при помощи «оби», причем левая пола кофты совпадает по вертикали с находящим краем запашной юбки, а подол кофты, выглядывающей из-под «оби», имитирует напуск, так что такой ансамбль зрительно воспринимается как единое «кимоно» (на взгляд японцев, привыкших к «кимоно» и знающих принципы его надевания; для несведущих же в этих вопросах европейцев любое «кимоно», надетое с напуском, будет выглядеть как отдельные юбка и кофта).

Если раньше «кимоно» шили только из прямых полотнищ японских тканей шириной всего лишь в локоть (около 35 см), то сейчас на их изготовление идут широкие, европейского типа ткани, поэтому число швов зачастую бывает меньше, чем прежде. На зимние «кимоно» идут ткани такой плотности и фактуры, какие раньше не употреблялись. Это позволяет шить их без подкладки. Впрочем, и из новых, тяжелых тканей шьют очень теплые «хаори» и кимоно «авасэ», т. е. с подкладкой, постепенно вытесняющие «вата-ирэ», т. е. ватные стеганые «кимоно».

Шьют и такие «кимоно», которые можно носить на обе стороны. Это совершенно новый тип одежды, он обозначается термином «урагаэси» — «меняющаяся изнанка».

Праздничные «кимоно» иногда шьют теперь из ажурных тканей и надевают на нижнее «кимоно»-чехол, которое делают точно по росту от плечей до щиколоток, без расчета на

напуск. Новые ткани идут и на «оби», которые теперь бывают и шерстяные и вязанные и др.

Даже узкие традиционной выделки хлопчатобумажные и шелковые ткани могут иметь сейчас рисунки и орнаменты, неизвестные в старой Японии, например клетку типа шотландки, набойку с изображениями игрушек (для одежды девочек) и т. д. Так, автор видел нарядные «кимоно» с узором из европейских карточных мастей.

Более того, даже те мотивы орнаментации тканей, которые продолжают полностью соответствовать японской художественной традиции, испытывают определенные изменения. Для старинных нарядных «кимоно» были характерны крупные яркие узоры, которые повторялись по всему куску ткани. При кройке ткани не всегда принимались во внимание композиция узора на законченном изделии, совмещение или нарушение граней элементов узора. Сейчас узоры аналогичного характера, преимущественно цветочно-растительные, выдерживаются в более спокойных тонах, располагаются на ткани свободнее, больше места занимает гладкий фон, а кройка ткани производится так, чтобы рисунок не нарушался и композиционно совпадал с расположением полотнищ в сшитом платье.

Особенно ярко проявляются новые, иногда заимствованные черты в той одежде, которую носят поверх «кимоно». Имеются три основных вида такой верхней одежды — кофта «хаори», передник и пальто, которое будем называть «кимоно-пальто» (японский термин для него — «амагото»).

«Кимоно-пальто» и «хаори» шьют широкими, с особым припуском на спине, чтобы вместить большой бант «оби». Своеобразны также рукава этих видов одежды: они либо имеют свисающие прямоугольные мешки, чтобы поместились продолжения «содэ» — рукавов «кимоно», которые в этом случае и вправляют в «содэ» верхнего платья, либо делаются очень широкими (последнее бывает реже, так как в этом случае рукава «кимоно» могут измяться).

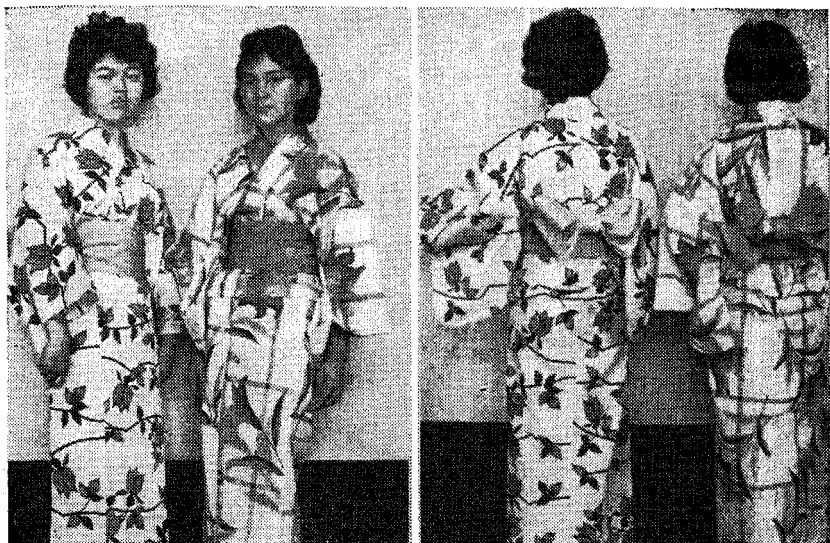
Просторные кофты «хаори» и раньше бытовали в Японии, но только недавно их стали шить из ажурных тканей или костюмного сукна, снабжать карманами, хлястиками, т. е. совершенно несвойственными японскому костюму элементами. При всем том общий покрой их не меняется, в частности чаще всего сохраняются мешкообразные продолжения рукавов, куда заправляются провисающие рукава «кимоно». Но в отличие от «кимоно» рукава «хаори» обычно шьются не только без прорех, но и без провисания, т. е. рукав вдоль всей своей длины пришивается к боку «хаори». Это делается потому, что поверх «хаори» не надевается «оби», а провисание рукавов «содэ» в основном нужно для прохождения «оби».

Из этих трех видов верхней одежды в XIX в. было изве-

стно только «хаори». Классическое «хаори» делается такого же прямого покроя, как и «кимоно», но полы на его груди не сходятся — их соединяет лента. Новые черты в подобных «хаори» проявляются в том, что для них используют необычные прежде ткани, например кружевные. Сейчас шьют «хаори», в которых традиционная лента, завязанная бантом и навешивающаяся на крючки, заменена тесьмой, надевающейся на европейского типа пуговицы, а также такие, полы которых, сходясь, застегиваются на пуговицы, что раньше было вообще совершенно несвойственно японскому костюму. Некоторые «хаори» снабжаются декоративными обшлагами и другими деталями, заимствованными из европейской одежды. В основном «хаори» в ансамбле японского костюма относятся к «высокому» стилю.

Как уже отмечалось, рукава у современных «хаори» бывают двух видов: японские мешкообразные «содэ» и обычные широкие рукава европейского покроя с манжетами. Последний тип рукавов менее удобен при ношении «хаори» с «кимоно». Но он все-таки довольно широко распространен. Это объясняется тем, что женщины из небогатых семей заинтересованы в том, чтобы отдельные предметы их одежды были пригодны для ношения в различных сочетаниях. «Хаори» с манжетами отвечает этому требованию, поскольку его можно носить с европейским платьем, как обычный жакет или труакар, и такое нарядное «хаори» может украсить ансамбль европейского платья даже «высокого» стиля. Напротив, «хаори» с рукавами типа «содэ» с контурами европейского платья никак не вяжется, и если его изредка и надевают поверх такого платья, то очень неохотно, и в этих случаях ансамбль относится к «низкому» стилю.

Японские модельеры переносят в создание новых фасонов национальной одежды принципы, заимствованные из моделирования современных фасонов европейской одежды, например сочетание «хаори» с сумочкой из этого же материала. Создаются такие «хаори», которые можно застегивать различным образом, и в зависимости от этого они могут подходить к контурам как национального платья, так и европейского. Новые приемы отделки применяются и в «хаори», казалось бы вполне традиционного покроя. Например, традиционный покрой «кимоно» и «хаори» предусматривает только два направления кройки ткани — параллельно и перпендикулярно кромке первоначального полотнища. Поэтому в каждой детали костюма, если его распрямить, все нити основы, нити утка, все линии орнамента будут параллельны соответствующим нитям и линиям других деталей: нити основы и продольные полосы пройдут вертикально, нити утка и поперечные полосы — горизонтально. Однако в последнее время, чтобы

Фуданги есоики с упрощенным оби (Университет Оцума, Токио)

оживить облик «хаори», сшитых из клетчатых или полосатых тканей, некоторые детали, например шарф воротника и кайму пол, кроют по диагонали к направлению кромки исходного полотна.

Домашние хозяйки не только дома, но и выходя за покупками, как правило, надевают передник, называемый заимствованным из английского языка словом «апрон». Передник, носимый поверх европейской одежды, имеет вид и покрой обычного фартука. На «кимоно» же надевается одежда, имеющая некоторое сходство с медицинским хирургическим халатом. Такой халат завязывается сзади и имеет широкие рукава, затягиваемые тесемками у запястья. Рукава эти предохраняют от загрязнения во время работы длинные «содэ». Раньше, да часто и сейчас «содэ» с той же целью засучивались и подвязывались шнуром «тасуки», проходившим под мышками и по спине. Передник всегда бывает белый, обычно с трапецевидным вырезом на груди, по размерам, соответствующим высоте открытой части воротника «кимоно». Разумеется, этот элемент одежды относится к «низкому» стилю.

В наши дни появился сравнительно небольшой, но имеющий тенденцию к постепенному расширению круг элементов одежды, которые трудно четко отнести к «восточной» или

«западной» сфере. Таковы, например, «кимоно-пальто», которые по покрою, тканям, по деталям (пуговицы, кнопки, хлястики, обшлага, карманы) очень близки к европейским, но рассчитаны на надевание поверх «кимоно». Носят их только в ансамбле с «кимоно», хотя происхождение большинства их деталей идет от европейских пальто.

«Кимоно-пальто» представляет собой очень своеобразное явление. Это верхняя одежда прямого покроя, застегивающаяся на все пуговицы или крючки, сшитая из плотных, часто непромокаемых тканей. Ее надевают в ненастную погоду. Воротник «кимоно-пальто» либо похож на воротник европейского пальто, либо это просто трапециевидный вырез, как у «апрона». Покрой рукавов может быть тех же видов, что у современных «хаори». По размерам «кимоно-пальто» длиннее «хаори», но короче «кимоно» (примерно до колен).

Трудно ответить на вопрос, к какому стилю относится «кимоно-пальто» — к «высокому» или «низкому». Скорее оно занимает промежуточное положение. Как утилитарный предмет, аналогичный по функции и по эстетической оценке галошам или плащу-дождевику, «кимоно-пальто» не считается элегантным видом одежды. Носят его преимущественно пожилые женщины. Если же женщина хочет одеться понаряднее для прогулки в сухую, хотя и холодную погоду, она скорее предпочтет яркое зимнее «кимоно».

Тем не менее в «кимоно-пальто» есть детали, имеющие целью сделать его более нарядным. Его отделявают пуговицами, обшлагами, клапанами, хлястиками, иногда карманами. На спине оно имеет еще более сильный припуск в ширину, чем «хаори». Синтетический характер этого нового типа национальной одежды отразился и в этимологии его названия («амагото»), состоящего из японского корня «амэ» — дождь — и английского «кот» — пальто, тогда как европейский дождевик называется «рэнкото» (оба корня — «дождь» и «пальто» — английские).

Существенные изменения произошли и в составе белья. Летом легкое кимоно «юката» иногда надевают на голое тело. Обычно же под «кимоно» надевается сходного покроя, но более короткая рубашка-«дзюбан». Наконец, до недавнего времени в качестве нижней одежды был широко распространен набедренный пояс — «фундоси». Женщины под «кимоно» обычно надевали нижнюю рубашку («дзюбан», «нагадзюбан») и несшитую юбку («косимаки»), подвязываемую лентой («датэмаки»). То и другое носят и теперь, но часто их заменяет нижнее «кимоно», сшитое из тонких, обычно синтетических тканей. Его шьют точно по росту от плечей до щиколоток, без напуска и нередко отделяют кружевной каймой, что ранее японской одежде, особенно нижней, не было свой-

ственно. Рукава рубашки или нижнего «кимono» большей частью той же формы, что и рукава верхнего, и заправляются в последние. «Нагадзюбан» и нижнее «кимono» шьют из тканей различных цветов, но к их воротнику пришивают сменный подворотничок «хан-эри», который практически бывает только белый, и только эта деталь выглядывает из-под воротника «кимono», вместе с тем в разрезы «содэ» верхнего «кимono» могут выглядывать другого цвета «содэ» нижнего «кимono». Это считается вполне нормальным.

Итак, японский национальный костюм в наши дни под влиянием меняющихся условий жизни и быта постепенно модернизируется, сохраняя при этом свои характерные черты. Именно в этой способности к эволюции — причина большой устойчивости и жизнеспособности японской традиционной одежды.

Головной убор не является обязательной частью национальной одежды японцев. Для защиты от солнца или дождя во время полевых работ или при длительных передвижениях надевают соломенные шляпы. В зимнее время женщины покрывают голову большим прямоугольным платком, мужчины также пользуются платком, но меньших размеров; летом обвязывают голову свернутым жгутом полотенцем — «хати-маки» для защиты глаз от стекающего со лба пота. Вообще же как в старину, так и после введения европейской одежды, обычно японцы ходят без головного убора.

Одежда детей по составу и покрою мало отличается от одежды взрослых, только дети носят головной убор в виде чепчика, к которому иногда прикрепляется сбоку мешочек с талисманом, по народному поверью, оберегающим ребенка от несчастных случаев. В городах, в дополнение к талисману, ребенка могут снабдить металлическим жетоном с указанием его имени и адреса родителей.

Есть некоторые специфические виды детской одежды, например «о-куруми» — накидка-пелеринка для маленьких детей, сшитая наподобие «хаори», но без рукавов и отверстий для рук. Кроме того, детские «кимono» отличаются от взрослых наличием завязочек: левая тесемка проходит поверх плеча, а правая — из-под рукава.

Жаркий и дождливый климат Японии требует постоянного употребления различных приспособлений для защиты от дождя и солнца. Раньше повсеместно был распространен зонт «каракаса» из промасленной бумаги или шелка. Сейчас зонт традиционного типа можно увидеть сравнительно редко, но большие дождевые зонты европейского типа из ткани употребляются очень широко, несмотря на распространение плащей-дождевиков из ткани или пленки. Это объясняется тем, что жарким летом в период дождей ходить в плаще нелегко.

Так носят детей (преф. Нара, район Тэнри)

Широкое применение зонтов вызывает побочные бытовые явления. Так, в общественных местах редко можно встретить гардеробы. Обычно посетители или не снимают верхней одежды; или носят ее с собой, тем более что ношение верхней одежды даже в холодную и ненастную погоду не является общим правилом. Зато гораздо чаще можно встретить стойки-зажимы для зонтов. Они автоматизированы: ставя зонт, посетитель забирает из стойки жетон, который служит ключом от ячейки стойки.

Крестьяне для защиты от дождя и снега используют короткие накидки из соломы или волокон конопли; распространение новых материалов породило большое разнообразие самодельных накидок из разных комбинаций соломы и клеенки и тому подобных материалов.

Национальная зимняя одежда — такого же покроя, как и летняя, только подбивается ватой, причем для тепла обычно надевают два ватных халата: «ситаги» — нижний и «уваги» — верхний.

Элементы европейского костюма хотя и в меньшей степени, но тоже могут приобретать отдельные черты, происходящие от японской традиции. Эти черты иногда присутствуют в самом предмете, например в европейском платье из японской ткани традиционной выделки с национальным орнаментом; или они выступают как дополнение к предмету, например фотоэкспонметр (культурно нейтральный), подвешенный к брючному ремню (западный элемент) при помощи брелока «нэцкэ» (японская традиция). Такие черты могут, наконец, проявляться лишь в обращении с предметом, например снятие и надевание рубашки с лиджаком не порознь, а одновременно, подобно тому как это делают с функционально равнозначным комплексом из легкого нижнего и теплого верхнего «кимоно»; это отражается в покрое рубашки, как правило, распахном, а не глухом.

В одежде особенно четко можно проследить еще одну группу предметов, которые, собственно, в быт самих японцев непосредственно не входят. Это предметы, рассчитанные на потребление европейцев с их навыками и соответственно приспособленными, например женские «кимоно», на которых складка «хасери» заложена и прострочена заранее, поскольку у европейских женщин нет навыков ее загибания.

Впрочем, в последнее время в связи со стремлением части японских женщин упростить длительный процесс надевания «кимоно» и завязывания пояса «оби», в котором немало времени занимает устройство выглядывающего из-под «оби» напуска складки «хасери», «кимоно» с простроченной «хасери» и с упрощенным «оби» входят в обиход и среди японок.

Люди, одетые в «кимоно», никогда не носят одновременно

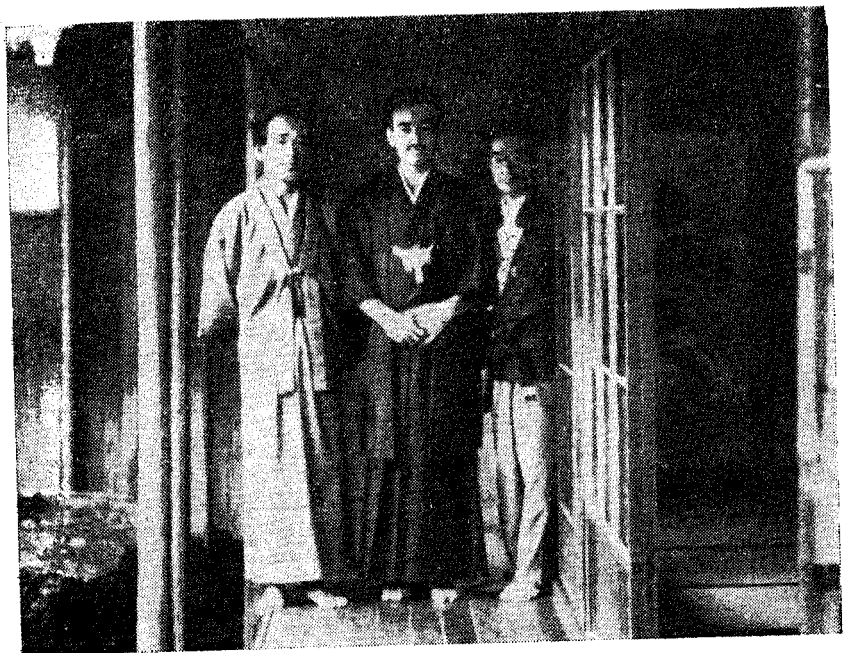

Идут за покупками (Токио, июнь 1960 г.)

какие-либо части европейского костюма — пальто, брюки и т. д. В сочетании с европейским платьем (платье, кофта, юбка, рубашка и брюки) возможны лишь немногие элементы национальной одежды, например у женщин-матерей широкий халат «нэннэко» — верхняя одежда, близкая к описанному выше «хаори», но покрывающая вместе с матерью и ребенка, которого носят на спине. Ребенок подвязывается на спине матери либо при помощи большого платка, либо чаще при помощи специальных лямок, обычно из черного бархата. Все эти приспособления используются независимо от того, одета мать в национальный или европейский костюм.

Почти никогда не встречается сочетание европейской обуви с японской одеждой, зато нередко можно видеть людей, одетых по-европейски, но обутых в деревянные «гэта» или сандалии «дзори», сделанные из более пластичных материалов.

Головной убор европейского типа несовместим с национальным женским платьем. Любопытно отметить в этой связи, что в настоящее время головные уборы европейских типов не носят также и мужчины, одетые в национальный костюм, хотя в 1920—1930 гг. мужчины, как правило, носили европейские шляпы в сочетании с мужским «кимono».

Встреча в Киото. Информатор — священник храма Тэнрикё в Киото (в куртке своей секты), автор (в зэйфуку) и японский коллега проф. Каяма (в фуданги-вафуку)

Такие принципы сочетания элементов в смешанных костюмах отражают следующее общее правило. Когда имеются два взаимодействующих культурных комплекса в одежде, то обычно один из них рассматривается как социально более высокий (более парадный), а другой — как социально более низкий (более обыденный). При этом основной элемент одежды (т. е. тот минимум, к которому может быть сведена одежда) может принадлежать и к более «низкому» стилю, тогда как аксессуары (к которым могут быть отнесены все элементы одежды сверх минимума) рассматриваются как украшения и желательно, чтобы большая часть их принадлежала к «высокому» стилю. Отклонения от этого правила допустимы иногда в головном уборе и в обуви.

Еще недавно, в предвоенные и отчасти даже в первые послевоенные годы, европейский костюм в Японии рассматривался как социально более «высокий» стиль по сравнению с национальным костюмом. В начале XX в. часто можно бы-

ло встретить мужчину, одетого в «кимоно» в сочетании с брюками, ботинками и шляпой.

Однако в настоящее время европейский костюм в Японии для всех слоев населения является обыденной одеждой. Поэтому дополнение национального костюма европейскими аксессуарами уже не характерно.

Причину изменения в отношении к сочетанию европейских и национальных элементов в одежде следует искать не только в относительно высоком жизненном уровне. До войны европейский костюм считался, как и его отдельные элементы, более нарядным, чем национальный, и соответственно обходился дороже. В годы войны национальный костюм почти вышел из употребления; его заменили у мужчин европеизированные виды производственной спецодежды, военизированной или полувоенной одежды, а у женщин — формы, близкие к крестьянскому производственному костюму, различные виды шаровар и кофт. После войны вновь постепенно входивший в употребление национальный костюм стал осознаться как некоторый предмет роскоши, желательный, но не всегда доступный, а следовательно и более нарядный по сравнению с европейским. Поэтому теперь элементы европейской одежды уже не могли дополнять японский костюм, а элементы японской одежды более или менее свободно дополняли европейский костюм. Укреплению таких воззрений способствовало и то обстоятельство, что в настоящее время национальное платье в Японии хотя и производится фабричным способом, но все еще значительно дороже, чем одежда массового производства европейского покроя. Вследствие дешевизны европейской одежды ее носят значительно чаще, чем национальную, но при возможности носить национальный костюм в соответствующей обстановке ему обычно отдается предпочтение.

Между прочим, в то время как европейская шляпка никогда не носится в сочетании с женским «кимоно», японские модельеры создали некоторые фасоны нарядных европейских платьев, которые дополняются головным платком, имитирующим один из национальных крестьянских головных уборов.

Японская обувь не менее специфична, чем японская одежда, и в равной мере отлична от европейских типов. В то же время в ней происходят аналогичные процессы модернизации. Поскольку японская обувь придерживается ремешком, проходящим между большим и вторым пальцами, носки делаются с напальчником. Эти носки («таби») шьют из белого полотна и застегивают на крючки вдоль щиколотки. За последнее время наряду с ними входят в быт и вязаные «таби» без застежек, обычно из эластичного синтетического волокна. Сле-

дует, однако, отметить, что в ансамблях «высокого» стиля предпочтительными считаются белые полотняные «таби», а цветные вязаные входят скорее в ансамбли «низкого» стиля.

Из многих видов национальной обуви наиболее часто японцы носят «гэта» и «дзори».

Деревянные туфли-скамеечки «гэта» сохраняются без особых изменений, только «каблуки»-подставки теперь несколько ниже. «Гэта» делают одинаковыми для обеих ног. Для современных «гэта» это не всегда означает, что обе туфли в паре совершенно одинаковы и безразлично, какую из них надеть на правую или левую ногу. Дело в том, что на одной и той же туфле ремешки могут быть разных цветов, скажем, один красный, другой черный. Тогда в другой туфле из пары они будут расположены зеркально симметрично по отношению к первой. В этом случае одну и ту же пару «гэта» можно носить двойко. Так, если ремешки красный и черный, то внешним ремнем может быть либо красный, либо черный, в зависимости от обстоятельств и цвета одежды.

«Гэта» относятся в основном к «низкому» стилю. Их носят дома, при ходьбе по двору, в ненастную погоду, на прогулке в непринужденной обстановке и т. д.

Гораздо более существенную эволюцию претерпели в XIX в. сандалии «дзори». Их делают из кожи, из соломы, но сейчас чаще всего полностью или частично из синтетических материалов — каучука и пластмасс. Сравнительно недавно «дзори» начали делать различными для правой и для левой ноги. Они не имеют каблука. Первоначально это была обувь с равномерно плоской подошвой, но в современном варианте подошва сильно утолщается в пятке. Все «дзори» делаются одного размера, так что почти всегда они меньше ноги носящей их женщины. Женские «дзори» чрезвычайно разнообразны. Носят их в основном в ансамбле «высокого» стиля, хотя ношение их в ансамбле «низкого» стиля также не исключено. «Дзори» «высокого» стиля бывают очень нарядны, часто выпускаются ансамбли — «дзори» и сумочка из одного материала.

Особый тип «дзори» представляют собой получившие в последние годы всемирное распространение пляжные сандалии, которые имеют подошву равномерной толщины и подбираются по размеру ноги. От пляжных сандалий путем их модификации произошли пластиковые и кожаные сандалии более широкого применения, но все же служащие в основном для интимной обстановки (автор наблюдал их на прогулках, во дворе при домашней работе, на палубе судна и т. д.). Они также делаются по ноге, с ремешком, проходящим между пальцами, но передняя часть подъема покрыта широкой по-

лосой материала, иногда декорированной помпоном или иными украшениями.

Можно упомянуть еще один своеобразный элемент национальной обуви. Это надеваемый на передний край «гэта» в ненастную погоду колпачок, сделанный из непромокаемого (обычно синтетического) материала. Колпачок предохраняет пальцы и часть подъема от сырости и загрязнения. Он укрепляется тесемкой за задний каблук «гэта». Такой колпачок чаще всего можно видеть одновременно с «кимоно-пальто»³⁶.

В связи с тем что вследствие подорожания циновок «татами» все большая часть пола в японском жилище остается непокрытой, в обиход японцев широко вошли «слипперы» — домашние туфли-шлепанцы без задника. Их носят в не застланной циновками части дома и снимают, заходя в комнаты с циновками. Понятно, что в стилевом отношении «слипперы», как домашняя обувь, стоят низко. Обычай переобувания кроме жилых домов распространяется на гостиницы как национального, так и западного стиля, национальные рестораны и прочие помещения, где имеется циновочное или тканевое покрытие пола. Этот обычай повлиял и на аксессуары западного происхождения. Можно отметить преобладание нешнурованной обуви, распространение необычно широких задников у ботинок, комбинированных портмоне с кожаным рожком для надевания обуви или очень миниатюрных карманных рожков. Кроме того, в большинстве домов имеются очень длинные рожки с большой рукояткой, позволяющие обуваться не нагибаясь. В Японии все это необходимо, так как нередко приходится переобуваться много раз в течение дня. Это пример того, как предмет западного происхождения видоизменяется в соответствии с национальными навыками.

Мы не касаемся здесь сложной темы о классовых различиях в оценке и распределении предметов материальной культуры, но при определении степени «нарядности» или «солидности» одежды в городском быту в наши дни национальное платье относится к категории нарядного, тогда как в сельском быту оно служит рабочей одеждой, а западный костюм все еще рассматривается как нарядный.

Подводя итоги описанию форм и сфер бытования в Японии традиционных и европейских элементов костюма, можно констатировать, что в одежде грань между западным и традиционным является, пожалуй, наиболее резкой. В отдельных предметах встречается взаимопроникновение тех или иных черт, но в целом костюм может быть либо полностью традиционным, либо полностью западным. Если некоторые предметы традиционного стиля еще могут входить в ансамбль запад-

³⁶ B. Taut, *Houses and People of Japan*, pp. 60—63.

ного стиля, то обратного в городском платье почти не наблюдается. В то же время при раздельном бытовании западного и традиционного комплексов одежды между ними имеется не только немало аналогий, но и развитие их определяется общими закономерностями.

Пища

Японская кухня принципиально отличается от европейской как по соотношению элементов трапезы и их приготовлению, так и по сервировке и способу еды.

В европейской трапезе печеный хлеб сопровождает блюдо, приготовленное из многих продуктов, обычно подвергшихся длительной термической обработке (жарению, варке), причем и то и другое размельчается в основном в процессе трапезы — откусывается, режется на тарелке. В японской же трапезе вареный рис сопровождается рядом кушаний — приправ, каждое из которых несложно по составу и подается чаще всего в малообработанном виде, например слегка обваренном, квашеном (овощи) или просто сыром (рыба), но обязательно размельченном (нарезанном).

Пища японцев преимущественно растительная. Основой питания является рис. Японцы едят обычно три раза в день. Завтрак чаще всего состоит из вареного рассыпчатого риса («гохан») и закусок к нему, которые сопровождаются острым соевым соусом «сёю». Рис готовится следующим образом: его моют, кладут в котел и варят под толстой деревянной крышкой в небольшом количестве воды в течение 20 минут, после чего вся вода выкипает, а рис делается рассыпчатым и мягким. Во время варки рис никогда не перемешивают. Утром едят также жидковатую рисовую кашу, нередко подмешивая к рису зерна других злаков.

Рис, как правило, во время варки не солят (за исключением особых блюд, в частности, категории «мэсимоно», а также европеизированных), поэтому к нему подают в небольшом количестве острые закуски (соленые и сладкие). Эти закуски могут быть подразделены на «аэмоно», т. е. продукты с добавлением специй, «хитасимоно» — зеленые овощи, проваренные в сое, «цукэмоно» — различные маринады и пикули, «цукудани» — консервированные в сое продукты, «суномоно» — продукты, приправленные уксусом, и т. д.

По японской народной традиции, в день должны быть три трапезы, каждая из которых включает три чашки риса (японская обеденная чашка сравнительно невелика, и во время трапезы в нее накладывают рис деревянной ложкой или лопаточкой из котелка или деревянной кадочки, где он дольше

остается горячим). Японские термины этих трапез означают «утренняя еда» («асамэси»), «полуденная еда» («хирумэси» или «тюдёку») и «вечерняя еда» («баммэси», «юдёку»). В состав завтрака, который обычно бывает довольно плотным, нередко включается суп. Особенно популярен для завтрака суп из «мисо» — «мисо-сиру». За обедом же чаще обходятся без супа. Ужин включает несколько более обильные дополнения к рису, которые можно рассматривать как аналог европейского «второго блюда» — овощного, рыбного или мясного — и чашку супа.

Ни одна трапеза не обходится без чая. По сути дела японские обед и ужин неслучайно сопоставимы с русскими и не должны бы обозначаться этими терминами. Японская система трапез может быть охарактеризована как плотный завтрак («брекфэст»), скудный второй завтрак («ленч») и обильный обед («диннэр» или то, что мы условно называем ужином). Меню более зажиточных людей обычно состоит из следующих блюд: на завтрак — рис, суп с овощами и соевым творогом, омлет, консервированные пикули в сое, чай; на обед (или ленч, второй завтрак) — рис, жареная рыба, отварные или свежие овощи со специями, чай; на ужин — рис, светлый суп с луком, жареная рыба или мясо, тертая редька, отварные овощи, пикули и чай³⁷. Японцы стараются разнообразить свой стол и по возможности подают одновременно большое число разных блюд и закусок даже при обыденных трапезах, но каждый вид закуски подается в очень небольшом количестве, и только объем риса остается неизменным. В приведенном здесь меню уже прослеживается влияние западного образа питания с делением на «брекфэст», «ленч» и «диннэр». Традиционные японские трапезы («асамэси», «хирумэси» и «баммэси») по объему основного продукта — риса — более или менее равноценны. Рис и заменяющие его в некоторых случаях другие крахмалистые продукты, например лапша, назывались в традиционном японском питании «сюёку» — основной пищей. Считалось, что «сюёку» должна обеспечивать сытость и абсолютно необходима человеку. Все прочие виды продуктов — мясные, овощные, рыбные — входили в категорию дополнительной пищи — «фукусёку» — и рассматривались главным образом как вкусовые ингредиенты, без которых в крайнем случае можно и обойтись³⁸. Изменение в отношении к питанию в наши дни заключается в том, что «фукусёку» также начинает рассматриваться как необходимый элемент нормального питания. Соответственно этому в трапезах при некотором уменьшении абсолютного и относительного

³⁷ A. Kagawa, *Japanese Cook Book*, Tokyo, 1962.

³⁸ R. P. Dore, *City Life in Japan*, p. 58.

Овощи в лавке, Токио

количества «сюсёку» все более возрастает удельный вес «фукусёку».

Отличительной чертой японского питания является преобладание крахмала, достаточное количество растительных белков при сравнительно малом количестве животных белков и совершенно ничтожном количестве жиров. Сливочное и топленое масло, а также животный жир почти не употребляются. Все блюда готовят на растительном масле, рыбьем жире или вообще без жира. Супы делают обычно на овощном или рыбном отваре. Зелень, овощи и другие продукты не развариваются, а лишь слегка обвариваются и попадают на стол, в супе или отдельно, сохранив свой свежий вкус и витамины.

Отваренный рис служит основой для приготовления целого ряда закусочных, праздничных и церемониальных блюд. Так, из слегка забродившего, подквашенного риса (в последнее время чаще просто подкисленного уксусом) готовят «суси» — небольшие лепешки с ломтиком живности на них. Разновидностью «суси» являются «норимаки» — кусочек сырой рыбы, облепленный рисом и завернутый в «нори» — вымоченные в сое и высушенные пластинки морской капусты. «Норимаки» делают в форме колбаски и нарезают на толстые ломтики. Помимо лепленых «суси», точнее называющихся «нигири-дзуси», есть еще «тираси-дзуси», где подкислен-

ный рис просто перемешивается с мелкими креветками, овощами, кусочками рыбы. Из вареного риса лепят «нигири-мэси» — лепешечки, присыпанные тертым кунжутом, который едят с прочими закусками в холодном виде вместо горячего риса. Из толченого вареного риса делают «моти» — большие толстые лепешки, имеющие широкое ритуальное применение. «Моти» иногда подкрашивают в розоватый цвет, добавляют к ним сахар и прочие вкусовые ингредиенты. Их едят также в форме галушек в супах и похлебках, в частности в традиционном новогоднем супе «дзони», включающем пару больших галушек, креветки, грибы, овощи и пр. Во всех этих случаях рис и дополнения к нему подаются, как правило, отдельно, а если они и соединяются перед едой (как в «суси»), то готовятся отдельно. Исключение составляет категория горячих блюд, называемая «мэсимоно». Это горячая рыба, мясо или овощи (либо и то и другое), приготовленные отдельно и положенные (или вываленные вместе с подливой) на горячий рис, либо даже варящиеся вместе с рисом. К последнему виду «мэсимоно» относятся рис вареный с каштанами, и «красный рис» (т. е. клейкий рис), варенный с красными бобами «адзуки», дающими интенсивно окрашенный отвар (при этом бобы начинают варить раньше, поскольку они медленнее развариваются, а рис добавляют позже). В этих случаях в рис в процессе варки добавляют соль и другие приправы. Можно также варить рис вместе с мелко нарезанным куриным мясом или рыбой в образовавшемся от их варки бульоне.

К числу крахмалистых блюд японской кухни помимо риса относятся прежде всего различные виды лапши («удон»), которая употребляется в супах, как составной компонент в сложных блюдах и как самостоятельное блюдо, обычно в жидком соусе, с добавлением различных приправ. Чаще всего лапша делается из пшеничной муки, но особые виды ее бывают и из других продуктов, в том числе бобовых. Особый вид очень тонкой лапши делается из гречишной муки. Это основная форма потребления гречихи в Японии, поэтому и растение и блюдо называются одним словом — «соба». Сваренная в котле «соба» откладывается на решето, у которого дно обращено кверху, отвар стекает, и в таком виде прямо на сите лапша подается на стол. Отвар иногда пьют отдельно. Широко распространен очень дешевый вид такой лапши — «дзарусоба». Ее посыпают мелко нарезанными водорослями «нори» и при еде макают в соус из сои, смешанный с мелко нарезанным луком и «васаби». Разные виды лапши употребляют также вместо риса для приготовления «мэсимоно».

Большое значение в питании японцев имеют соевые продукты «тофу» и «мисо».

«Тофу» — соевый творог, состоящий в основном из соевого

белка и напоминающий по виду пористый сыр. Его делают из взвеси отваренных и протертых соевых бобов, коагулируемой при помощи хлористой магнезии. «Тофу» разносится по утрам специальными разносчиками и является почти повсеместно очень популярным блюдом. Его едят вместе с рисом, макая небольшие кубики «тофу» в острый соус, так как сам по себе он почти безвкусен. «Тофу» должен потребляться в свежем виде, так как это довольно скоропортящийся продукт, но для некоторых блюд используется «коятофу», запаасаемый впрок путем замораживания и высушивания «тофу». «Тофу» жарят («абурааге»), кладут в суп. С распространением электрических холодильников, позволяющих хранить «тофу» несколько дольше, в последнее время его стали разносить уже не по утрам, а по вечерам и хранить до утра.

«Мисо» — полужидкая масса, приготовляемая из вареных и раздавленных соевых бобов, в которые для брожения прибавляют соль, солод, хлебные дрожжи. Из него приготавливаются супы. Бывает белое и красное «мисо». Белое «мисо» имеет нежный кисловатый вкус, красное — своеобразный горьковатый вкус. «Мисо» делается также в виде сухого концентрата и может долго храниться.

Бобовые продукты вообще занимают большое место в японской кухне. Кроме соевых продуктов «мисо», «тофу», «сёю» готовят блюда из фасоли, в частности различные фасолевыe похлебki, часто сладкие, в которые кладут галушки «моти». Поджаренные зерна арахиса или сухие подсолненные зерна гороха служат наиболее распространенной закуской к спиртным напиткам, особенно к пиву; проросшие зерна бобовых («мояси») входят в компоненты супов. Из бобового теста с добавлением сахара, желатина и пряностей готовят сласти, подаваемые к чаю. Из бобов делают также «натто» (варенные на пару и ферментированные бобы).

Помимо варки в супе японская кухня включает следующие способы термической обработки твердых продуктов: «яку» — жарение над углями на решетке или вертеле, «агэ-ру» — жарение на сковороде, «ниру» — варка, «мусу» — томление в пароварке.

Япония отличается исключительным разнообразием огородных культур; здесь имеются почти все овощные культуры субтропического пояса, а также большое число специфических культур, неизвестных за пределами Японии или Дальнего Востока.

Соленые и квашеные овощи (квашеная редька «дайкон», маринованный чеснок, соленые огурцы и др.) широко используются для изготовления супов и других блюд.

Из наиболее употребительных растительных продуктов помимо общих с европейской кухней следует отметить «гобо»

(корень садового репейника), «сатоимо» (таро), «хакусай» (китайскую салатную капусту), «удо» (разновидность сельдерей), «нэги» (японский лук-порей), «сюнгику» (лиственную хризантему), «сисо» (пряную зелень типа чабера), «кабу» (столовый турнепс), «нанохана» (соцветия рапса), «кинкан» (мелкий лимончик), «гиннан» (орех гингко), «конняку» (*Amorphophallus*).

Японцы употребляют в пищу также различные морские водоросли, грибы, многие виды дикорастущих растений, например молодые побеги бамбука, корневища лотоса, которые варят с мясом или рыбой и едят с соей. Из мелко нарезанных корневищ лотоса путем квашения в соевом соусе готовятся пикули «фукудзин-дзукэ», пряные на вкус, темно-коричневого цвета. Соевый соус вообще используется для улучшения вкуса квашеных овощей, например огурцов; кроме того, в квашении применяют рисовые отруби, которыми пересыпают овощи.

Из водорослевых продуктов нужно отметить «нори» (маринованные в сое слоевища красной водоросли из рода *Porphira*), «комбу» (бурая водоросль), морская капуста из рода *Laminaria*, «вакасе» (лопасти слоевищ водоросли из рода *Undaria*), «хидзики» и др.

Обязательной составной частью многих японских блюд и кондитерских изделий является «кантэн» — желатиноподобный застывший отвар водоросли «тэнгуса» (*Gelidium amansi*).

Значительная часть овощей помимо приготовления горячих блюд используется в свежем виде, самостоятельно или в составе салатов (в свою очередь почти все салатные овощи могут входить и в горячие блюда: листики салата нередко бросают в суп, и даже огурцы иногда подают в вареном или тушеном виде). Существует много сортов салатов, но основные делаются из редьки, редиски и зелени. Самый распространенный салат — из соленой редьки.

Многие овощи выращиваются исключительно для приготовления специальных приправ или блюд. Так, большой, похожий на репу корнеплод растения «конняку» идет в основном на приготовление специфического желтоватого мармеладоподобного продукта, имеющего сладковатый вкус. Его нарезают небольшими кубиками и включают в обед как сопровождающее рис овощное блюдо. К овощам для вкуса добавляют тертые грецкие орехи, арахис и кунжутное семя. Остроту пище придают горчица, красный перец, «васаби» (японский хрен), листья и плоды «сисо», листья и плоды «сансё» (японского перца), японский чеснок, имбирь.

Большой популярностью пользуется имбирный корень — «сёга», который употребляется как пряность при приготовлении различных блюд, а также подается на стол в мелко на-

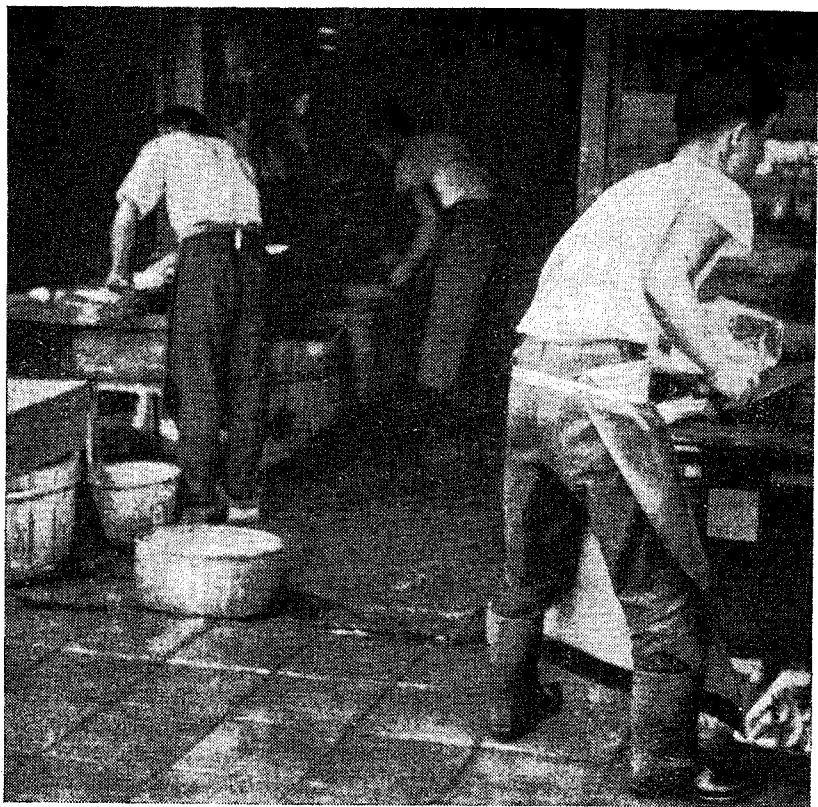
резанном квашеном виде как приправа, особенно к «суси». Корневища «сёга» едят и в сыром виде с уксусом. Другая разновидность имбиря — «мёга» — имеет не корневища, а удлинённые луковичы, которые едят в поджаренном и печеном виде. Японская разновидность хрена — «васаби», — выращиваемая в руслах ручейков, на каменистых грядках, омываемых проточной водой, даёт острую приправу зеленоватого цвета, которую обязательно подают к лапше «соба». Острой приправой к жареным блюдам из рыбы или ракообразных служит тертая редька.

В отличие от овощей, фрукты и отчасти орехи не являются органической частью японской кухни, а рассматриваются как лакомство. Для Японии не характерны специфические приемы консервирования плодов и приготовления фруктовых сладостей. Основные сладости делаются из сахара, рисового теста, бобового теста, масличных семян, корневищ и тому подобных зерно-овощных продуктов, а также желатина. С желатином готовятся различные виды «ёкан» — японского мармелада. Популярное сладкое блюдо типа компота — «мицумамэ» состоит из желатиновых кубиков в сладком сиропе сладких бобов. Фрукты же в основном употребляются в свежем виде по сезону, кроме мелких слив, идущих в соленый маринад. Помимо яблок, груш, персиков широкое распространение имеют различные цитрусовые зимних и летних сортов. Из них готовят и некоторые праздничные сласти, например у мандаринов кожура вырезается в форме корзинки и заливается желе из мякоти с желатином. Маленькие лимоны «кинкан» используются главным образом для приготовления приправ. Из зимних плодов характерна для Японии хурма «каки», оранжевые шары которой на оголившихся ветвях очень гармонируют с общей картиной солнечного и ясного зимнего дня. Для лета не менее характерна японская мушмула «бива», (*Eriobothria japonica*), чьи бархатистые сочные желто-розовые плоды получили свое название по сходству с яйцевидной формой японской лютни.

Растет потребление слив, винограда, арбузов и в меньшей степени дынь. Орехи, каштаны, поджаренные орешки дерева гинкго входят также в состав сложных блюд.

Следующее по значению место в питании после растительных продуктов занимает рыба. Японии принадлежит первое место в мире по добыче рыбы³⁹. Однако значительная часть ее идет на экспорт, и на стол рядового японца, особенно крестьянина, рыба попадает далеко не так часто, как это можно было бы предполагать. Тем не менее потребление ры-

³⁹ Не считая Перу, где добывается в основном мелкая рыба на муку и тук.

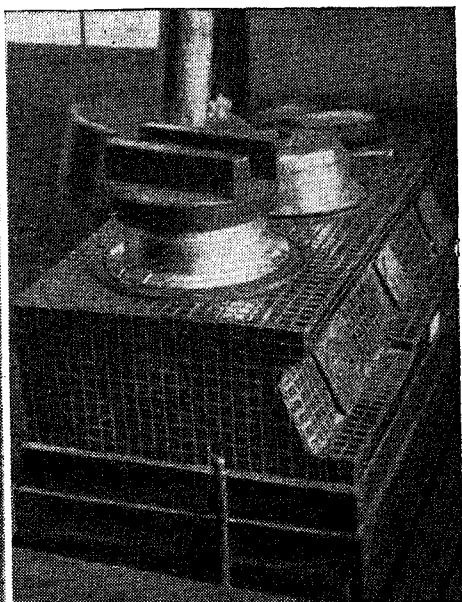
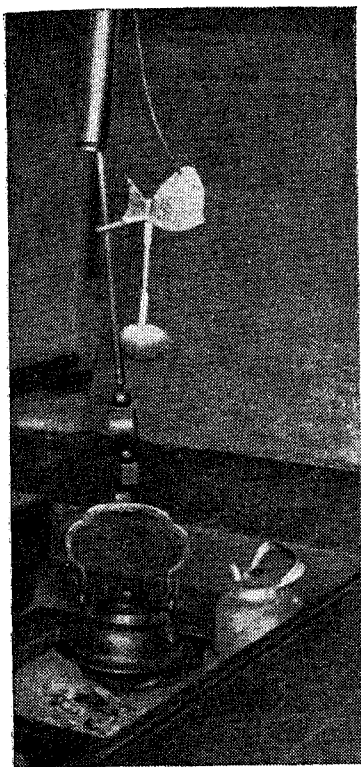

Разделка рыбы, Токио

бы имеет тенденцию к увеличению, и она является основным источником протеинов в балансе питания японцев.

Рыбу варят, но, как правило, густые и наваристые супы типа ухи японской кухне не свойственны. В густом супе или похлебке (категории «мисо-сиру») гущу образует бобовый крахмал фасоли или соевого «мисо». Остальные же супы, входящие в категорию «суи-моно», — это обычно очень прозрачный и жидкий бульон с куском вареной рыбы, с овощами, ракообразными или моллюсками, которые никогда не развариваются до потери формы. Бульон («даси») часто варится отдельно, а заправка супа — кусок рыбы, несколько крупных бобов, нарезанные овощи — варится сама по себе и закладывается в суп только перед едой, отвар же сливается и используется для приготовления подлив и соусов. «Даси», служащий основой для большинства супов (в том числе и «мисо-

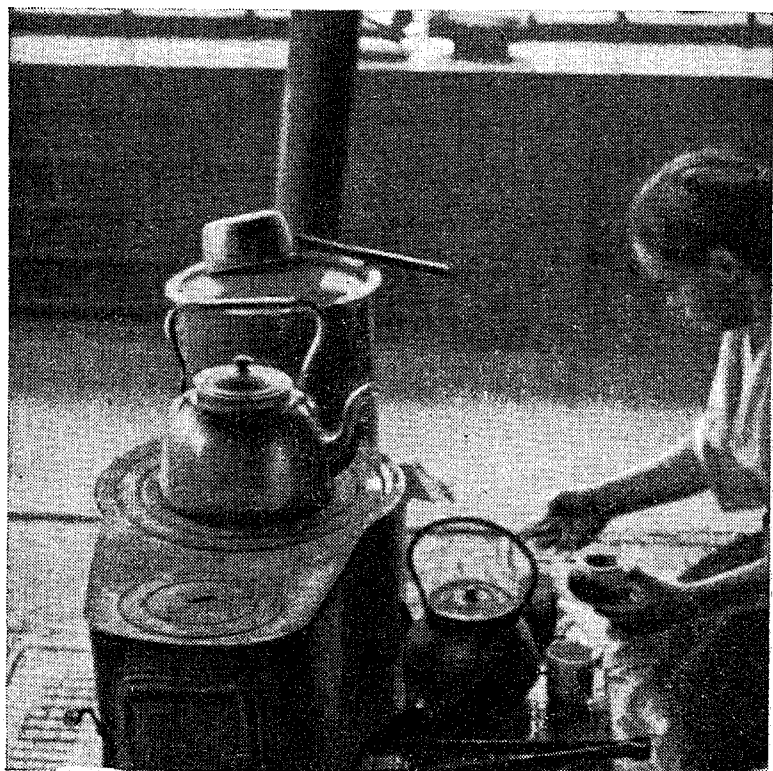
Формы приготовления пищи: а) кипячение чая на ирори, б) варка риса на усовершенствованной плите (крестьянский дом под г. Сэндай)

сиру») и многих соусов, представляет собой отвар стружек сушеной рыбы — «кацуобуси» и водорослей.

«Кацуобуси» — это сушеные тушки рыбы «кацуо» (разновидности макрели), такие твердые, что на вид они кажутся темными пыльными деревянными чурками, грубо обструганными в форме рыбы. Тушки рыбы для приготовления «кацуобуси» освобождаются от костей, режутся на четыре части, затем варятся и подсушиваются в специальных печах. Зеленая плесень, образующаяся на тушках в процессе сушки и придающая готовому продукту припыленную фактуру, сообщает ему специфический вкус и аромат. «Кацуобуси» скоблят, снимая тонкую и прозрачную, как папиросная бумага, желтоватую стружку, которую насыпают также в сложные супы или посыпают ею сверху твердые блюда.

В качестве твердых блюд в обеде употребляют разными способами приготовленную рыбу: «якимono» (рыба, поджа-

Приготовление пищи на печке-временке (крестьянский дом в Мукава, Хоккайдо, окр. Хидака)

ренная на решетке), «нимоно» (отварная рыба), «мусимоно» (рыба, томленная на пару), «агемоно» (рыба, жаренная на сковороде), «сасими» (сырая рыба, нарезанная ломтиками)⁴⁰, «намасу» (сырая рыба в смеси с овощами под уксусом). Очень известно блюдо «тэмпура» — кусочки рыбы в кляре из яиц и муки, обжаренные в кипящем масле. «Тэмпура» делается не только из рыбы, но и из других видов морской живности, а также из овощей, причем разные продукты, одинаково обжаренные, подаются вместе. «Тэмпура» может подаваться и отдельно как закуска и на рисе как «мэсимоно». В этом случае она подается в миске «домбури» и называется «тэн-дон».

⁴⁰ На «сасими» идут только определенные, высокие сорта рыбы, главным образом «тай» с белым мясом и «магуро» с темно-красным.

Японцы едят в основном морскую рыбу, пресноводной рыбы в стране вылавливается немного, и она высоко ценится. Особым деликатесом считается жареная речная рыба «аю» (*Plecoglossus altivelis*). Рыба, в основном сырая, входит также в состав закусок: «нигиридзуси», «норимаки» и др.

Распространенным и высокоценным блюдом являются угри «унаги». Такие специфические блюда редко готовят дома, обычно на них специализируются отдельные лавочки-харчевни. Жареных угрей подают (или присылают заказчику) в деревянных ящичках вместе с рисом («домбури» или «унаги-домбури»).

Икра разных рыб также используется японцами. Икра лососевых «судзуко» употребляется как закуска, а селедочная икра — при изготовлении обязательных праздничных блюд, особенно на Новый год⁴¹.

Роль моря в пополнении пищевого рациона японцев далеко не ограничивается одной рыбой. О съедобных водорослях уже говорилось, они играют немаловажную роль в питании почти каждой семьи. Кроме того, японцы используют в пищу разнообразных морских животных: различные виды моллюсков, сушеных и свежих трепангов, кальмаров, осьминогов, свежих, сушеных, соленых и консервированных креветок, крабов, лангустов и др.

Двустворчатых и брюхоногих моллюсков едят сырыми или в вареном виде, обычно в составе других, более сложных блюд. Головоногих — кальмаров, осьминогов — едят в сыром, вареном и жареном виде, обычно как самостоятельное блюдо. Лакомством считается молодь осьминогов (5—10 см), сваренная в соусе и смазанная горчицей. Кальмаров режут на поперечные ломтики или жарят целиком, но с поперечными насечками, тогда их легко расчленишь палочками. Из иглокожих кроме трепангов в пищу идут морские ежи, точнее их икра.

Используется много разных видов крабов, креветок и лангустов, которых обычно варят. На Хоккайдо маленьких кра-

⁴¹ В этот праздник после рисовой водки и супа «дзони» гостям подается «дзюдзуме» — набор блюд в четырех, наставляемых один на другой судках — ящичках «дзюбако». В верхнем ящичке находятся «кутитори» — закуски для аппетита, во втором — «якимоно» — жареные блюда, в третьем — «нимоно» — вареные блюда и в четвертом — «суномоно» — кислые закуски и маринады (с уксусом). В «кутитори» помимо овощных закусок входит много рыбных: свежая селедочная икра, нарезанная кусочками и политая соусом; сушеные сардины, слегка прокаленные на сковороде и смоченные густым сиропообразным соусом из вареной смеси сахара и «сёю», и др. В «суномоно» входят свежие овощи, вымоченные в уксусе, и небольшие рыбки разных пород, слабо маринованные. Икра рыбы «тай» идет на вареные блюда: она слегка проваривается в «даси» вместе с овощами — горошком в стручках или цветной капустой.

бов (размером с чайное блюдо), отваренных целиком, при-
вязывают к крышке дешевого «бэнто» (набора еды в короб-
ке), поскольку он не помещается в коробке. У такого краба
едят не только мясо клешней и ног, но и внутреннюю часть
голово-грудного отдела. Мясо крупных крабов варят, режут
на кусочки, перемешивают с фигурно нарезанными корни-
шончиками и поливают уксусом и соей.

Мелкие крабы относятся к дешевым видам пищи. Боль-
шие креветки и лангусты — к более изысканной, праздничной
пище. Из сырого мяса лангустов делают закуску — «сасими».
Поскольку мясо лангуста очень нежно, его не режут ножом,
а разрывают руками на мелкие кусочки и промывают ледя-
ной водой, чтобы они стали тверже. Подают их сложенными
на вскрытом панцире лангуста. В лангусте красота и изяще-
ство его формы, когда он подается в целом виде на тарелке,
ценится столь же высоко, как и вкус. Он принадлежит к из-
любленным мотивам прикладного искусства, и даже малень-
кие хлебные калачики в наши дни иногда выпекают в форме
лангуста ⁴².

Мясо птиц и млекопитающих занимает в питании японцев
гораздо меньшее место, чем морские продукты. Если практи-
ка употребления в пищу водорослей, моллюсков, морских

⁴² В связи с этим надо отметить одно распространенное мнение о
японской кухне, часто высказываемое и самими японцами (в особенности
в книгах для европейцев), что главное в ней заключается не во вкусо-
вых качествах блюд, а в их восприятии глазом, в изяществе сервировки,
в подборе цветовых сочетаний продуктов. Такое утверждение, конечно, не
соответствует действительности. Правда, в парадном, праздничном обеде,
обеде для гостей, сервировке уделяется исключительно большое внимание.
Бесспорно, японцы (и главным образом японки) и эту область быта пре-
вратили в своеобразное прикладное искусство и достигли в ней большой
изысканности. Однако, как и у всех народов мира, пища у японцев цен-
ится прежде всего за вкусовые качества, и вкусу пищи хозяйка всегда
уделяет основное внимание, тогда как на сервировку в повседневных тра-
пезах специального внимания не обращается не только у крестьянских
и рабочих, но и в зажиточных семьях. Что же касается праздничной и
церемониальной еды, то на ее внешний вид обращается очень большое
внимание. Оно выражается не только в тщательном подборе блюд по
цветовым сочетаниям, в выборе соответствующих расцветок и форм и
их расположении на столе, но и в чисто украшательских приемах: напри-
мер, на бамбуковый лоточек с закуской кладется не съедобная, но краси-
вая веточка с бутонами цветов. Большое внимание уделяется оформлению
продуктов: существует не менее двадцати основных форм нарезки ово-
щей ножом — кружки, секторы, полукруги, кубики, пластинки, спираль-
ные стружки, продолговатые стружки и т. д., не говоря уже о фигурных
шаблонах для нарезки в виде цветков, звездочек и т. п. Особое внимание
уделяется внешнему виду праздничных блюд, которые готовят специально
для детей в детские праздники, особенно в День девочек (3 марта).
Это разные фигурные сласти, «суси» разной формы, ломтики яичного ру-
лета, оформленные в виде цветка, так что желток изображает середину
цветка, а белый или подкрашенный в розовое белок образует его лепестки.

ежей, несомненно восходящая к очень древнему и типичному для Японии прибрежному собирательству, не потеряла своего значения и в наши дни, то употребление в пищу мяса охотничьей дичи совершенно нехарактерно для большинства японцев. Правда, среди того меньшинства, для которого охота составляет еще какую-то часть быта, тоже можно найти некоторые архаические пережитки: так, в Южной Японии крестьяне-охотники, убив кабана, едят его мелко нарезанное мясо в сыром виде.

Несколько более распространено употребление в пищу мелкой дичи — перепелов, снежных цапель. Это лакомое блюдо жарят на вертеле целиком. Периодически вертел снимают, надрезанную тушку макают в соус и снова ставят на огонь. Из домашней птицы готовят «якитори» — шашлычки из небольших кусочков курятины, насаженных вместе с кусками печени и лука на маленькие бамбуковые веретела.

Перепелов разводят в Японии так же, как и домашних птиц. В пищу употребляется не только их мясо, но и яйца, которые входят в состав очень популярных блюд.

Мясо скота японцы употребляют сравнительно редко. В отличие от других стран Восточной Азии наиболее распространена дешевая говядина (от забоя рабочей скотины) и очень дорогие сорта телятины и говядины от специального мясного скота. Свинина и баранина распространены меньше и употребляются в Японии в основном для приготовления блюд западной кухни. Зато в весьма больших количествах потребляется китовое мясо: в виде самых различных блюд национальной кухни, в консервах и в форме вареной колбасы европейского типа.

При жарке пищи японцы обычно добавляют к ней сахар, в том числе и к мясу. Сахар придает блюду специфический оттенок во вкусе и аромате. Остро-сладкие соусы используются для приготовления многих национальных блюд; так, например, свежая рыба или мясо вымачивается в соусе, а затем слегка обжаривается.

Для придания пище новых вкусовых оттенков используется ряд жидких продуктов. Помимо «мисо» и «сёю» к ним относятся уксус, слабая рисовая водка «сакэ», «мирин» (типа «сакэ», но сладкая) и «даси» — навар стружек «кацуобуси» или водоросли. Однако вместо использования «даси» хозяйки часто просто варят в составе пищи «нибоси» — мелкую сушеную рыбу. Разные соусы получают путем смешения «даси», «мирина», «сёю», «сакэ», уксуса с сахаром и специями. Подобный соус необходим, в частности, при приготовлении целого ряда блюд группы «набэмоно», или «набэяки», т. е. жарящихся в «набэ» — плоской сковороде с высокими краями. Эти блюда готовят и едят одновременно: сковороду прома-

зывается жиром, затем в нее наливается соус, и в кипящий соус постепенно складывают ингредиенты блюда; по мере того как они провариваются, их вынимают и раскладывают по чашкам, а в сковороде добавляют очередную порцию. Так готовят «набэяки-удон» — лапшу, которую варят вместе с овощами, моллюсками и специями, «ёсэнэбэ» — сходное блюдо из курицы или рыбы с овощами, морской живностью и тонкой вермишелью «сиратаки», «сукияки» — тонкие ломтики мяса, которые жарят с луком-пореем и другими растительными добавками и едят, предварительно макая в яичный желток и другие приправы.

Макание кусочка пищи в жидкую приправу — характерный навык для дальневосточного (японского, китайского, вьетнамского) образа питания. Обедаящий держит в левой руке чашку с рисом, откуда палочками, зажатыми в правой руке, захватывает небольшое количество риса. Теми же палочками он берет с отдельной тарелочки, реже с общего блюда или сковороды, мелкие кусочки дополнительного кушанья и макает их в чашечку с жидкой приправой (соевым соусом, лимонным соком, желтком и т. д.). Чтобы приправа не капала на поверхность стола, обедаящий в нужных случаях проносит чашку с рисом в левой руке под правой рукой.

Молочные продукты до появления европейцев в пищу не употреблялись, лишь с недавних пор в пищевой рацион японца начали входить молоко и молочные продукты⁴³. На дворах многих домов в городах приделаны ящички, куда по утрам разносчики кладут крошечные бутылочки с молоком или еще более крошечные баночки простокваши. На улицах торгуют мороженым, в дешевых закусочных — молочными коктейлями. В связи с этим животноводство в японской деревне приняло молочное направление, тем более что тягловая сила скота все более заменяется механической.

Сливочное масло в очень небольших количествах входит только в трапезы западного стиля, сыр, как правило, употребляется в сэндвичах. В повседневную пищу японского стиля входят главным образом различные молочнокислые напитки, часто ароматизированные и подслащенные. Кроме них в наши дни получили большое распространение фруктовые соки, особенно апельсиновый, и разные напитки типа лимонада. Как прохладительное широко употребляется «кори» — струганый лед с фруктовым сиропом. Минеральные воды в Японии почти не употребляются.

Из спиртовых напитков основным является рисовая водка

⁴³ В середине 50-х годов еще отмечалось предубеждение против этих продуктов. К середине 60-х годов оно практически полностью исчезло. См. R. P. Dore, *City Life in Japan*, p. 61

«сакэ»; пьют ее в подогретом виде. Церемониальное новогоднее «сакэ-тосо» готовится путем настаивания «сакэ» на ароматических травах, опускаемых в сосуд с водкой в марлевом мешочке. В XX в. широкое распространение получило также пиво.

Наиболее популярный напиток — чай. Его пьют без сахара. Чай готовится из зеленых чайных листьев, которые, не подвергаясь ферментации, высушиваются и растираются в порошок; поэтому навар японского чая имеет зеленоватый цвет и по вкусу отличается от европейского. Питье «сакэ» или чая, когда оно происходит не как дополнение к трапезе, а специально, обставляется сложным церемониалом, разработанным на протяжении столетий.

Церемониальное чаепитие «тя-но-ю», возникшее в средние века под влиянием эстетики «дзэн», продолжает пользоваться большой популярностью среди японцев. Кроме классического «тя-но-ю», проводимого в специальной садовой беседке «тясицу», во многих домах людей средних классов (как буржуазии, так и интеллигенции) церемониальный чай готовят по сокращенному очень простому церемониалу «рякуси-ки», даже не для гостей, а для собственного удовольствия.

Выше рассматривался в основном традиционный японский образ питания, мало подвергшийся европейскому влиянию. Разумеется, за последнее столетие в Японии широко распространилась европейская кухня и многие ее блюда прочно вошли в быт широких масс, особенно городских. Тем не менее и по сей день можно считать, что в пище преобладает национальный стиль. Он полностью доминирует в домашнем питании, и новейшие добавления, вроде молочных продуктов, принципиально не нарушают его. В общественном же питании часто встречаются моменты взаимодействия Востока и Запада.

Влияние Запада не отразилось существенно на японской кухне, тогда как обратное воздействие имело место. В европейскую кухню в Японии вошли прежде всего местные продукты — специфические виды рыбы, овощей, различные приправы, соусы, специи, полуфабрикаты. В их числе можно назвать и сравнительно недавние изобретения: так, «адзи-номото», глутамат натрия, был открыт японскими химиками в конце XIX в. Кроме того, хотя европейский обед и сервируется полностью в западном стиле, хлеб сопровождает его редко. Обычно, несмотря на наличие в мясном или рыбном блюде гарнира, к нему вместо хлеба отдельно подается вареный рис «гохан». Его едят вилкой, налепляя рис на вилку ножом. К мясному блюду очень часто подается в отдельной посуде овощной салат, который был бы вполне уместен и на столе, сервированном по-японски.

«Нигирымэси» сервируется не только с национальными закусками, но и с колбасой европейского типа.

Наиболее популярное и массовое кушанье японской кухни европеизированного типа — «карэ». Это горка риса «гохан» на тарелке с положенной с одной стороны порцией мелко нарезанного мяса в соусе. Такое блюдо и по составу и по фасовке приближается уже к традиционной кухне. Едят его, одна-ко, ложкой, реже вилкой.

По сути дела между «карэ» и японским «мэсимоно» нет принципиальных качественных различий, но количественно «карэ» содержит больше мяса и жира.

В сфере общественного питания среди молодого поколения японцев большей популярностью, чем у привыкших к полностью традиционной кухне людей старшего возраста, пользуется китайская или европейская кухня, шире использующая мясо и жиры⁴⁴. Заимствованные блюда получают широкое распространение. Омлеты и яичницы европейского типа стали обычными даже на сервированном по-японски столе. Европейские закуски — сыр, тартинки, маленькие сэндвичи, насаженные на спичечки или фасованные так же мелко, как японские «суси», выполняют нередко те же функции, их едят не только в закусовых, но и дома, покупая, аналогично с «суси», соответствующие наборы в коробках.

Манера насаживания небольшого количества закуски («на один глоток») на спицу согласуется с японскими манерами еды; в японской кухне тоже есть такие закуски — некоторые формы «суси», жареные «гиннан» (орехи гингко), жареные куриные фрикадельки и др.

Различные блюда и закуски китайской кухни также можно встретить почти повсюду, некоторые из них входят вместе с типично японскими закусками в содержимое дешевых «бэнто». Специализированные китайские закусовые очень популярны.

Японская, китайская и европейская кухни в Японии постепенно сближаются, и можно ожидать в дальнейшем их более или менее полного слияния в единую обогащенную национальную кухню, разные блюда которой будут вполне совместимы друг с другом, а тип сервировки будет выбираться в зависимости от обстоятельств.

Утварь

Под понятием «утварь» подразумеваются практически все предметы, составляющие движимое имущество, хранящееся в помещении и предназначенное для использования в его пре-

⁴⁴ A. Kagawa, *Japanese Cook Book*, p. 18.

делах. Это главным образом мебель и посуда, а также ряд предметов, не входящих в эти категории (например, украшения жилища и др.).

Мебель мало характерна для японского быта. Японская манера сидеть вообще исключает мебель для сидения: на пол стелется только плоский матрасик «дзабутон», на котором сидят, поджав или скрестив ноги. При этом откинуться или облокотиться не на что: лишь очень редко рядом с сидящим ставится маленький подлокотник «кёсоку», пользование которым можно отнести к разряду отмирающих навыков. В последнее время получили более широкое распространение кресла «дзаису», которые внешне выглядят по-европейски, со спинкой, с подлокотниками, с плоским сиденьем, но без ножек. Такое сиденье ставится прямо на циновки «татами», покрывается тем же «дзабутон», и на нем сидят, скрестив «по-восточному» ноги, но облокотившись или откинувшись на спину. Такой предмет по происхождению и внешнему виду близок к европейскому быту, но приспособлен к взаимодействию только с японской обстановкой и используется в соответствии с традиционными навыками, лишь слегка видоизмененными.

Здесь приведен пример приспособления к традиционным навыкам предмета западного происхождения, вторгшегося в местную сферу. Но бывает, что «западные» предметы приспособляются к местным навыкам, вторгающимся в их сферу. Например, поскольку японцы привыкли, отдыхая, находиться без обуви и в то же время считают недопустимым касаться необутыми ногами нечистой поверхности, в спинках кресел (европейских) на транспорте иногда делаются откидные подножки для сидящих сзади пассажиров, обитые той же тканью, что и сиденья.

Пища подается на маленьких и низких (не выше 35 см) столиках — «цукуэ», за которыми японцы сидят, поджав ноги (коленями вперед и опираясь корпусом на пятки).

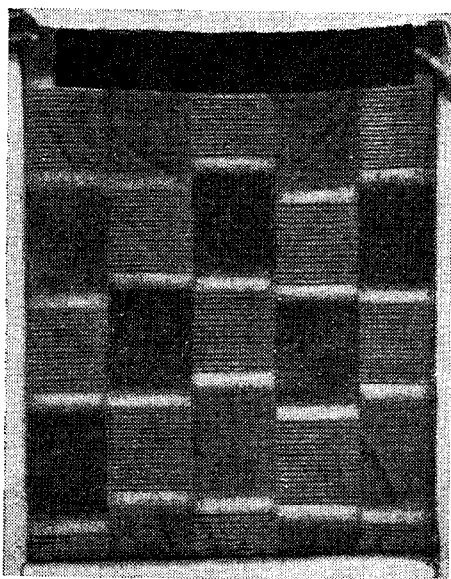
«Цукуэ» характерны для домашнего быта, за ними собирается вся семья. Однако в старой Японии в быту дворянства и аристократии употреблялись еще меньшие столики «дзэн», или «о-дзэн», отличавшиеся от «цукуэ» невысокими закраинами по бортикам. «О-дзэн» является индивидуальной утварью, он исполняет также функцию подноса, на котором приносят еду и ставят перед обедающим. На парадных обедах перед каждым обедающим ставится по три таких столика с наборами разных блюд.

«О-дзэн» и «кёсоку» зародились в быту господствующих классов феодального общества и были связаны с их нормами быта и поведения. Это же относится к «токонома» и «татами»: дома с «татами» даже в начале XIX в. были характерны

Интерьер богатого дома: токонома, цукуз, дзабутон, кёсоку

для самурайства, а крестьяне жили в домах с гладким деревянным полом или лишь с частичным циновочным покрытием. Однако бытовые нормы господствующих классов постепенно заимствовались сперва городской буржуазией, потом горожанами вообще, а затем и крестьянами. При этом, как правило, бытовые нормы и формы бытовых предметов не изобретались в верхах общества, а представляли собой переработку народных традиций: покрытые циновками возвышения — нары у стен при земляном поле в центре, очевидно, были известны в Японии еще до японцев, так как они входят в традиционную структуру айнского жилища. Такой процесс распространения бытовых явлений может быть прослежен в Японии на множестве примеров.

Детские постельные принадлежности: сверху одеяло — футон; внизу —
спальный ватный халат (Университет Оцума, Токио)

В наши дни утварь типа «о-дзэн» и «кёсоку» почти вышла из употребления в частных домах и сохраняется главным образом в гостиницах японского типа и отчасти в ресторанах.

Особой формы «о-дзэн», представляющие собой комбинацию столика с откидной крышкой с ларчиком для хранения личной посуды, кое-где сохраняются и в крестьянском быту, но здесь они в большинстве случаев уступили место «цукуэ», которые в свою очередь все более отходят на второй план в связи с распространением европейских столов и стульев, устанавливаемых на кухнях.

Однако европейская мебель, предназначенная для установки на циновочном полу, в свою очередь приобретает некоторые специфические черты японской мебели. Так, ножки у нее не прямые и тонкие, которые рвали бы циновки, а широкие, закругленные и подогнутые. В других случаях под ножки мебели прибавляется доска, также несколько закругленной формы, что резко увеличивает площадь опоры и уменьшает давление на циновки, или подставляются чашевидные поддоны.

Постельные принадлежности почти в любом бытовом комплексе входят в сферу, пограничную между мебелью и одеждой. В Японии они особенно сближаются с одеждой и по материалу и иногда даже по форме.

Между циновочным полом и телом человека, сидит ли тот или лежит, находится обычно стеганный ватный матрас «дзабутон» (для сидения) или «футон» (для сна). Они отличаются друг от друга лишь размерами. В храмах и при различных церемониях применяется архаичная форма «дзабутона» — диск из свернутого спиралью соломенно-лыкового толстого жгута. В наши дни «дзабутон» кладется не только на пол, но как подушка и на сиденье без ножек «дзаису», да и на обыкновенный стул с ножками. Однако «дзабутон» — вещь не обязательная, во всех случаях можно обойтись и без него.

Одеяло тоже называется «футон» и почти ничем, кроме толщины, от матраса не отличается. Подушки очень небольшие и довольно жесткие, набитые волосом.

Старинные головные скамеечки — подставки с ватным валиком, тесно связанные со старинной женской прической, сейчас практически почти не употребляются.

На матрас стелется простыня, но пододеяльники не всегда употребляются. Вместо них верхний край одеяла обшивается полоской бархата, обычно черного, функционально сходного со сменным подворотничком «ханэри» у «кимоно». Это сходство особенно ярко проявляется в промежуточной форме между «кимоно» и одеялом, предназначенной главным образом для детей — толстом стеганом ватном халате с рукавами. Такой халат, слишком тяжелый и неудобный для ходьбы и

пригодный только для сна, также обшивается вместо «ханэри» черным бархатом.

Различные отопительные приборы, имеющие все основания для включения в разряд утвари, рассмотрены в разделе, посвященном описанию жилища, поскольку в японском климате зимой без такой «утвари» жилище перестает быть жилищем, т. е. помещением, пригодным для жилья. Здесь мы сталкиваемся с проблемой соотношения подвижности и неподвижности, жилища и утвари в японском быту.

С одной стороны, казалось бы, значительная часть подвижности поглощена здесь неподвижностью: всякие шкафы, сундуки, комоды хотя и известны, но исторически ограничены главным образом аристократическим и вообще богатым бытом и мало выходят за его пределы. В народной же сфере их место занимают в основном встроенные стенные шкафы или кладовые. Повсюду можно встретить и встроенные выдвижные ящики, которые монтируются под порогом, в месте перехода с грязного пола на чистый, и в пространстве под лестницами. Мебель — кровати, стулья, столы — в значительной степени заменяет недвижимая поверхность пола.

С другой стороны, в японском жилище действительно неподвижных элементов очень мало. Практически это только каркас и крыша. Все «фусума» и «сёдзи» гораздо меньше связаны с каркасом дома, чем навесные на петлях европейские двери и окна. При своих стандартных размерах они могут быть перенесены из дома в дом, даже куплены отдельно. Хотя конструктивно они и являются частью дома, психологически они воспринимаются японцами как нечто аналогичное с такими бесспорными видами мебели, как «цуитатэ» — прямоугольный переносный экран на низких ножках, или «бёбу» — складные ширмы. Это можно заключить из того, что на английский язык японцы переводят «цуитатэ» как «screen», «бёбу» — как «folding screen», а «фусума» — как «sliding screen», т. е. как разные варианты одного общего понятия. Старое поверье, что злые духи могут двигаться только по прямой, в равной мере отражается и на неподвижных предметах — воротах, искривленных садовых дорожках, изломанных в проекции парковых мостиках — и на подвижности — экранов, переставных барьерах в воротах и пр. При общей легкости конструкции японского дома по сути дела все перегородки живающие детали, кроме постоянных основных стен и «амадо», служат не для акустического или защитного разграничения, а только для чисто зрительного отделения — таковы и «сёдзи», и «фусума», и ширмы, и барьеры. Особенно характерны в этом отношении занавеси «норэн» — нечто вроде трехсекционных ламбрекенов, свисающих над открытой дверью примерно до уровня плечей проходящего. В зданиях с евро-

пейскими дверями, например в конторах, их заменяют навешиваемые на петлях легкие створки, далеко не доходящие до пола и, как и «норэн», почти не мешающие входу в дверь. Стандартные «татами»⁴⁵, вставляемые в проемы пола, также могут рассматриваться и как деталь дома и как подвижность — утварь, мебель. Так, например, на собраниях под открытым небом для участников чаще всего расстилаются толстые, очень схожие с «татами» циновки и присутствующие рассаживаются на них, сняв обувь и поставив ее рядом на землю. Так же как и «фусума», «татами» могут переноситься из дома в дом. Сейчас обычно жилище продается или сдается уже оснащенным «татами», «фусума», «сёдзи», но еще не столь давно в Киото было принято при переезде в новый дом перевозить с собой эти предметы вместе с прочей утварью. Переносными являются и почти все отопительные элементы, основанные на схеме «хибати», и близкие к ним конструктивно «каяри» — весьма необходимые летом в Японии сосуды с горящей ароматической свечой «каторисэнко» для защиты от комаров, и многие другие устройства, благодаря которым примитивный каркас японского дома превращается в пригодное для обитания помещение. Даже такой, казалось бы, чисто конструктивно-архитектурный элемент, как «токонома», имеет свою параллель в подвижности. В домах, где не встроена «токонома», у стены ставят низкую (высота — около 10 см) деревянную тумбочку «окидоко», а на нее — декоративную вазу и над ней вешают свиток живописи, создавая эффект почти такой же, как от «токонома».

Таким образом, весь японский дом оказывается по первоначальному замыслу весьма подвижным, в значительной мере сборно-разборным и переносным сооружением. В наши дни его мобильность практически не используется. Однако следует отметить, что общепризнанный древний прототип японской архитектуры, основное святилище синтоизма, Великий храм в Исэ фактически является переносным: каждые 20 лет он разбирается и сооружается рядом заново из новых деталей. (дерево старых идет на талисманы)⁴⁶.

⁴⁵ Татами принято измерять в японских футах «сяку» (30,3 см). Есть несколько стандартов «татами» в зависимости от района и назначения: токийский («эдома», «госёма») — 6,5 сяку, киотоский («кёма») — 6,3, флигельный («коя-датами») — 6,6, деревенский («инакама») — 5,8 сяку и малогабаритные «татами» для современных многоквартирных домов («данти-сайдзу»).

⁴⁶ В. Taut, *Houses and People of Japan*, p. 144. Эта потенциальная мобильность характерна для более архаичного варианта той же архитектурной модели, т. е. для свайного дома народов Юго-Восточной Азии (например, кхмеров или ифугао), чью традицию продолжает японский дом. Юго-Восточноазиатский свайный дом возник из легких построек бродячих собирателей, живших в тропических и субтропических лесах, при переходе

Из подвижности типа посуды рассмотрим сначала столовую утварь.

Обычная столовая утварь состоит из сравнительно небольшого числа предметов. Это прежде всего различные виды чашек типа маленькой пиалы, формы и размеры которых несколько различаются в зависимости от того, предназначены ли они для использования мужчиной, женщиной или ребенком. Обычно каждый член семьи пользуется посудой, предназначенной только для него. Японская чашка представляет часть сферического, эллипсоидного или усеченно-конического объема. Дно ее не просто плоский срез, как обычно у европейской посуды, а довольно высокий усеченно-конический или цилиндрический ободок, образующий поддон. Посуда касается стола только краем этого ободка. Большинство чашек имеет крышки в форме блюдца. При этом крышка имеет меньший диаметр, так что она не накрывает чашку, не входит закраинами в фигурный вырез венчика, как в европейской посуде, а, наоборот, несколько утапливается в ней. Чтобы крышку можно было поднять, она имеет в центре, на месте пуговки или дужки, свойственной европейской посуде (а в Японии крышкам чайников и кастрюль), такой же поддон, что и внизу чашки. За этот поддон крышку можно приподнять и, перевернув, поставить на этот поддон на стол как блюдце. Крышка рисовой чашки обычно так и используется как блюдце для приправы (например, квашеных овощных пикблей). Для риса применяются фарфоровые чашки, а для супа — деревянные, покрытые лаком. Благодаря свойствам натурального лака деревянная посуда не боится кипятка, кислот и необычайно долговечна ⁴⁷.

к подсечно-переложному земледелию. Можно вывести следующее правило: там, где встречается стабильное жилище с четким разграничением подвижности и неподвижности, чаще всего еще на стадии присваивающего хозяйства, нужно ожидать довольно высокой степени оседлости. Мы видим это у многих пашенных земледельцев Северной Евразии, которые до занятия земледелием были оседлыми комплексными собирателями, охотниками и рыболовами. Таково было и хозяйство айнов, которые еще на присваивающей ступени развития были оседлыми народами, и их жилище в принципе было более стабильно, чем японское. У палеоазиатов при противопоставлении яранги тундровых кочевников землянке оседлых приморских жителей всегда нужно искать древний оседлый этнический субстрат. Что же касается японцев, то они при переходе к абсолютно оседлому пашенному хозяйству не сменили свой потенциально мобильный тип соотношения подвижности (утвари) с неподвижностью (жилищем) на стабильный. Они сохранили старый тип, а стабилизация выразилась в его дополнении массивными вспомогательными постройками, окружающими усадьбу. Сходное положение в форме пережитка можно было наблюдать у многих тюркских народов, сохранивших обычай ставить летнюю юрту в пределах солидной постоянной усадьбы.

⁴⁷ Деревянные чашки покрываются черным или красным лаком, обычно с выполненными золотом символическими рисунками — сосной, цаплей, веточкой вишни, — означающими пожелание тех или иных благ.

Для подачи жареных и вареных закусок используются блюда различных размеров и форм. Маленькие блюдечки разнообразной формы (ромбические, трапециевидные, неправильно-овальные и др.) идут под более острые приправы, подающиеся в небольшом количестве, такие, как «аэмоно», «хитасимоно», «цукемоно», «суномоно», «цукудани». Под эти же закуски используются небольшие мисочки «домбури». Некоторые кушанья кладутся на горячий рис и подаются вместе с ним, как, например, «тэмпура» или жареные угри, или на холодный подкисленный рис, как различные ингредиенты «тираси-дзуси». Тогда все это подается не в пиалах, а в деревянных ящичках типа «дзюбако», в более же простой обстановке — в «мэси-домбури», т. е. в индивидуальных мисках с крышкой.

Суп и другие жидкие блюда японцы пьют из чашки. Твердую пищу едят палочками — «хаси».

«Хаси» в Японии изготавливаются главным образом из дерева. Костяные и пластмассовые палочки, обычные в Китае и Юго-Восточной Азии, для Японии менее характерны. В домашнем быту употребляются «хаси» из крашеного и лакированного дерева круглого или квадратного сечения, соответственно сходящие на коническое или пирамидальное острие. Хранятся они в небольшом узком стаканчике, часто подвешенном. Бывают нарядные «хаси», инкрустированные перламутром, покрытые орнаментом; на детских «хаси» наносятся миниатюрные рисунки — куколки, зайчики и т. д. Даже если изображаются традиционные куколки, можно считать такой «ситцевый» способ орнаментации «хаси» проявлением западных влияний в традиционном предмете, поскольку «ситцевая» орнаментика относится именно к заимствованному кругу форм.

«Хаси», употребляющиеся в общественном питании, изготовлены из некрашенного гладко обструганного дерева. Они рассчитаны на одноразовое употребление и подаются вместе с блюдом в стерильном запечатанном бумажном конверте, украшенном названием и эмблемами фирмы (столовой, ресторана, магазина). Такой обычай значительно гигиеничнее, чем применение употребляемого длительное время столового прибора (ложки, вилки) европейского типа.

Есть много разновидностей одноразовых «хаси». Наиболее распространены «варибаси» («ломаемые хаси»). В них пара палочек не полностью отделена друг от друга: это длинная дощечка с двусторонним продольным пропилом; небольшим усилием потребитель сам разделяет ее пополам на две палочки. Обычно такая дощечка имеет ланцетовидную форму, пропил проходит по средней оси и сечение палочки получается близкое к полукругу.

«Хаси» кладут поперек перед прибором, концами они опираются на небольшую керамическую подставку затейливой формы. Под ними может лежать конвертик.

Своеобразное суеверие, согласно которому на корабле нельзя ломать деревянные предметы, так как это может навлечь несчастье, заставляет изготавливать одноразовые «хаси» для военного и торгово-пассажирского флота в виде отдельных круглых палочек, упакованных попарно в конверты.

«Хаси» употребляются не только как столовая утварь. Более длинные «хаси» используются поваром при приготовлении пищи, особенно при обжарке. Металлические «хаси» больших размеров служат для раскладки тлеющих углей в «хибати» — инструмент настолько же более тонкий, чем европейская кочерга, насколько ножницы хирурга тоньше топора лесоруба.

Другая одноразовая деревянная столовая утварь — зубочистки «ёдзи». Они используются не только по прямому назначению, но и для нанизывания на них мелкой закуски. Некоторые блюда, например мармелад, разрезают и берут с помощью «ёдзи», которые служат в таких случаях и ножом и вилкой.

Чай пьют до и после еды. Чайные чашки бывают без ручки, разной формы — от низкой пиаловидной до удлинено-цилиндрической. Пять или десять чашек вместе с чайником образуют сервиз, но он подается только для гостей, обычно же каждый член семьи пьет из своей чашки, которая отличается по форме от чашек других членов семьи. Под чашки ставятся деревянные подставки. В феодальной Японии применялись подставки в виде табуреточки или вазы на высокой ножке, которые были значительно выше и шире, чем сама чашка. Сейчас деревянные подставки имеют форму блюдец, низких и лишь немного более широких, чем сама чашка. Чашечки для «сакэ» («сакадзуки»), очень маленькие, имеют коническую форму. Поддон у «сакадзуки» лишь немного уже и иногда выше самого тела чашки. Пять или десять таких чашечек с фарфоровым графинчиком также образуют сервиз. Графинчик вставляется в деревянный подстаканник такой же цилиндрической формы, как и для чайных чашек, но вдвое-втрое выше, примерно до трети высоты самого графина, тогда как чайная подставка не выше, чем одна пятая высоты чашки. Этот подстаканник называют «хакама», по аналогии с традиционной юбкой (между прочим, так же называют и поддоны для защиты циновки от повреждения ножками мебели). Такой подстаканник необходим, так как графинчик в момент подачи на стол бывает очень горячим. Обычай вставлять сосуд в подстаканник распространился в новейшее время и на пивные бутылки, которые тоже нередко

подаются в поддоне пропорционально больших размеров. Здесь поддон предохраняет стол от влаги, стекающей с запотевшей, очень холодной бутылки. Для «сакадзуки» делают такие же деревянные подставки, как для чайных чашек.

«Сакэ» нередко подается не в графинчике, а в чайнике. Японские чайники чаще всего керамические, лишь чайники больших размеров делаются металлическими. Керамические чайники имеют ручки трех типов: большие — дужку (металлическую, обмотанную соломой и т. д.) на ушках, чайники средней величины — ручку-ушко сзади, а самые маленькие — прямую ручку слева сбоку, как у сковороды, сформованную вместе с телом чайника.

Специфика японской столовой утвари отражается на навыках и нормах поведения за столом. Так, утопленная крышка чашки с горячим супом при остывании супа прижимается атмосферным давлением, и, чтобы снять ее, нужно крепко придерживать левой рукой чашку. Снятая крышка ставится рядом в перевернутом виде. После еды чашки снова закрывают крышками. После обеда одноразовые «хаси» опять вкладываются в бумажный конверт⁴⁸. Человек, не желающий больше пить «сакэ», ставит свою чашечку перевернутой на блюдечко.

Японская кухонная утварь включает прежде всего различные кастрюли для варки специфической формы и сковороды для жарения. Пароварка представляет собой котелок с перфорированной перегородкой или большой сосуд с дырочками на дне, который ставится на котелок с кипящей водой. Генетически она, очевидно, восходит к бамбуковым сосудам, используемым горными народами Индокитая для варки риса. Пароварка бывает керамической или металлической и используется либо для томления целого продукта, например тушки рыбы, либо смеси, уже положенной в чашки. В этом случае закрытые чашки загружаются в пароварку, а после томления в этих же чашках подаются на стол. Так, например, готовится «тяван-муси» (яично-мясной паштет). Другая форма пароварки представляет собой кастрюлю, уступом суживающуюся книзу. На уступ накладывается циновочка из бамбуковых лучин, обрезанная по кругу по диаметру кастрюли. Параллельные жесткие лучины скреплены поперечной прошивкой плотными нитками. Такие же циновочки образуют поверхность решет для откидывания лапши. Для свертывания «норимаки», яичного рулета и тому подобных рулетных блюд тоже употребляется такая циновочка, только прямоугольная. Для нарезания «сасими» употребляется длин-

⁴⁸ А. Kagawa, *Japanese Cook Book*. Впрочем, автор никогда не наблюдал этой формы поведения.

ный узкий нож, для разделки рыбы — короткий треугольный, а для овощей — короткий прямоугольный.

Из других специфических приспособлений отметим «сурибати» — керамическую рифленую ступку с деревянным пестиком.

Японцы в наши дни в подавляющем большинстве прекрасно владеют европейской столовой утварью — вилками, ножами, ложками. Эта утварь широко употребляется в общественном питании, но в частных домах распространена меньше. Разумеется, в домах состоятельных людей всегда имеется богатый набор европейских сервизов и столовой утвари.

Более широкое распространение получили европейские кухонные орудия. Даже в домах низкооплачиваемых рабочих автор обычно находил одну-две вилки, которые использовались, однако, только для приготовления пищи.

Своеобразным обычаем в японском быту является употребление «бэнто». Это ящик, предпочтительно из лакированного дерева, со съемной крышкой, имеющий ряд отделений, куда кладутся различные кушанья и приправы. Содержание «бэнто» представляет собой целый компактно сервированный обед, удобный для переноски из отдаленной кухни в столовую, при путешествии, экскурсиях и т. д.

В современной Японии «бэнто» еще более, чем в старину, стали неотъемлемой частью повседневного быта. «Бэнто» из картона или тонкой некрашеной фанеры, выбрасываемые после употребления, нашли широчайшее распространение на транспорте, поскольку вагоны-рестораны включаются не во все поезда и цены в них высоки. «Бэнто» же продаются по невысокой цене на всех станциях. Вошли «бэнто» и в производственный быт трудящихся. Такая европейская форма, как «бокс-ленч» — набор сэндвичей, упакованный в картонную коробку, также получила довольно широкое распространение, вполне укладываясь в систему привычек, связанную с «бэнто».

Высокая техника обработки легкого дерева и лака позволила японцам выработать еще несколько видов ящикообразной посуды. Это «дзюбако», в которых, в частности, подается праздничный ассортимент новогодней закуски («дзюдзумэ»). «Дзюбако» состоит из четырех невысоких лакированных ящичков, которые могут надставляться один на другой, образуя почти кубическую фигуру. Обычно куб покрывается крупным орнаментом, который помимо украшения служит для определения порядка установки ящичков. Вся конструкция может для удобства переноски вставляться в обойму-рукоятку. В отличие от «бэнто» ящики «дзюбако» не имеют перегородок.

Существуют и более простые виды утвари, однако тоже достаточно нарядные. Это различная тара, в которой поставляется заказанная готовая кулинария, — небольшие ларчики для «мэсимоно», круглые и квадратные ящики с крышкой для «суси». Такая тара (собственная или возвращаемая) служит и столовой утварью.

Вообще всякого рода ящики из легкого светлого дерева, крашенные и некрашенные, очень широко распространены в быту японцев. Так, ценные виды одежды («кимоно», «хакама», «хаори» и т. д.) хранятся на стенных стеллажах, каждое в отдельном плоском ящичке в сложенном виде. Естественно, такой метод хранения обуславливает и строго стандартные, подчас довольно сложные законы складывания носильных вещей для хранения. Более крупные вещи, например постельные принадлежности, хранятся прямо на полках, но сложены они по определенным правилам. Так, матрац «футон» складывается z-образно. Это настолько твердое правило, что в наши дни, когда появились надувные, пенопластовые и прочие усовершенствованные матрацы, они в Японии изготавливаются из трех секций.

Всевозможные ящики и коробки распространены не только в домашнем быту, но и в общественном, и там, где постояльцу или посетителю выдается на временное пользование фирменное «кимоно» или «хаори», оно также уложено в ящичке.

В сфере торговли упаковка в картонные коробки почти всех товаров, конечно, характерна не только для Японии. Однако в этой стране такая практика особенно широко распространена, что, на наш взгляд, находится в прямой связи с широким применением всякого рода ящиков и коробок в японском быту. Упаковочная бумага употребляется как вспомогательный прокладочный материал. Япония истари славилась развитым бумажным производством, и вполне естественно, что бумага в японском быту находит большее применение, чем в европейском. В наши дни сфера распространения бумаги несколько сузилась за счет применения пластика и синтетических тканей. Они почти вытеснили бумагу, например в зонтах. Однако бумага и картон продолжают оставаться важным поделочным материалом для изготовления всевозможных необходимых в японском быту предметов обихода, таких, как веера, бумажные сумки и сетки и многое другое. Особенно следует остановиться на батикуемой бумаге.

В традиционном японском ремесле известны различные способы батикования тканей и бумаги. Ткань батикруется способом «рокэцудзомэ», при котором воск наносится кистью. Кроме воска в качестве покрытия используется рисовое те-

его. В способе «цуцугаки» оно выжимается из воронки, а в способе «катадзомэ» накатывается через бумажный трафарет. Бумага батикуется в основном последним способом. Из такой бумаги делают различные декоративные и обиходные предметы.

В Японии гораздо шире, чем в Европе, спрос на бумажный серпантин, что объясняется рядом местных обычаев. Он очень широко употребляется не только на празднествах и для украшения. Его разматывают в знак прощания с борта отходящего судна (другой конец держат провожающие). Ограждения и султаны из серпантина на шестах обычны на рисовых полях. Сначала они рассматривались как магические символы. Сейчас же их применение объясняют тем, что они якобы отпугивают зерноядных птиц.

Бумага используется вместо ткани в различных гигиенических предметах. Из нее изготавливаются всевозможные салфетки. Пачка небольших тонких салфеток «тиригами», которые японец постоянно носит с собой, заменяет ему и носовые платки и полотенца. Тканевые махровые небольшие полотенца «тэнугуи» используются в роли мочалки (после ванны на влажное тело надевают легкий халат, и оно быстро просыхает). Меньшего размера махровые салфетки «осибори» подают перед едой, смоченные в горячей воде, на специальных маленьких плетеных подносах для обтирания рук и лица. В менее комфортабельной обстановке используются опять-таки бумажные заменители — «тиригами», смоченные моющим средством и заклеенные в непромокаемый конверт. Такие конверты обычно вкладывают в стандартные «бэнто».

С другой стороны, известные традиции несколько суживают применение оберточной бумаги в упаковке продовольственных товаров. Здесь она часто заменяется тончайшей, хорошо гнущейся фанерой или сухими пазушными листьями бамбука.

К таре относятся также формы одноразовой утвари. Об одноразовых «хаси» и «бэнто» мы уже говорили. Одноразовые стаканы распространены в общественном питании, как и во многих других странах (бумажные, пластиковые и т. д.). Специфически японское явление представляет собой продажа на станциях небольших чайничков с горячим чаем, выбрасываемых после употребления. Они сделаны либо из грубой обожженной глины, либо из полиэтилена.

Глава III

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ

Сфера производства

К категории производственного быта относятся те стороны обстановки и деятельности людей на производстве, которые не обусловлены непосредственно техническими условиями производственных процессов и допускают различные варианты решений в зависимости от вкусов, привычек и навыков участвующих в производстве людей. Это характеристика организации питания и других бытовых потребностей на производственной территории, одежды работающих (за исключением специальной одежды, обусловленной вредностью или опасностью производства), производственных приемов, восходящих к сложившимся вне данного производства навыкам и традициям.

Изучение производственного быта — сравнительно новая и слабо разработанная проблема в этнографической науке. Особенно сложной представляется она в отношении столь своеобразной нации, как японцы, в быту которых характерные черты, присущие всем высокоразвитым в техническом и индустриальном отношении народам, переплетаются с многочисленными специфическими традиционными местными явлениями.

Что касается производственного быта крестьян, то в той своей части, которая относится к пребыванию в поле, он совпадает с деятельностью, описанной в главе первой. Быт в перерывах во время работы, в частности питание, в японских условиях при малом расстоянии от дома до участка протекает не в поле, а дома и идентичен с домашним бытом. Лишь в тех случаях, когда крестьянин выводит в поле тягловое животное (лошадь или корову), он не возвращается обедать домой, а берет с собой обед в «бэнто».

Специфика сельского производственного быта, не укладывающаяся в эти две сферы, полевую и домашнюю, связана с подсобными усадебными помещениями и животноводством.

Подсобные приусадебные помещения (амбары для хране-

ния продуктов, кладовые для хранения инвентаря и приспособления для первичной переработки сельскохозяйственных продуктов — молотилки, сушильные стеллажи, чаеперерабатывающие установки и т. д.) расположены компактно и тесно связаны с жилым домом. Они могут находиться под одной крышей или выходить в общий внутренний двор (в богатых усадьбах они находятся вместе с жилым домом внутри сплошной стены, окружающей усадьбу). Двор усадьбы используется для просушивания зерна, для размещения ящиков с рассадой и для других надобностей. Таким образом, в условиях парцеллярного хозяйства вся деятельность, связанная с подсобными помещениями, теснейшим образом переплетается с домашним бытом.

Тенденция к увеличению удельного веса жилищно-бытовых функций в деятельности на территории домовладения и к уменьшению удельного веса производственных функций проявляется и в отношении подсобных помещений. Развитие сбытовой кооперации делает в значительной степени ненужными складские помещения, которые были необходимы в период господства натурального хозяйства, а растущая доля переработки сельскохозяйственных продуктов на централизованных предприятиях сводит до минимума значение приусадебных участков первичной переработки. В большинстве случаев первичная обработка в рамках крестьянского хозяйства заключается теперь в упаковке продукции. В связи с ростом малой механизации, при которой садово-огородные тракторы («коунки») арендуются более бедной частью крестьян у довольно многочисленных богатых владельцев машин вместе с навесными фрезами и культиваторами к ним, сельскохозяйственные орудия, находящиеся в собственности этой части крестьян, ограничиваются простейшим ручным инвентарем. Его хранение требует не так уж много места, хотя инвентарь этот все же весьма разнообразен и в одном небольшом хозяйстве могут иметься мотыги десятка различных фасонов и типов, приспособленные для различных операций.

Связь деятельности в подсобных помещениях с домашним бытом велика и в животноводстве. В старинных японских домах, где в качестве тягловой силы использовалась лошадь, стойло для нее нередко делалось под одной крышей с кухней, причем таким образом, что голова животного через специальный квадратный вырез заглядывала в кухонное помещение, практически не ограниченное от жилого. Такое устройство стойла лошади или коровы можно встретить и в наши дни. Даже в хозяйствах, занятых молочным животноводством, стойла для скота расположены нередко близко от кухни, поскольку место приготовления комбинированных кормов непо-

средствененно связано с кухней. Однако это не создает серьезных гигиенических неудобств, поскольку стойло постоянно и тщательно чистится, а навоз и сменная подстилка используются как удобрение. Сток из хлева часто идет к тому же резервуару, что и сток из домово́й убо́рной.

Производственная одежда крестьян, рыбаков, ныряльщи́ков сильно варьируется в зависимости от места и рода работы. В ней можно встретить основные элементы европейской одежды — брюки, куртку, дополняемые различными элементами национальной одежды — шляпами, накидками, плащами. Надевают также шаровары «момпэ», ноговицы «момо хики», куртки «хаппи». На севере в женском рабочем костюме преобладают «момпэ»; на юге — несшитая юбка «косимаки», вообще же сейчас наиболее распространенная рабочая одежда среди крестьянок — ситцевые широкие шаровары, собранные у щиколоток, в сочетании с заправленным в них коротким «кимono» или кофтой и надетой поверх курткой.

Для японской рабочей одежды характерно наличие множества мелких составных элементов — головные уборы и повязки, предохраняющие рот или все лицо, оставляя открытыми только глаза, или налобные повязки «хатимаки», предохраняющие лицо от стекающего пота, передники («маэдарэ»), гетры («кяхан»), нарукавники и полурукавицы («котэ»), защищающие кисть и запястье, и т. д. Поэтому отдельные элементы традиционного типа могут легко комбинироваться с европейской прозодеждой. Так, горнодобывающие и строительные рабочие в так называемых Японских Альпах — высокогорных областях Центральной Японии — носят на поясе сзади шкуры животного (козы, дикой антилопы и т. д.). Такая деталь, не предусмотренная в выдаваемой прозодежде, позволяет садиться на снег, на холодную сырую почву, предохраняет от простуды и повреждений. Она заимствована из местного крестьянского костюма, где в свое время возникла в связи с довольно большим распространением охоты как подсобного занятия среди местного населения. Сочетания традиционных и новых покроев и материалов могут быть самыми разнообразными. Так, для защиты от дождя надевают и традиционный соломенный плащ-накидку, и пластиковую куртку-штормовку, и прямоугольную накидку из толстой тростниковой соломы, уложенной поперечными рядами и прошитой слоем пластика. Обувью служат помимо традиционных видов обуви чаще всего сапоги и «гому-таби» — резиновые кеды или тапочки, имеющие, как и сапоги, отдельный выступ для большого пальца — без него японский крестьянин, привыкший к традиционной обуви, не чувствует себя свободным в движениях на полевых работах.

Крестьяне на «тауэ» в тростниково-клеенчатых накидках (преф. Нара, середина июня 1960 г.)

Близка к крестьянской одежда городских мастеровых — шаровары «хаппи», «гому-таби». Промышленные рабочие, приходя на завод, переодеваются в форменные спецовки — хлопчатобумажные брюки и куртку, кепи или шлем, ботинки. Такой же костюм носит в цехах и инженерно-технический персонал. Брюки или шаровары часто перехвачены у щиколотки или ниже колен — особенность, свойственная традиционным формам крестьянской производственной одежды.

Женщины — работницы легкой промышленности обычно носят белый халат и шапочку или косынку. «Белые воротнички», т. е. служащие, являются на работу в обычном европейском костюме. Выработанные за несколько последних десятилетий условности внесли в рабочий костюм служащего значительную унификацию. Ковбойки, спортивные куртки и другие популярные в Японии элементы мужского европейского костюма такого типа носят только на досуге, на работу в них ходить не принято. Японский служащий, идущий на работу,

непременно надевает белую сорочку, скромный галстук и неярко-однотипной расцветки костюм. В жаркие летние дни утром по улицам течет поток людей в белых рубашках с расстегнутым воротом, закатанными рукавами и галстуком в нагрудном кармане, перекинувших пиджак через руку. В конторе они его повесят на спинку стула и, возможно, так и вернутся домой, не надев ни разу, но являться на работу, не захватив с собой этих атрибутов, считается неприличным¹.

Форменная одежда служащих в Японии среди мужчин распространена мало, а среди женщин очень широко. Не говоря уже об официантках, стюардессах, привратницах, лифтершах и т. д., форменные платья-костюмы носят и продавщицы и даже часто работницы секретариата, тогда как мужчины на этих же должностях обычно одеты в уже описанный европейский костюм.

Служащие в учреждениях конторского типа остаются в уличной обуви. Лишь в конторах сельских учреждений можно иногда встретить, несмотря на столы и стулья, циновочный пол, требующий разувания.

Это же относится и к помещениям переходного характера между канцелярским и производственным типами, т. е. к чертежным бюро, аппаратным пультам, лабораториям. Однако в экспериментальных, исследовательских, контрольно-измерительных лабораториях нередко требуется повышенная чистота и максимальное устранение пыли; в то же время условия работы заставляют сотрудников часто выходить в другие помещения. В таких случаях пол лаборатории или делается приподнятым, или на него укладываются решетчатые дощатые стланины, или он покрывается линолеумом. При входе в лабораторное помещение уличную обувь снимают и оставляют за дверью, а надевают «слипперы» или деревянные сандалии. Таким образом, лаборатория воспринимается как аналог жилого дома, а коридор — как аналог улицы. Подобный порядок существует и на ряде точных производств, например на оптических предприятиях.

Навыки высокой чистоты и опрятности как одно из отличительных качеств японцев, сформированные всем их бытовым укладом и, в частности, типом жилища, переносятся и в производственный быт. Даже такие участки производства, как литейные цехи или места погрузки кокса, которые почти всюду являются наиболее загрязненными, в Японии содержатся в большой чистоте.

¹ Костюм может понадобиться клерку в любой момент, если его вызовут к начальству или пошлют с каким-либо поручением в другое учреждение.

В металлообрабатывающих цехах проблема создания обстановки повышенной чистоты и обеспыленности решается весьма своеобразно. На большинстве европейских предприятий сверхточная обработка металла, например, ведется в специальных помещениях, изолированных от пыли. В Японии же эти работы производятся в общем цеховом помещении, гигиена воздуха которого далеко не отвечает высоким требованиям.

Изоляция отдельных сверхточных станков от остального помещения достигается путем сооружения над станком шатра из прозрачной поливинилхлоридной пленки. Этот простой, дешевый и эффективный способ требует, однако, весьма большой аккуратности в обращении с инструментом и осторожности в движениях, так как пленка легко рвется. Тот факт, что японские рабочие без особой тренировки и подготовки весьма производительно работают в таких пленочных палатках, почти никогда не повреждая их, в значительной степени, вероятно, зависит от того, что в домашнем быту их окружают ширмы из тонкой бумаги. Навыки аккуратности и точности в движениях вырабатываются в детстве всем укладом жизни и обстановкой японского дома.

Особенно способствуют выработке навыков собранности и четкости крестьянский производственный быт, ряд сельскохозяйственных работ. Например, рисовые поля засаживаются ростками вручную таким образом, чтобы отдельные ростки образовывали сетку геометрически правильных квадратов. В результате люди, пополняющие ряды японского пролетариата — в основном крестьянская молодежь, — приходят в город с уже выработанным и закрепленным комплексом таких навыков.

Обращает на себя внимание также свойственное японским трудящимся крайне целесообразное и экономное использование всей площади рабочего места, со специализацией отдельных его участков, и распределение в цехе участков для складывания тех или других деталей, причем разделены эти участки не перегородками, а только полосками краски. Это в общем весьма напоминает очень экономное использование площади поля или двора в японском крестьянском хозяйстве.

Трудно сказать, в какой мере сказывается наличие указанных производственных навыков у крестьян на больших успехах японской промышленности в производствах, требующих особой тщательности и ювелирной точности, таких, в частности, как производство полупроводниковых приборов. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо более специальное и детальное исследование, выходящее за рамки этнографического. Все же показателен тот факт, что японские пред-

Подсобные рабочие на узкоколейке энергетического комплекса Куроба

приниматели, особенно в приборостроительной и радиоэлектронной промышленности, предпочитают вербовать для своих предприятий молодых крестьянских девушек. При этом прямо указывается, что у крестьянок более устойчивые нервы, чем у горожанок, более точные и твердые движения рук, что необходимо при монтаже мельчайших полупроводниковых деталей. Вероятно, эти качества у крестьянских девушек обусловлены не только менее «нервной» обстановкой жизни в деревне по сравнению с городом, но и спецификой того труда, в котором им с ранней юности приходится принимать участие.

В производственном быту японцев есть и архаические моменты, перешедшие из домашнего быта. Речь идет не о ремесленных, кустарных и полукустарных, семейных мастерских и тому подобных мелких предприятиях, где сохранилось громадное количество архаических пережитков в организации производства, а следовательно, и в производственном быту, а о полностью современном, крупном, технически оснащенном капиталистическом производстве. Например, для обогрева цехов в зимнее время лишь на наиболее передовых предприятиях Японии применяются газонагревательные рефлекторные печи весьма современной и экономичной конструкции; для экономии отдельные печи большей частью поставлены

рядом с оборудованием и направлены непосредственно на рабочее место. Такие печи изредка встречаются и в домашних условиях, но в традиционном быту для обогрева применяются «хибати» — цилиндрические горшки-жаровни с тлеющими углями. Помещение от «хибати» не очень нагревается. Как и рефлекторная печь, они рассчитаны главным образом на лучевой нагрев. Обитатели дома только время от времени греются, присаживаясь рядом с «хибати» и протягивая над ним руки. Ту же манеру согреваться можно видеть и на улице, когда торопливые прохожие останавливаются на несколько минут около костра или горячей кучи мусора² и проходят дальше. Точно так же и в цехах гораздо чаще можно встретить сваренные из листового железа цилиндры с дырочками, в которых горит кокс. Как и «хибати», такой цилиндр с коксом практически не может ни согреть помещение, ни дать достаточно дальний радиус лучевого нагрева. Рабочие лишь время от времени подходят к нему на минутку и греются, стоя рядом.

Помещениям предприятий и учреждений, как и японскому жилищу, свойственны компактность и уплотненность, часто переходящие в тесноту. Площадь рабочего места здесь, как правило, очень невелика. Проходы между рабочими местами предельно сужены (что возможно лишь при сведении к минимуму всякого хождения во время работы), так же как и лестничные и лифтовые клетки. Экономия места и времени ведет к переносу в производственный быт некоторых явлений, обусловленных этими же факторами и в домашнем быту.

В конструкторских бюро, административных зданиях предприятий можно встретить помимо разделенных стенами и перегородками помещений подвижные перегородки типа ширм и штор, в наши дни в основном из пластических материалов, позволяющие маневрировать рабочим пространством в разных случаях так же, как это делается при помощи «фусума» в жилище. В целях все той же экономии места в этих помещениях специальная мебель бывает нередко комбинированной: например, стол-пюпитр одного чертежника имеет встроенное сиденье для следующего, впереди сидящего чертежника. В ряде случаев подобная комбинированная мебель сконструирована весьма остроумно и дает известные преимущественно

² Даже в Токио, не говоря уже о мелких городах, уличный мусор, как правило, не вывозится, а собирается в баки или кучи и сжигается на месте. Поэтому костры на улицах японских городов отнюдь не редкость. Охрана от пожара деревянных зданий, в том числе ценнейших памятников средневековой деревянной архитектуры, сводится к полицейскому объявлению, запрещающему разводить костры ближе чем в 15—20 м от них.

щества по сравнению с обычной. Таковы, например, кресла в современных конференц-залах со встроенными в подлокотник поворотными-выдвижными столиками для письма. Однако в большинстве случаев такая модернизация дает экономию площади лишь за счет известного снижения удобств и ухудшения условий труда для работающего.

Особенно ярко стремление к максимальному использованию полезной площади проявляется на нефтеперерабатывающих предприятиях, где все установки расположены вплотную, без учета противопожарных разделяющих зон. Вопрос безопасности труда вообще является большим местом в японской промышленности и особенно в строительстве. Белый флаг с зеленым крестом — символ организации безопасности труда — встречается повсюду, пожалуй, чаще, чем какой-либо другой знак. Но, кроме такого постоянного напоминания о необходимости соблюдения осторожности, более действенные меры охраны труда предпринимаются редко.

Безопасность и удобство труда в японских условиях со свойственной им теснотой производственных площадей требуют постоянного ношения значительной частью рабочих защитных шлемов, надеваемых поверх кепи. Другие формы производственной одежды, применяемые рабочими в целях большего удобства, восходят нередко к довольно архаичным традиционным формам.

Питание на производстве носит в основном национальный характер. Конечно, обедающие сидят за столами (в редких случаях едят стоя), но пища национальная — рис с приправами, который едят палочками из чашки. Пища смешанного стиля, типа «карэ», также встречается в питании на производстве, но реже. При невысоком уровне заработной платы, для того чтобы рабочие и служащие могли каждый день обедать в столовой предприятия, цены в ней должны быть значительно ниже, чем в обычных уличных столовых. Удешевление достигается введением максимального самообслуживания, предельным упрощением мебелировки и сервировки, а главное, стандартизацией меню. Выбора обычно не бывает, либо он крайне ограничен. Если на предприятии нет своей столовой, трудящиеся в столовые общего типа не ходят, а ограничиваются обедом в «бэнто», который съедают, не отходя от рабочего места. «Бэнто» они либо приносят с собой, либо получают стандартное «бэнто» через разносчика из ближайшей коммерческой кухни. Если предприятие по числу работающих достаточно велико, чтобы иметь свою кухню, но не располагает помещением для столового зала, стандартные обеды разносятся в «бэнто» из кухни по рабочим местам.

Когда есть возможность, часть обеденного перерыва используется для отдыха и разминки. На предприятиях обычно

есть двор, а иногда и спортплощадка. Там, где нет двора, особенно в городских учреждениях, для этой же цели используется плоская крыша. Но нередко в часы перерыва в учреждениях можно видеть служащих, которые спят лежа на скамьях или сидя, склонившись головой на стол.

Обстановка производственного быта японских рабочих и служащих в общем определяется двумя основными, весьма разными по социальному содержанию факторами. Один — это капиталистическая эксплуатация, рассчитанная на максимальное напряжение работающего, на экономию места, времени, средств за счет условий удобства и безопасности труда.

Другой фактор — высокое мастерство, а главное, аккуратность, четкость, собранность, деловитость, сосредоточенность, дисциплинированность, свойственная японским трудящимся в любом трудовом процессе. Оценить всю силу этой самодисциплинированности и собранности японских трудящихся на работе можно только после того, как увидишь их в другой обстановке: во время борьбы за свои права, во время стачек и демонстраций. Тогда высвобождается вулканический темперамент японцев, их эмоциональный накал, умноженный в данном случае уже не на производственную, а на классовую сознательность.

Коммунальная сфера

В этом разделе рассматриваются те участки бытовой повседневной деятельности человека, которые связаны с удовлетворением материальных и духовных потребностей людей разных профессиональных и семейно-соседских групп. Это всевозможные торговые и коммунальные предприятия, гостиницы и предприятия общественного питания, гигиенические учреждения, развлекательно-зрелищные предприятия, парки и многие другие. Строго говоря, сюда же должны быть отнесены транспортные коммуникации, храмы, учебные заведения, т. е. все, что выходит за пределы двух основных участков бытовой повседневной деятельности человека — жилища и производства. Однако в силу специфики связанной с ними деятельности они рассматриваются в особых разделах. Впрочем, принципиальных различий между ними нет. Таким образом, общественные помещения и сооружения наряду с жилищными и производственными, можно выделить как три сектора, охватывающие все стороны среды, созданной человеком для своей деятельности.

Следует отметить, что искусственность этой среды особенно отчетливо выступает именно в Японии, с ее очень силь-

ной концентрацией населения на относительно небольшой части территории, где по сути дела не остается нетронутой природы. И пляжные участки побережья, и горные альпинистские и туристические маршруты было бы правомерно рассматривать как созданные человеком общественные сооружения, и вот почему: если в условиях нетронутой природы человек свободен в выборе форм поведения, определяемых только его привычками, то обжитая среда располагает собственной структурой, рассчитанной на строго определенные формы поведения, которые она диктует попадающим в нее людям.

Этот диктат среды по отношению к формам поведения людей особенно проявляется в секторе общественных сооружений. Дело в том, что в жилищном секторе, а в значительной части и в производственном секторе структура пространства непосредственно связана с навыками, вкусами, решениями тех конкретных людей, которые в ней действуют. От них зависит выбор той или иной мебели и ее расстановка, функциональное распределение жилой площади, организация рабочего места и т. д. В общественных же сооружениях эти навыки и вкусы воздействуют на структуру лишь опосредованно, путем приспособления предложения к спросу потребителя. Посетитель здесь не может непосредственно влиять на структуру среды.

Это означает, что тогда как в структуре жилой и отчасти производственной среды широко проявляются индивидуальные навыки и вкусы во всем их разнообразии, в структуре коммунальной среды могут найти отражение только общие всему населению или его значительной части общественные навыки и вкусы. Поэтому изучение распределения и взаимодействия традиционных и заимствованных форм бытовой организации в общественных сооружениях приобретает особый интерес.

В таких областях жизни, как коммунальные и зрелищные предприятия и прочие общественные помещения, имеет место как смешение, так и сосуществование разных стилей, например в закусочной или эстрадном зале в одной части помещения могут быть кресла, в другой же — «дзасики» — возвышение пола, покрытое циновкой. Гостиницы бывают преимущественно в национальном стиле. Нередко они могут быть внешне оформлены в западном или смешанном архитектурных стилях, включать много заимствованных элементов в таких частях здания, как лестницы, холлы, коридоры, но в жилых помещениях обычны «дзасики». И даже в гостиницах европейского типа, как правило, пол покрывается таким материалом, который позволяет ходить по нему без обуви.

В современной Японии, где дух капиталистического предпринимательства, культ денег достиг необычайно высокого

развития и проник во все сферы бытовых отношений, анализ денежного выражения различных стилей бытового устройства весьма важен. В области одежды, как уже отмечалось, японский национальный костюм стоит почти вдвое дороже соответствующего европейского костюма. В области искусства, зрелищных предприятий наблюдается то же самое: просмотр национального спектакля обойдется в сумму, которой хватит на несколько посещений самого фешенебельного вестернизированного «шоу». Обставить дом всецело по-европейски дорого да почти никому и не приходит в голову; однако жизнь в традиционном японском доме, отвечающем требованиям комфорта, также стоит немало. Наиболее экономичным решением является совмещение основ национального жилища с включением большого числа западных бытовых черт.

В гостиницах наблюдается несколько иное соотношение. Наиболее дешевые гостиницы полностью сохраняют национальный стиль, причем даже в большей степени, чем современные жилые дома, поскольку требования комфорта, удовлетворение которых в частном доме связано с большими хлопотами, здесь удовлетворяются за счет усилий обслуживающего персонала. Услуги этого персонала очень дешевы, так как служащие гостиниц, почти исключительно женщины, одна из наиболее жестоко эксплуатируемых категорий японских трудящихся. Зачастую они не получают вообще заработной платы, а лишь 10% оплаты постояльцем их услуг — уборки, стирки, глаженья и пр. Самые дорогие отели, наоборот, полностью содержатся в европейском стиле и почти ничем не напоминают клиентам о японской специфике. В основном они рассчитаны на богатых иностранных туристов, однако среди их постояльцев значительный процент составляют и богатые японцы. С увеличением числа японцев, которые могут проживать в таких отелях и в то же время привержены к традиционным формам быта, в этих отелях имеются несколько номеров-люкс, обставленных как японские «дзасики», с «татами». С другой стороны, увеличение числа туристов-иностранцев стимулирует строительство европейских отелей. Таким образом, в дальнейшем смешение стилей, очевидно, будет усиливаться.

Соотношение гостиниц японского и европейского стиля и динамика их развития видны из следующих данных³:

	Западный стиль		Японский стиль	
	Число отелей	Число номеров	Число отелей	Число номеров
1956 г.	115	6 429	57 154	415 986
1960 г.	147	11 272	62 194	508 817
1963 г.	187	15 912	64 408	556 001

³ «Japan Handbook», 1966, p. 89.

Однако надо иметь в виду, что за этими цифрами скрываются бесконечные варианты гостиниц смешанного стиля. Все эти варианты невозможно перечислить, они в значительной степени индивидуальны и зависят от изобретательности и материальных возможностей владельца. Но можно заметить проявление одной общей закономерности, характерной для сочетания традиционного и западного в быту японцев: если представить себе этот быт в форме концентрических сфер, причем в центре будут располагаться явления наиболее интимные, а ближе к периферии — более находящиеся на виду, то порядок нарастания западных черт будет идти от центра к периферии.

Рассмотрим эту закономерность в применении к гостиницам. Внешне здание гостиницы может быть в стиле современной европейской архитектуры, из бетона и стекла. Внутри постоялец увидит оформленные по-европейски лестницы и коридоры, но в вестибюле ему придется снять обувь и сдать в специальное хранилище, а перед тем как подняться на первую ступень лестницы, надеть шлепанцы. В полностью европеизированных отелях переобувание производится уже за дверью номера. Японец перед входом в номер переобуется всегда, даже если пол в номере паркетный. Если он обтянут тканью или покрыт ковром, постояльцу-европейцу напомним о необходимости переобувания памятная записка администрации.

В европейских отелях помещения имеют номера. В национальных гостиницах они обозначаются названиями цветов, растений, птиц; эти названия часто соответствуют сюжету живописного свитка «какэ-моно», висящего в «токонома» данного номера. В гостинице смешанного стиля из коридора постоялец попадает в очень небольшую прихожую, затем в ванную и через возвышение в комнату. Шлепанцы оставляют в прихожей и в комнату, убранную по-японски, входят в носках. Извне комната ограничена «сёдзи»; за «сёдзи» находится обставленная европейской мебелью застекленная веранда, ее раздвижные окна выходят на улицу.

Начиная с веранды снова нарастает западный элемент (хотя конструкция окон веранды еще скопирована с «сёдзи»).

Мы разобрали наиболее типичный вариант. Однако возможны любые индивидуальные отклонения от схемы. Так, не исключено, что рядом с гостиной, покрытой «татами», за «фусума» может находиться спальня с обитым тканью полом и с кроватями.

В чисто японских гостиницах, как правило, только японская кухня. Пища доставляется в номера, хотя иногда бывает и общий столовый зал с циновочным полом. В чисто европейских отелях, как правило, только европейские рестораны.

ные залы и бары с европейской кухней. В гостинице смешанного стиля, если она достаточно велика, может быть вполне по-европейски обставленная столовая, где можно заказать как европейские, так и национальные блюда с соответствующей сервировкой, европейские и специализированные национальные бары, доставка заказов в номера и, наконец, специальные банкетные помещения японского стиля (с циновочным полом).

Такие заведения, как бани, сохраняют национальный колорит. Обычная японская баня представляет собой увеличенную и обобщественную ванную комнату, в которой имеется бассейн с горячей водой; воду черпают шайками и моются на полу, деревянном или цементном, рядом с бассейном. Помывшись, заходят в бассейн, где почти всегда одновременно находятся несколько человек⁴.

В провинции, особенно на севере Хонсю и в некоторых «онсэнгах» (курортах с горячими источниками) Хоккайдо, имеются бани и купальные бассейны, общие для обоих полов. В большинстве бань, однако, мужское и женское отделения разделены, но иногда лишь символической перегородкой, проходящей на уровне колен и торса. Правила приличия требуют, однако, от посетителей разного пола при входе в общий бассейн или при мытье рядом с ним по возможности прикрываться полотенцем. Здесь уместно отметить, что разграничение полов в быту, а также отношение к «дезабиле» в Японии гораздо меньше отягощено предрассудками, чем в Европе. Если гость остается ночевать, то обычно и хозяева и гость ложатся спать в одной комнате на постеленных рядом матрацах. При этом, конечно, следует учитывать, что на ночь японцы и японки, приняв ванну, там же переоденутся в легкое «кимono» — «юката», которое служит ночным бельем. Однако в отличие от ночной рубашки или пижамы в Европе, где первая везде, а вторая почти везде считается одеждой, в которой показываться на людях недопустимо, в Японии «юката» является одеждой, вполне приличной для прогулки по людной городской улице. На улицах курортных городов и даже вечером в центре Киото, где много приезжих, можно видеть множество людей в фирменных «юката» гостиниц, полученных в комплекте постельного белья.

В связи с этим в Японии относятся гораздо терпимее, чем в Европе, и к «дезабиле» европейского типа. В жаркие летние дни на людных улицах японских городов можно встретить людей, одетых очень «легко», практически в нижнем белье. Летом 1966 г. автор видел по вечерам в весьма фешенебельном квартале в центре Токио в сквере с оборудованной дет-

⁴ По данным на 1963 г., в Японии было 24 370 бань.

ской площадкой целые семьи в такой одежде (родителей с детьми), вышедшие погулять перед сном. Не говоря уже об уличных туалетах, многие учреждения, не рассчитанные на посещение большим количеством женщин, не имеют особого женского туалета, и женщины проходят в кабину через общий мужской туалет.

Большое место в быту японцев занимают морские купания и купания в горячих источниках. В летние воскресные утра из Токио в лежащие в двух-трех часах езды приморские селения отправляются переполненные поезда. Такую же картину можно наблюдать и в других городах. Состоятельные люди охотно проводят летний досуг у моря, арендуя комнату или пользуясь услугами отелей-пансионатов в курортных приморских городах. Купальный сезон накладывает отпечаток на быт этих городов. Людей в купальных костюмах можно видеть на улицах и даже в кафе. Наплыв отдыхающих отражается на ценах — здесь почти все дороже, чем в промышленных центрах. Большие участки побережья с прекрасными пляжами малолюдны — они принадлежат отелям-пансионатам, и пользоваться ими имеют право лишь их постояльцы. Трудящимся иногда остаются худшие участки побережья, где временами царит неимоверная теснота. Но и купание в плохих условиях обходится недешево. Хотя доступ на эти третьесортные общественные пляжи бесплатный, платить приходится за переодевание в кабинах, точнее, за сдачу там вещей на хранение, без чего при тесноте этих пляжей обойтись нельзя.

Вокруг горячих источников вырастают маленькие города, население которых специализируется на обслуживании отдыхающих за соответствующую, как правило, весьма высокую плату. Но в Японии масса горячих источников, и многие из них вполне доступны и рядовым японцам. В ряде мест, особенно на Кюсю, даже отдельные крестьянские дворы и хутора владеют маленькими естественными источниками, замещающими им ванну. Но, конечно, все купальни и бассейны, представляющие частную собственность, платные.

С точки зрения соотношения в быту традиционных и заимствованных черт морские купания представляют мало интереса. Как особое структурно оформленное бытовое явление — это почти всегда деталь современного урбанистического образа жизни. В Японии до начала тесных контактов с западной цивилизацией ничего подобного не существовало, поэтому естественно, что здесь практически нет никакой национальной специфики. Что же касается «онсэн»¹, то в том, что относится к собственно купанию, им свойственны те навыки, привычки, взгляды и формы, которые сложились в повседневной гигиенической практике японцев. Но в отличие от последней в «онсэнах» существует довольно широкая гамма

от их естественного использования в обычной гигиенической практике, до превращения их в фешенебельные курорты со всеми свойственными таким местам явлениями. И чем больше эти черты нарушают интимность обстановки, тем больше они заставляют отступать элементы национального традиционного быта.

Парикмахерские в Японии из всех форм коммунальных предприятий наиболее полно следуют европейским образцам, вплоть до их внешней символики — столбиков с цветными спиральными линиями⁵. Это объясняется тем, что в отличие от других гигиенических навыков, которые не изменились существенно и после проникновения в Японию элементов европейского быта, формы причесок и способы их укладки изменились полностью. В наши дни все японцы и японки стригутся и причесываются по-европейски, в соответствии с существующей в данное время модой. Старинная форма прически сохраняется только в очень узких профессиональных категориях. Традиционную женскую прическу носят «гейши» и «майко», да и то не все, а традиционную мужскую прическу — «тём-магэ» — борцы-профессионалы («сумока» или «рикиси»). С переходом японцев к европейской стрижке ремесло традиционных куаферов и цирюльников отмерло, а место их заняли парикмахерские европейского типа, заимствованные в готовой форме. Некоторую преемственность с традиционными формами сохраняет лишь женская косметика. Со времен средневековья у знатных женщин существовал обычай белить кожу. Белились при этом не только лицо, но и шея и часть груди и спины, которая была видна в вырезе «кимоно». Затем подкрашивались губы, брови, ресницы и т. д.

В нынешней Японии обычай белиться, как и многие обычаи, свойственные в феодальную эпоху представительницам господствующих классов, распространился среди всех слоев населения. Однако в связи с преобладанием европейского костюма с его разнообразием форм воротников, а также из соображений экономии времени белила стали накладываться только на лицо. Искусная подкраска дает эффект естественной светлой кожи, тогда как шея сохраняет природный смугловатый цвет. С этой же практикой связан и другой своеобразный обычай. Японские женщины время от времени пользуются услугами мужских парикмахерских для удаления с кожи лица малейшего волосяного покрова, поскольку кожа должна быть абсолютно гладкой, чтобы тонкий слой белил ложился на нее ровно. В соответствии с эстетическими нормами, восходящими к феодальной эпохе, в довоенное время губной помадой часто подкрашивалась только нижняя губа.

⁵ Всего в Японии 220 тыс. парикмахерских (по данным на 1963 г.).

Вход в закусочную, Токио

В наше время красят обе губы, но нередко все же нижняя красится полнее, чем верхняя. Японская женщина тратит на косметику лица значительно больше времени, чем ее европейская современница.

Очень разнообразны формы организации и различные социально-стилевые традиции в общественном питании. Общественное питание вообще распространено в Японии чрезвычайно широко. В городских условиях практически каждый человек ежедневно прибегает к его услугам. Некоторые формы организации общественного питания, такие, как столовые на предприятиях, питание в учреждениях, и другие уже рассматривались в разделе «Производственный быт». Здесь же мы остановимся только на чисто коммерческих предприятиях, рассчитанных не на какой-то замкнутый круг клиентов, а на широкую массу потребителей.

Эти предприятия можно разделить на три группы. К первой группе — столовым — относятся предприятия, удовлетворяющие только потребность в питании. Спиртные напитки, кроме пива, там не потребляются. Вторая группа — закусоч-

но-питейные заведения — включает предприятия, где напитки являются фактически необходимым компонентом трапезы независимо от того, играют ли они в специализации предприятия подчиненную или главную роль (в соответствии с этим их можно разделить на преимущественно закусочные и преимущественно питейные заведения). Посещение этих предприятий имеет целью отдых и развлечение, и сами предприятия могут предлагать посетителю помимо пищи и напитков некоторые элементы развлечения.

Третью группу составляют предприятия зрелищно-клубного, развлекательного характера, отличающиеся от обычных зрелищных предприятий и клубов тем, что посетители сидят за столиками и могут заказывать напитки и закуски. Эту группу мы не будем рассматривать в числе предприятий питания, так как основная нагрузка падает в них на зрелищно-развлекательную сторону.

Основным типом предприятия первой группы является обычная общедоступная столовая. Чаще всего она располагается в первом этаже двухэтажного дома, с входом прямо с улицы; в многоэтажных общественных зданиях столовая может находиться в подвальном этаже, может быть расположена в подземном переходе, на верхнем этаже здания большого магазина и т. д. Меблировка всегда чисто европейская. Обслуживают посетителей официантки, чеки или жетоны нередко предварительно покупаются в кассе. Что касается кухни и сервировки, то, как правило, здесь можно встретить все три стиля: национальный, европейский и — наиболее распространенный — смешанный в разных пропорциях стиль. Цена трапезы в таких столовых умеренно-высокая, обычно в пределах 300—400 иен (около одного доллара). Это достаточно умеренная цена, чтобы обед в такой столовой мог позволить себе любой трудящийся японец, если его к этому толкают обстоятельства (скажем, если он посвятил день покупкам или приехал в эти места по делам). Однако это слишком высокая цена, чтобы рядовой японец обедал в такой столовой постоянно. Повседневно он может обедать только в закрытой столовой при предприятии, которую отличают от общедоступной значительно более низкая стоимость трапезы⁶ (соответственно меньшее количество и более низкое качество пищи), самообслуживание, отсутствие или суженность выбора. Для таких столовых характерны европейская обстановка и преобладание смешанной или приближенной к национальному стилю кухни и сервировки.

⁶ Например, на посещенном автором оптическом заводе Ясика в Окая — 45 иен.

В общедоступной столовой обычно имеется 10—20 дежурных жидких и твердых блюд, образцы (или муляжи) которых с названиями и ценами выставлены в витрине столовой.

Кроме обычных универсальных столовых в Японии есть большое число предприятий питания, специализирующихся на каком-либо виде продуктов. Их также можно подразделить на две подгруппы. К первой относятся главным образом вспомогательные закусочные, бары, стойки, буфеты; впрочем, они почти всегда имеют сиденья. Они функционируют не как самостоятельные предприятия, а как точки питания при вокзалах, кинотеатрах, портах и т. д. Их ассортимент в основном состоит из европейских блюд с преобладанием всякого рода сэндвичей. Сэндвич или булочка, смазанная сладким кремом, покупаемые в такой точке или в мелочной продуктовой лавочке, в основном исчерпывают потребление печеного хлеба рядовыми японцами. Сюда же примыкает уличная торговля пищей, но она сравнительно мало распространена в Японии. Кое-где можно встретить уличные тележки — кухни-столовые — с навесом и скамейкой на два-четыре человека. Хотя они для Японии не столь характерны, как для Китая (особенно Южного) и Индокитая, однако нельзя сказать, что они принадлежат к разряду уходящих в прошлое бытовых явлений. Правда, на Гиндзе в Токио, где такие харчевни (по-японски — «ятай») в старину встречались очень часто, их уже не увидишь, но в других местах их еще немало, а вечерние улицы центра Нагои немыслимы без «ятай». Они работают преимущественно вечером и ночью, заменяя рано закрывающиеся дешевые столовые, и обслуживают людей вечерних профессий и случайных ночных посетителей. Днем в местах скопления людей (например, у лодочных станций и т. п.) можно встретить почти такой же передвижной буфет, смонтированный на «пикапе», или переносный лоток-жаровню. На улицах торгуют «хот догз» — котлетами или сосисками, запеченными в тесте, мороженым и некоторыми специфически японскими продуктами, такими, как маленькие вареные осьминоги, насаженные на лучину, или комья розовой «сахарной ваты» — любимое лакомство японской детворы.

Специализированные столовые отличаются тем, что в них может прийти компания знакомых людей или семья для времяпрепровождения, что в обычных столовых не принято делать. Сюда заходят полакомиться не очень дорогими деликатесами. Эти столовые, как правило, специализируются на том или ином блюде национальной кухни.

Общее название этих столовых — «саканая», т. е. «дом рыбы», но под «сакана» японцы понимают не только рыбу, но вообще закуску. Есть специализированные «собая», где подают «соба» — гречишную лапшу, «унагия» с угрями «унаги»,

«кудзирая», специализирующиеся на блюдах из китового мяса, и множество других. При этом, если «собая» предлагает трапезу гораздо более дешевую, чем обычная столовая, «унагия», по цене и обстановке приближаются к закусочным заведениям. Помимо столовых японской кухни сюда относятся предприятия китайской кухни, которую, несмотря на существенные отличия от японской, все же по принципу сервировки можно включить в разряд традиционной культуры, противопоставляемой европейской. По обстановке эти специализированные столовые близки к обычным столовым, меблированы по-европейски, но нередко эстетическому оформлению зала уделено больше внимания, и мотивы оформления национальные, тогда как в обычных столовых художественное оформление зала если производится, то в стиле модерн. Распространена также планировка в форме бара — скамьи за стойкой бармена.

Столовые этого типа отличаются от обычных столовых следующими чертами: стоимость чаще всего в полтора-два раза выше; поскольку посетители задерживаются здесь дольше, их обслуживает сам хозяин или хозяйка зала; в сервировке и кухне мало западного влияния; качество пищи выше; выбор блюд ограничен; расчет производится клиентом при выходе по выданному ему счету. В сравнительно редких случаях часть зала такой столовой оформляется по-японски, в виде возвышения с циновками.

Сюда же можно отнести более дешевые, лишенные всяких претензий летние харчевни, которые размещаются в очень примитивных сараях, навесах, балаганах у туристических станций, пляжей, многолюдных парков. Здесь торгуют незамысловатыми блюдами, чаем, прохладительными напитками. Рядом со скамьями и столами часто можно увидеть дощатые возвышения с циновками.

Среди закусочных заведений, так же как и среди специализированных столовых, преобладают предприятия национальной кухни. Отличия закусочных и ресторанов этой группы от столовых тем не менее довольно существенны. Стоимость трапезы очень высока, в два раза выше, чем в специализированных столовых, и в четыре раза выше, чем в обычных. Таким образом, если специализированные столовые еще посещаются рядовыми японцами, то дорогие закусочные и рестораны доступны лишь людям с достатком.

Типичный японский ресторан представляет собой одно-двухэтажное здание, интерьер которого по возможности строго выдержан в соответствии с эталоном традиционного японского жилища, включая и окружение — сад или вид на реку. Однако для отделки, особенно потолка и каркасных столбов, характерна несколько претенциозная фантазия, которая дол-

жна настроить посетителя на рустический лад⁷. Но даже сюда проникают отдельные элементы западного влияния, например роспись на картоне «фусума» может быть и не в стиле национальной живописи «нихонга», чего требует выдержанная стилистическая однородность, а в стиле позднего модерна.

В соответствии с классовой принадлежностью посетителей находится и практика посещения таких ресторанов. В отличие от всех ранее описанных заведений рестораны посещают главным образом мужские компании. Именно здесь организуются те приемы, для которых, как отмечалось выше, японское жилище мало приспособлено. Здесь устроитель может принять друзей, а чаще партнеров по бизнесу. Прием происходит вполне по-домашнему: при желании гости могут принять ванну, после которой переодеваются в выдаваемые рестораном «кимоно», а свою европейскую одежду оставить в раздевалке. По окончании трапезы она будет принесена в помещение, где происходила трапеза. Можно обойтись и без переодевания, но в любом случае обед в таком ресторане носит совершенно интимный и непринужденный характер, более непринужденный, чем это было бы возможно дома, где гостей могли бы стеснять члены семьи хозяина. Здесь же можно шуметь, не смущаясь тем, что за тонкой «фусума» сидит другая столь же шумная компания, также считающая себя изолированной.

Подает блюда служанка ресторана, одетая в отличие от обслуживающего персонала всех предприятий ранее описанных категорий в национальное платье. Если компания очень велика, служанок может быть несколько. Служанки все время присутствуют при трапезе гостей, выполняя роль гостеприимных хозяек дома.

Далеко не все блюда, подаваемые в японских ресторанах

⁷ Приходится употреблять именно этот не вполне привычный русскому слуху термин вместо общепринятого «буколический» для обозначения сельской патриархальной и поэтичной простоты, нарочитой непритязательности, на деле иногда очень претенциозной и искусственной, которая в разных вариантах, от высокоэстетического до вульгарно-безвкусного, присуща в Японии прежде всего помещениям для чайной церемонии, а также другим помещениям, служащим для развлечения и отдыха. Дело в том, что термин «буколический» предполагает пастораль, т. е. символику земледельческо-скотоводческого типа хозяйства с особым упором на пастушество. Дальнему Востоку с его слабым развитием животноводства, преобладанием ручных методов земледелия эта символика чужда. Здесь поэзия деревни всецело в ее растительном мире. И солома, циновки, и суковатые бревна балок, и бамбук говорят эмоциональному подсознанию людей Дальнего Востока очень много, и функционально их можно сравнить с рогами и шкурами в обстановке какого-нибудь центральноевропейского шале. Хотя оттенок настроения совсем иной, функция та же: создать иллюзию возврата к природе и единения с ней.

(а также в закусочных и отчасти в столовых), готовятся тут же. В Японии очень развита система отдельных кухонь, снабжающих своей кулинарией целый ряд близлежащих предприятий, доставляющих обеды на дом, в цехи предприятий и т. д. Поэтому в ресторане могут выполнить почти любой заказ, направив посыльного в близлежащую кухню или специализированную закусочную. Характерной фигурой японского города в районах сосредоточения различных харчевен является велосипедист-посыльный, одной рукой держащий руль, а другой — поднос с пирамидой чаш и коробок с искусством, которое бы сделало честь артисту цирка.

Помимо описанного классического ресторана к группе закусочных относятся многочисленные более мелкие и более доступные по цене специализированные предприятия, среди посетителей которых можно встретить и служащих и среднего достатка людей интеллигентных профессий. Устроены такие заведения чаще всего как залы с циновочным полом, но без «фусума», изолирующих одну комнату от другой; низкие столики, часто круглые, стоят в общем зале. Иногда встречается и европейская обстановка — зал с гладким полом, высокие столики, стулья.

Наконец, нередко планировка в виде бара. Отличие этих предприятий от предприятий второй подгруппы первой группы, к которым они очень близки по оформлению зала, состоит в том, что обслуживание клиента не ограничивается доставкой ему блюда, а включает и услуги служанки-хозяйки («хостессы») во время трапезы и какой-то развлекательный элемент — беседу с «хостессой» или с барменом и т. д.

Особенно характерна для предприятий типа закусочных специализация на таких блюдах, как «сукияки», «набэяки» или некоторые более редкие блюда заимствованного и смешанного происхождения, которые готовятся в процессе еды: жаровня или сковорода ставится на газовую или электрическую плитку, помещающуюся в отверстие в центре стола, и поданные полуфабрикаты доводятся до готовности «хостессой» в присутствии и при участии клиентов.

Другим примером закусочных баров могут служить «сусия». «Суси», состоящие из ломтика морской живности на катышке ферментированного риса, рассматриваются японцами как национальный аналог европейского сэндвича. Однако трапеза в «сусия» нередко сопровождается некоторым количеством «сакэ». Бар «сусия» представляет собой нечто вроде парты с лаковой наклонной доской, совершенно чистой. Выше доски обычно находится низкая витрина с живностью. На горизонтальную часть «парты» бармен ставит «сакэ» и кладет щепоть маринада имбирного корня, выполняющего роль приправы, аналогичной хрену при рыбных блюдах русской

кухни. Затем он лепит «суси» с кусочками живности по выбору клиента и кладет их на наклонную доску.

«Сусия» пользуются широкой популярностью, они имеют круг завсегдатаев и ряд специфических особенностей и обычаев; это целый миниатюрный мирок. Здесь в ходу особый жаргон — водка, рис, кипятки называются не общераспространенными словами, а терминами, употребляемыми только в «сусия» («сяри» и «агари»).

Разные типы предприятий могут комбинироваться. Уже отмечалось, что в пределах одной гостиницы могут быть представлены несколько типов помещений для питания. Кроме того, нередко в одном небольшом здании на верхнем этаже размещается ресторан традиционного стиля, а на нижнем — какой-нибудь бар. Трудно судить, который из них приносит хозяину больше дохода, но публика в первом этаже всегда многочисленнее и разнообразнее.

Последний тип предприятий общественного питания, который может быть сюда включен лишь с существенными оговорками, — это предприятия преимущественно питейного типа. Они представляют собой переходную форму между второй и третьей группой заведений, принадлежащую скорее к разряду увеселительно-зрелищных. Общим для этой группы является преобладание напитков над пищей. В ней могут быть выделены три типа предприятий: бары, кафе и пивные залы. Их помещения оформляются в западном стиле. Обслуживают посетителей официанты. Расчет производится, как правило, при выходе. Ассортимент напитков здесь европейский — сода-виски, коктейли, фруктовые соки, пиво.

В кафе приходят посидеть, послушать музыку, поговорить. Здесь много молодежи. В кафе вполне можно провести вечер, истратив на двоих сумму в 200—300 иен, т. е. меньше, чем на обед в обычной столовой. Поэтому посетители недорогих кафе принадлежат к самым различным слоям населения, преимущественно трудящегося. Это относится и к пивным залам; правда, женщины посещают их редко. Особенно популярны пивные залы на Хоккайдо, который является основным районом производства ячменя и соответственно пива. Кроме того, облик и стиль жизни на Хоккайдо значительно более европеизирован, чем в остальной Японии. Здесь посетители компаниями подолгу сидят в пивных залах. Для своих завсегдатаев пивные залы выпускают абонементные книжки с отрывными талонами на пиво, упрощающие расчет.

Ассортимент в кафе и пивных залах довольно узок, закуска здесь употребляется мало. В кафе чаще всего заказывают мороженое, в пивных залах закусывают арахисом или соевым горохом. Очень простые коробки-автоматы, отсыпавшие при опускании мелкой монеты порцию такой закуски, неред-

ко стоят прямо на столах. Они же за еще меньшую плату выбрасывают отпечатанный листок с астрологическим предсказанием, обсуждение которого служит одним из моментов развлечения собравшейся компании.

Третий тип — небольшие бары, которые обслуживает бармен или барменша с одной или двумя девушками-помощницами. Работающие за стойкой поддерживают беседу с сидящими посетителями. В бары, как и в пивные, ходят в основном мужчины, обычно здесь создается довольно узкий круг завсегдатаев, знакомых с хозяином и пользующихся у него кредитом. Посетители баров — преимущественно служащие и люди среднего достатка — образуют несколько более узкий круг, чем посетители кафе и пивных, но все еще достаточно широкий. Для них бар служит таким же продолжением и дополнением дома, местом приема друзей и знакомых, каким для богатых людей является классический ресторан. Ассортимент в барах разнообразен, там имеются различные европейские и национальные напитки и довольно большой выбор закусок, преимущественно национальных.

Из обзора различных типов предприятий общественного питания в Японии можно сделать некоторые выводы. Присутствие и преобладание элементов традиционного стиля соответствуют наличию элементов интимности, развлечения, отдыха, наличию контакта между хозяином и клиентом, хотя бы в виде беседы между ними. Преобладание же западных элементов связано с деловым, утилитарным характером предприятий, с более публичной, сухой, отягощенной условностями обстановкой, с механистичной формой контакта клиента и хозяина, которая вполне может быть автоматизирована, что и имеет место в уличной торговле, в буфетах, а отчасти и в столовых.

Другой важный вывод заключается в том, что типы предприятий с минимальным количеством западных заимствований, примером которых могут служить классические рестораны, бытуют в сравнительно ограниченной сфере, главным образом представителей господствующих классов. Это же, впрочем, относится и к некоторым западным типам, с минимальным заимствованием национальных форм. Понятно, что чем более классово ограничено то или иное бытовое явление, тем более оно привязано к быту господствующих классов, тем меньше перспективы его сохранения и развития, тем больше вероятность его исчезновения — вполне возможно, еще до того, как сойдет на нет сам класс — носитель явления. С другой стороны, для всех типов, сохраняющих национальный стиль и пользующихся популярностью среди более или менее широких кругов населения, характерно интенсивное заимствование и включение элементов современного город-

ского бытового комплекса западного происхождения. Из национальных традиционных типов предприятий именно эта часть имеет наиболее благоприятные перспективы для дальнейшего развития.

В сфере торговли для Японии характерны два основных типа предприятий, между которыми существуют многочисленные переходные формы. С одной стороны, это очень большой универмаг «депато» (от англ. «department store») с чрезвычайно широким ассортиментом промышленных и продовольственных товаров. Универмаг в большом японском городе представляет собой по сути дела комбинат, включающий и несколько закусочных и столовых, и концертный зал, и выставочные залы, где экспонируют свои произведения скульпторы, художники и мастера того специфически японского искусства, которое называется «икэбана» и заключается в умении красиво составить букет цветов.

С другой стороны, это небольшая, выходящая на улицу, часто полуоткрытая или совсем открытая лавочка, обслуживаемая одним-двумя людьми. Чаше всего она специализируется на каком-либо определенном виде товаров, но на окраинах и в маленьких городках нередко и смешанные лавочки. В них еще сохранились черты, сложившиеся до проникновения европейского влияния. Но в то же время и здесь можно видеть те же современные приемы оформления витрин и обслуживания, что и в больших магазинах. Некоторые детали в обслуживании связаны с природными условиями страны и очень своеобразны. Например, в продовольственных лавочках купленные продукты могут быть завернуты не в бумагу, а в сухой пазушный лист бамбука. В целом упаковке уделяется чрезвычайно много внимания. Основные формы торговли и рекламы в Японии определяются капиталистическим способом производства и отличаются от соответствующих европейских разве лишь еще большей изощренностью. Однако можно отметить и ряд специфических черт. В связи с дешевизной неквалифицированной женской рабочей силы в больших магазинах ее используют обычно весьма расточительно. Там работает много малоквалифицированных продавщиц, которые по любому сложному вопросу должны прибегать к помощи старших продавцов. Они полностью обслуживают покупателя, одна и та же продавщица отбирает и упаковывает товар и рассчитывается с клиентом. У входов и выходов, у эскалаторов стоят девушки-привратницы, единственная обязанность которых кланяться проходящим покупателям и повторять несколько заученных фраз благодарности и приглашения (на этой очень низко оплачиваемой работе иногда используют подрабатывающих на жизнь студентов). В такой форме в сфере торговли проявляется общая для японского стиля об-

Розничная торговля в Токио

служивания черта: наличие в предприятии служащих женщин, выполняющих какую-то часть функций хозяйки дома.

Мелкой розничной торговле в Японии свойствен ряд черт, характерных для большинства других азиатских стран. Так, в Японии отсутствуют рынки в обычном понимании. Существуют только оптовые рынки, где продажа крупных партий товара ведется посредством сделок или аукциона⁸. Это вызвано высоким уровнем развития капитализма, многоступенчатостью торговых посредников, высокой степенью централизации и специализации торговли и торгово-сбытовой кооперации, а также тем, что мелкие производители столь интенсивно заняты в процессе производства, что вынуждены отдавать ему максимум времени. Тратить время на сбыт продукции на рынке, как это делают крестьяне и ремесленни-

⁸ Кое-где розничные рынки сохраняются как пережиток. Так, в г. Такаока, известном своей сохранившейся архаикой, утренний рынок «Такаока асаити» принадлежит к числу местных достопримечательностей.

жи большинства стран Азии, японский мелкий производитель не может.

Другая характерная черта японской торговли, также выделяющая ее на фоне других стран Азии,— это отсутствие торговли с запросом. Лишь в очень маленьких лавочках, расположенных в глубине жилых кварталов, где продаются наиболее дешевые вещи, покупатель может поторговаться с продавцом и добиться некоторого снижения цены (примерно на 10%). Однако следует иметь в виду, что такие лавочки обычно имеют определенный круг клиентов, с которыми продавцы знакомы, постоянно имеют дело, и разговор о цене нередко носит характер именно разговора людей, знающих друг друга. В более крупной, солидной торговле, с текучим контингентом покупателей не может быть спора о цене между продавцом и покупателем. На наш взгляд, это вошедшее в традицию явление тесно связано с другим характерным для Японии явлением — полным отсутствием чаевых. Десять дополнительных процентов за обслуживание включаются в счета и лишь через кассу позже выплачиваются обслуживающему персоналу.

Эти черты возникли и утвердились сравнительно недавно, в конце XIX — начале XX в. До этого для Японии были в высшей степени характерны система цен с запросом и повсеместные чаевые. Можно предположить, что такой перелом явился материальным выражением определенных сдвигов в национальной психологии, в свою очередь связанных с переходом Японии в конце XIX в. из числа зависимых, подвергавшихся полукOLONиальной эксплуатации стран, в разряд независимых держав, причем этот переход сопровождался весьма заметным усилением внимания на вопросах национального достоинства.

Прочие коммунальные предприятия можно рассматривать вместе с предприятиями розничной торговли, поскольку с точки зрения помещения и форм контакта персонала с потребителем все прачечные, красильни, ремонтные мастерские, фотолaborатории и тому подобные учреждения не отличаются от мелких лавочек. В них, как правило, работают один или два человека, которые производят как выдачу, так и прием. Поэтому специально оформленные участки приема отсутствуют.

Несколько особняком по структуре своей материальной организации стоят портняжные мастерские. Специфика их объясняется тем, что в данном случае, хотя услуги прилагаются к товару (шитье к костюму), клиент непосредственно участвует в этом процессе во время снятия мерки и примерки. Однако они также полностью входят в сферу торговли. В массовой торговле, т. е. в «депато», подгонка одежды или

пошивка производится одновременно с покупкой полуфабриката или материала. И здесь и в мелких портняжных мастерских обслуживание заказчика производится в помещениях, организованных по-европейски. Есть специальные магазины и отделы в «депато», которые специализируются на торговле национальным платьем. Существуют и соответствующие портняжные мастерские. Однако отличие их состоит в том, что женский обслуживающий персонал, работающий здесь, иногда также одет в национальное платье. Обстановка и организация помещения не отличаются от других отделов. Что касается национальной утвари, игрушек и других товаров, в которых возможно разделение на национальные и заимствованные, то на практике в торговле такого разделения не производится, а товары обоих стилей продаются в одних и тех же секциях.

Таким образом, в области торговли только в устройстве мелких розничных лавочек, открытых на улицу, можно заметить традиционные черты. Такие лавочки часто концентрируются на определенных улицах, которые превращаются в торговые пассажи, покрытые прозрачной пластиковой крышей⁹. В целом же массовая универсальная торговля, отсутствовавшая в докапиталистической Японии, была перенесена сюда одновременно с другими европейскими нововведениями. Поэтому, хотя эта торговля развивалась далее на национальной почве силами национальной буржуазии и национального капитала, оформление ее по сей день выдержано в западном стиле, вплоть до того, что даже манекены в отделах японского платья имеют «европеоидный» облик.

Досуг и развлечения

Традиционные японские формы отдыха, развлечения, времяпрепровождения в часы досуга отличаются большим разнообразием и разработанностью. Они отвечают определенным эстетическим критериям и подчиняются сложным внутренним правилам, которыми овладевают постепенно, в процессе семейного воспитания и общения. При достаточной общей жизнерадостности японские развлечения в соответствии со всем укладом жизни не отличаются экспансивностью.

⁹ Это сугубо современное по техническим средствам решение тем не менее полностью вытекает из традиционной торговой системы и находит себе полные функциональные аналогии в других странах Востока, где в сходных климатических условиях и в сходной с докапиталистической Японией социальной обстановке развивались сходные формы розничной торговли. Достаточно вспомнить торговые куполы Бухары с расходящимися от них крытыми пассажами или перекрытые плетеными навесами торговые улицы других старинных среднеазиатских городов.

Типичная для японцев сдержанность дает себя знать и здесь. Например, такая «международная» детская игра, как «прыгалка», у японских детей очень часто ведется не с раскручиваемой, а только с маятникообразно раскачиваемой веревкой. Сдержан по форме и японский вариант игры в «классы» («исикэри»).

Среди активных форм развлечения и отдыха прежде всего надо отметить традиционное праздничное времяпрепровождение.

В Японии сохранилось много праздников древнего происхождения, но ни один из них не отмечается с таким весельем, как Новый год, который празднуется в первый день первого месяца календаря. Раньше японские традиционные праздники отмечались по лунному календарю, однако в наши дни он выходит из употребления, и праздники отмечаются по солнечному календарю.

Новогоднему празднику предшествует ряд приготовлений: убирается жилище, готовятся особые кушанья. В последнюю ночь старого года никто не ложится спать. Ворота или вход в жилище убираются сосновыми ветками, листьями бамбука, пучками соломы, перевитой жгутом. Наступление Нового года возвещают 108 ударов храмового колокола. В день праздника гуляют, навещают родных и знакомых, посещают храмы.

Кроме Нового года отмечаются буддийские праздники, например праздники рождества Будды и его смерти (точнее — перехода в нирвану), «праздник Бон», или «день всех душ». Считается, что души всех умерших предков в этот день посещают свои семейные алтари, где для них готовятся особые кушанья. Вечером на улицу выходят с фонарями, катаются в шлюпках при звуках музыки и устраивают фейерверки. Этому празднику посвящается особый танец «бон-одори»; танцующие образуют круг и машут руками в такт пению и игре флейтистов и барабанщиков, стоящих в центре. Довольно широко отмечается также несколько религиозных праздников «синто». Ранней весной празднуется «сэцубун», сопровождаемый церемонией «ониярай» — преследованием демонов¹⁰. Церемония заключается в том, что разбрасывают бобы во все четыре стороны от дома со словами: «Зло — долой, счастье — входи». В деревне повсеместно отмечаются также сельскохозяйственные праздники, в частности «тауз» — праздник посадки риса — и праздник жатвы. Праздник девочек — 3 марта и праздник мальчиков — 5 мая описаны в разделе, посвященном семейной жизни. Праздничные визиты неизменно сопровождаются взаимным подношением подарков.

¹⁰ U. A. Casal, *Beans and the Setsubun Festival of Japan*, pp. 75—99.

Подарки делаются по всякому поводу. Даже заурядный визит нередко сопровождается подарком. Разумеется, большей частью подарки очень незначительны, чаще всего это безделушка, куколка и т. п. Подарок обязательно перевязывается двухцветной бумажной лентой определенных цветов для разных случаев (серебряно-золотой при поздравлениях, черно-белой при соболезнованиях, красно-белой в обычных случаях) и снабжается «носи» — продолговатым шестиугольным ярлычком в форме рыбки, так как в старину чаще всего дарилась рыба.

Дарить деньги считается не вполне вежливым, и многие торговые фирмы выпускают красочно оформленные чеки на разные суммы, которые могут быть в любое время обменены на предмет соответствующей стоимости. Такие чеки можно дарить, и они пользуются большой популярностью. Любый подарок обычно отдаривается предметом более или менее одинаковой ценности.

В старой Японии социальный институт дарения укладывался в общую систему социальной иерархии, построенной по патронимической схеме. Старший в определенных случаях одаривал младшего по лестнице общественной или семейной иерархии. Считалось, что тем самым он распространял на младшего свое благодеяние («он»), и младший считался как бы находящимся в «этическом долгу» у дарителя. Равноценное отдаривание в данном случае не всегда было экономически посильно, а кроме того, все равно этически исключалось, так как оно было бы оскорбительным нарушением иерархических норм, в корне противоречащих всякой возможности равных отношений между старшими и младшими.

«Уплата этического долга» («онгазси») выступала здесь в форме морального закабаления одариваемого, который был обязан еще более ревностно, «верой и правдой» служить одарившему. Так упрочивались патерналистические отношения между князем («дайме») и рыцарем («буси» или самураем), между главной, знатной и могущественной семьей патронимического «клана» и рядовыми, подчиненными «боковыми» семьями.

В других случаях, когда обычай требовал подношения подарка от младшего старшему, за ним скрывалась замаскированная форма экономической эксплуатации зависимых семей.

В современной Японии с разрушением всех патронимических институтов понятия «он» и «онгазси» в системе дарения постепенно теряют свое значение, и обычай дарения все более смещается в сферу равноправных индивидуальных отношений.

Помимо обмена подарками между частными лицами для современной Японии очень характерны подарки, которые де-

лают по разным поводам своим деловым партнерам предприятия, торговые фирмы и тому подобные учреждения. На эти цели, равно как и на приемы, угощения и другие формы представительства, расходуются значительные суммы. Поскольку в конечном счете все это делается на взаимной основе, такая практика по существу является формой присвоения под видом расходов на представительство тех благ, которые иначе подвергались бы высокому налогообложению.

В часы досуга японцы охотно играют в карты. Очень широкое распространение получили европейские карточные игры, но наряду с ними сохраняют свою популярность и традиционные игры в японские карты «ханафуда» с большим числом мастей, обозначаемых разными растениями.

Европейские карты более распространены среди интеллигентной части среднего класса, тогда как «ханафуда» относительно популярнее среди мелкобуржуазных малоинтеллигентных слоев. Домино почти неизвестно, зато все слон знают «мадзян» («маджонг») — игру китайского происхождения, несколько сходную с домино.

Японцы очень любят играть в «го» — облавные шашки. Это очень сложная игра. Играют в «го» на квадратной доске, на которой 19 линий, пересекаясь под прямым углом, образуют 361 крест. Все эти кресты могут быть заняты 180 белыми и 181 черным камешками («иси»). Цель игрока — завладеть как можно большим пространством на доске; этого можно добиться, если занять места, которые легче всего оборонять от нападений противника. На доске есть девять таких мест, они означают «главные светила», а белые и черные камешки — день и ночь. Распространены также «сёги» — китайские шахматы, в которых разные фигуры обозначаются иероглифами на шашках. «Сёги» и особенно «го» настолько популярны, что доски и чашки с шашками ставятся в общественных местах, например в фойе клубов и «кайканов». Европейские шахматы и шашки также известны, но малопопулярны¹¹.

Большое распространение в Японии получили современные виды спорта и спортивные игры, особенно бейсбол, очень сходный с русской лаптой. Бейсбол в профессиональном исполнении собирает громадное количество зрителей. Не менее популярен он и как массовый вид спорта. На улице, на любой площадке можно встретить японских мальчиков и юношей, отрабатывающих отдельные элементы игры. Причина популярности бейсбола, несмотря на необходимость довольно дорогого инвентаря (биты, специальные рукавицы и пр.), заключается, по объяснениям самих японцев, в частности, в его

¹¹ S. Culin, *Games of the Orient (Korea, China, Japan)*.

меньшей по сравнению с футболом или баскетболом подвижности, что соответствует как традиционному характеру японских развлечений, так и режиму питания, к которому не подходят игры с чрезмерно большой затратой энергии.

К излюбленным видам спорта относятся также настольный теннис, плавание, альпинизм, туризм, а на севере страны — горнолыжный спорт. В некоторых из этих видов спорта японцы достигли успехов в мировом масштабе.

Большой популярностью пользуется «сумо» — единоборство борцов-профессионалов. Кроме того, существует способ борьбы «дзюдо» или «дзю-дзюцу» (известной в искаженной передаче «джиу-джитсу»), которую преподают во многих школах. Основные правила этой борьбы: не противопоставлять силу силе, а увертываться и побеждать силу ловкостью. Наряду с «дзюдо» существует другой вид единоборства — «каратэ», род бокса, где удары наносятся концами пальцев или ребром ладони. «Дзюдо» и «каратэ» являются массовыми видами любительского спорта, особенно среди учащейся молодежи. «Сумо», напротив, популярно прежде всего не как занятие, а именно как зрелище. Впрочем, выступления известных «дзюдока» и «каратэка» также собирают немало зрителей. Характер уже не спортивного, а трюкового зрелища носят выступления бродячих уличных «каратэка», демонстрирующих трюковые удары ребром ладони, ломающих такими ударами доски, разбивающих бутылки и т. д.

Из других национальных видов спорта определенное значение имеет «кэндо» — фехтование на японских мечах, стрельба из лука в тире. Стрельба из лука с коня в основном носит характер зрелища, приурочиваемого к религиозным праздникам «синто», и называется «ябусимэ».

Все перечисленные игры и виды спорта относятся к групповым формам использования досуга. Для индивидуальных форм развлечения характерно преобладание созидательных над дедуктивными, такими, как пасьянсы, задачи, головоломки, распространенными в Японии относительно меньше, чем в западных странах. Типичным примером простейшей созидательной формы индивидуального развлечения может служить «оригами», т. е. складывание бумажных фигурок. Это мастерство, любимое занятие детей, достигает в Японии очень высокого развития, фигурки отличаются большой выразительностью и сложностью. В новейшее время «оригами» получило не только развлекательное, но и церемониально-символическое значение: бумажная фигурка журавля, нестарь бывшего излюбленным благопожелательным символом, стала также символом надежды на избавление от атомной угрозы и лучевой болезни, приобрела большое политическое звучание. Гирлянды из таких фигурок, сделанные по образцу гавайских

цветочных «леи» и названные этим же словом («рен» — в японском произношении), получили распространение как благопожелание и праздничное украшение. Таким образом, из разных внутренних и внешних источников — мастерство «оригами», символика благопожелания, гавайское заимствование — родилась совершенно новая этнографическая традиция.

Другие созидательные формы проведения досуга относятся к сфере искусства. Так, поэзия в Японии не ограничена кругом поэтов-профессионалов. Сочинение короткого стихотворения — обычная реакция многих японцев на какое-нибудь крупное событие или личное переживание. Художественная ценность таких произведений, может быть, и невелика, но сама форма проявления человеческих чувств свидетельствует о степени распространения поэзии в народе.

Большинство японцев занимаются также рисованием; ему придается большое значение в системе детского воспитания.

Присущее японцам тонкое чувство прекрасного в природе проявляется в двух специфических видах прикладного искусства, в котором они достигают совершенства, искусстве выращивания цветов, особенно хризантем и карликовых деревьев, и искусстве составления букетов, точнее, композиций из цветов, ветвей, коры («икэбана»)¹². Эти предметы, так же как основы рисования и стихосложения, входят в программу ряда школ и курсов, особенно женских.

Однако в обстановке современного японского города множество людей, которые живут без семей и не стремятся домой после утомительной и однообразной работы, не имеют условий для созидательного индивидуального времяпрепровождения. Масса развлечений, предлагаемых большим городом, даже кино, им не по карману — по крайней мере часто. А чем-то заняться, развлечься необходимо. На этой почве выросло очень характерное для современного японского города явление — «патинко». Это нечто среднее между рулеткой и бильярдом. Человек входит в зал, где стоят десятки игровых автоматов, покупает в кассе несколько десятков шариков и начинает запускать их в автомат стреляющим приспособлением. В случае попадания в цель автомат отсыпает в лоток новую порцию — пять или десять шариков. Предъявив их в кассе, удачливый игрок получает выигрыш. Поскольку денежная выплата запрещена, выигрыш выдается в товарной форме — конфетами, сигаретами и пр. «Патинко» имеются повсюду, и они почти никогда не пустуют. Конечно, эта совершенно механическая, отупляющая игра так популярна

¹² А. Koehn, *Bankei Japanese Tray Landscapes*, pp. 127—146.

среди рядовых японцев лишь потому, что им негде найти более содержательные, но столь же доступные формы активного повседневного отдыха.

Важнейшим видом пассивных развлечений является посещение зрелищ. Процесс усложнения общественной жизни и особенно ее урбанизации неизбежно предполагает уменьшение удельного веса тех развлечений, где развлекающиеся активно участвуют в действии, и увеличение удельного веса тех развлечений, где они выступают лишь пассивными зрителями. Промежуточное положение занимают созерцательные развлечения, как, например, любование цветами, которые, хотя также являются зрелищами, требуют от участников большей активности, чем зрелища типа действ.

Обычные в быту японцев зрелища, имеющие развлекательное значение (хотя оно может быть и не единственным), можно разделить на религиозные, церемониальные, просто традиционные (без церемониальности) и, наконец, художественные, спортивные и т. д.

Почти любое религиозное событие в Японии представляет собой зрелище.

Религиозные праздники — как буддийские, так и синтоистские — включают в себя целую серию зрелищных элементов, которые очень отличаются друг от друга в зависимости от храма или секты. Помимо самого богослужения, которое при всей его красочности мало кем воспринимается как зрелище, праздник может включать большую процессию, спортивные состязания, театральные и танцевальные действия. В одних из них, как, например, в выступлениях на храмовой сцене или соревнованиях конных лучников, принимают участие только полупрофессионалы или небольшая группа хорошо подготовленных любителей, другие, например процессии, носят более массовый карнавальный характер, но и в этом случае число пассивных зрителей значительно превышает число активных участников.

Праздничное шествие большого синтоистского храма — это и толпа полуголой или в ярких национальных одеждах молодежи, иступленно толкающая тяжелый ритуальный паланкин или колесницу, и группа людей, торжественно проходящих в наряде древних вельмож или средневековых воинов. А праздничное шествие необуддийской секты — это современный, военизированной-спортивный парад молодых людей в униформе, с колонной знаменосцев, духовым оркестром и группой вполне американизированных «мажореток». Но в том и другом случае сущность подобного шествия одна: напомнить старым или потенциальным адептам о своем существовании и значении.

Примером церемониального зрелища может служить па-

рад пожарников — обязательная принадлежность большого светского праздника, особенно новогоднего.

Традиционное зрелище — ловля рыбы с помощью бакланов в Гифу или созерцание массового цветения вишни весной, ирисов летом и хризантем осенью. В широком смысле традиционными являются не только эти зрелища, но и религиозные и церемониальные, поскольку они могут существовать только в общей для них системе традиций, в отличие от творческих зрелищ, включающих художественные, спортивные и трюковые. Любое вновь изобретенное творческое зрелище способно собрать аудиторию и завоевать у нее популярность, лишь бы оно было достаточно содержательно и увлекательно. Однако далеко не так просто внедрить новшество, сравнимое с бакланной рыбной ловлей, или сделать популярным любование каким-либо природным зрелищем, доселе неизвестным.

Конечно, в традиционных зрелищах содержатся уже многие зачатки зрелищ творческих: в мистериях — театра, в праздничных обрядах — спортивных состязаний, в бакланной ловле — зрелища трюкового типа. Но именно потому, что это только зачатки, традиционные зрелища воспринимаются лишь в общем комплексе традиций поведения; поэтому их гораздо труднее переносить, распространять и вводить заново, нежели полностью творческие зрелища типа театра. Япония знает примеры сравнительно недавнего введения новых зрелищ, схожих с традиционными. Так, совсем недавно возникла вся зрелищная обрядность новых сект, но с самого начала она возникла внутри целой системы вновь создаваемых традиций — в данном случае религиозных. Айнский праздник сбора водоросли «маримо» (реликтового растения на Хоккайдо) был искусственно создан как туристский аттракцион для приезжающих на отдых японцев¹³, но опять-таки был включен в уже существовавшую систему оформления церемониальных зрелищ для туристов народными песнями и плясками.

Бесспорно, многие творческие зрелища (театр «Но», борьба «сумо» и др.) также могут быть названы глубоко традиционными, но в несколько ином смысле: здесь главными выступают не традиции внешней среды зрелища, а внутренние традиции принципов его организации. В этом принципиальная разница между зрелищами чисто традиционными и зрелищами творческими, хотя последние часто возникают из первых. Примером может служить история возникновения театра «Но». Первоначально из древнейших танцев-игр возникли обрядовые пляски, оформившиеся в синтоистские мистерии

¹³ Этот праздник вообще противоречит принципам айнской обрядности, так как она ограничена кругом животных и растений, имеющих значение для хозяйства, а «маримо» совершенно несъедобна и бесполезна.

«кагура», сопровождаемые пением. Буддийская церковь использовала их элементы в своих представлениях «дэнгаку». Раннесредневековая знать, отталкиваясь от тех же народных танцев, создала свой балет «гагаку», который вскоре из развлекательно-самодеятельного стал церемониальным. Все эти дворцовые и храмовые представления еще не были подлинными театральными зрелищами. Начало последним положили «саругаку» — представления бродячих кукольников и скоморохов. В них впервые появляется четкий словесный текст. Синтез «саругаку» с храмовым «дэнгаку» и дворцовым «гагаку» дал в XIV в. первый большой драматический жанр в Японии — театр «Но». Одновременно с этим кристаллизуется литературный жанр пьесы «ёкёку», появляются профессиональные драматурги. Театр «Но» из храмов перебрался в замки феодалов, на чьи вкусы он и был рассчитан по своей тематике.

Представление идет на малопонятном современному зрителю языке, на сцене без декораций, но с традиционным задником в виде сосны на золотом фоне. Действующих лиц практически только двое: «ситэ», роль которого аналогична роли основного актера древнегреческой драмы («протагониста»), и «ваки» (соответствующий второму актеру древнегреческой драмы — «дейтерагонисту»). Эта параллель усиливается наличием в обоих случаях хора. Актеры в старинных пышных одеждах и масках произносят свой текст напевным речитативом, перемежая его условно-танцевальными движениями.

Содержание многих из этих представлений проникнуто религиозным пессимизмом или идеализацией придворной этики. Круг знатоков и толкователей пьес довольно ограничен¹⁴. Однако было бы неверно преуменьшать значение театра «Но». Сохраняя выработанные многими поколениями традиции, он несомненно играет важную роль в борьбе японской национальной культуры против влияния западного декадентского искусства.

В средние века для полного удовлетворения запросов смешанной аудитории, включавшей не только знать и самураев, но также челядь и простолюдинов, между отдельными драмами представления «Но» включалось несколько интермедий-фарсов, так называемых «кёгэн». Эти фарсы имели народный, антифеодальный характер, резко контрастируя с самими трагедиями. Ныне жанр «кёгэн» возрождается и используется для создания пьес со злободневной тематикой.

В начале XVII в. возникает театр «Кабуки». Он происхо-

¹⁴ N. Bammate, *Tokyo Noh Theatre*, pp. 40—45; Z. Toki, *Japanese Noh Plays*.

дит от танцевальных уличных представлений, получивших широкое распространение в XVI в. Его основоположницей считается танцовщица Окуни. Первые труппы «Кабуки» состояли только из женщин, им на смену пришли труппы, состоящие только из мальчиков, а с 1652 г. — только из мужчин. В таком виде существует «Кабуки» и сейчас. Тематика пьес этого театра представлена сюжетами из истории, быта и жизни средневековых самураев и горожан. Однако многие пьесы, воспевающие благородство, великодушие, любовь и верность, находят горячий отклик и у современного зрителя. В XX в. наметились некоторые тенденции к модернизации «Кабуки».

Наконец, к национальным театральным жанрам относится «ёсэ» — театр одного актера-рассказчика, о специфике которого более подробно говорится ниже.

Параллельно с национальными видами театральных зрелищ постепенно возникает и развивается драматический театр европейского типа. Он имеет известные преимущества перед национальными жанрами, заключающиеся в способности воссоздавать на сцене современность и в гораздо большей доступности для исполнения не только прошедшими сложную школу подготовки профессионалами, но и актерами-любителями.

Реалистические пьесы как японских, так и западноевропейских и русских драматургов, в особенности Горького и Чехова, пользуются широкой известностью и популярностью. Их наиболее охотно ставят именно самодеятельные художественные коллективы трудовой интеллигенции и рабочих. Эти же коллективы часто обращаются в своем репертуаре и к национальным традиционным театральным формам. В более или менее упрощенной форме нередко осуществляются любительские постановки пьес «Но», танцевальных сюит «кагура» и других форм традиционного театра и хореографии.

Напротив, декадентские постановки эфемерных артистических трупп, которые нередко можно встретить в маленьких концертных залах Японии, собирают лишь очень небольшое число зрителей, ограниченное узким кругом снобистской буржуазной молодежи.

Японской публике отнюдь не чужд интерес и к оперным и балетным жанрам европейского театра, и эти направления искусства развиваются в Японии. Но наиболее популярны из музыкально-хореографических сценических представлений западного типа ревю или «шоу», которые ставятся с затратой больших средств.

«Шоу» бывают разного уровня, от самых низкопробных зрелищ, граничащих с порнографией, до высокохудожественных постановок. Однако чаще всего в одном и том же

представлении смешаны отдельные сцены весьма различных уровней. При этом постановщики «шоу» наряду с хореографическими и вокальными номерами, которые носят космополитический характер, нередко довольно широко используют национальные сюжеты, оформление и постановочные приемы.

В Японии популярен также народный кукольный театр. Особенность его — большие размеры кукол (от полуметровых до кукол почти в человеческий рост). Кукловоды, от одного до трех на каждую куклу, ходят по сцене или ездят на низких табуретках с колесиками у всех на виду. Условно невидимыми их делают черные халаты с капюшонами, как у рабочих сцены театра «Кабуки». Декорации в кукольном театре, как и в театре «Кабуки», в отличие от «Но» разнообразны и реалистичны, хотя обычно плоские (не объемные).

Театр теней, ранее широко бытовавший в Японии, сейчас почти исчез¹⁵. Его заменил «бумажный театр» — «ками-сибай», где по переносному экрану переставляются рисованные картинки. Этот театр — любимое зрелище японской детворы — обслуживается одним бродячим актером¹⁶.

В последние годы театр «ками-сибай» также встречается все реже в связи с широким распространением даже в самых отдаленных сельских местностях кинематографа.

Среди зрелищных предприятий можно выделить три основные категории: кинозалы, спортивные сооружения и залы для зрелищ театрального типа. Кинозалы полностью оборудованы в европейском стиле. Прокат фильмов, как правило, непрерывный, вход и выход во время сеанса свободный, в зале курят и разговаривают, нумерованы лишь самые дорогие места. В связи с этим фойе сведено к минимальным размерам, в нем может быть лишь небольшой буфет. Все это в равной мере относится как к самым примитивным помещениям с ценой за билет около 150 иен, так и к фешенебельным, оборудованным по последнему слову техники залам, где в дни премьеры разрекламированных боевиков цена билета может превышать дневной заработок рабочего. Японский кинотеатр в полном смысле слова проходное помещение, куда идут без всякой подготовки, которое в любой момент покидают. Отношение к пространству кинозала почти такое же, как к улице. Пространству, поэтому практически полное отсутствие в нем элементов традиционной бытовой организации вполне понятно.

В спортивных сооружениях пространство, в котором находится зритель, также в целом организовано по европейским принципам.

¹⁵ А. Е. Глускина, *Японский теневой театр*.

¹⁶ М. Joya, *Quaint Customs and Manners of Japan*.

Наиболее интересны с точки зрения синтеза западных и традиционных форм культуры театральные зрелища. Речь здесь идет только об одном аспекте зрелищного предприятия — бытовых принципах организации его материального пространства и о связанных с ними социально-бытовых аспектах поведения зрителей.

В Японии существует несколько довольно четко оформленных типов театрально-зрелищных помещений. Это специальные театральные здания, большие концертно-конференционные залы, малые концертные залы. Почти во всех из них можно давать представления, выдержанные как в западной, так и в традиционной и смешанной художественной манере. Кроме того, есть помещения, предназначенные только для национальных зрелищных жанров — «ёсэ», «Кабуки» и «Но».

Специальные театральные здания, как правило, являются собственностью крупных капиталистических зрелищных компаний, эксплуатирующих многочисленные труппы разных жанров. Это «театры актера», т. е. театры для постановки пьес, выдержанных в стиле современной европейской драматургии, как иностранных, так и японских авторов. Гораздо более широко распространены помещения для постановки эстрадных ревию и шоу. Все эти помещения, рассчитанные нередко на ряд быстро сменяющих друг друга сеансов, организованы в европейском стиле и хотя они накладывают на поведение зрителя несколько большие ограничения, чем кинозалы, тем не менее они схожи с кинозалами в одном смысле: значение театрального фойе как места социального общения здесь невелико и в зрелищах эстрадного типа сведено до минимума.

Конференционно-концертные залы являются частной или муниципальной собственностью. Для зрелищных мероприятий они могут сдаваться в аренду в договорном порядке. В условиях Японии художественные явления, которые могли бы обеспечить использование таких больших залов, довольно редки. Чаше они арендуются для проведения различного рода конференций. Здесь имеются обширные кулуарные помещения, выдержанные, как и зал, в европейском стиле, что вполне соответствует их публичному официальному использованию.

Малые концертные залы обычно представляют собой часть какого-либо большого конторского или торгового здания. Для художественных представлений они арендуются на определенный срок. Именно здесь среди самых разнообразных концертных программ — литературных, камерных и пр. — даются представления различных традиционных жанров, таких, как кукольный театр или театр «Но». В связи с камерностью представлений в малых залах в них прово-

дится или один сеанс, или промежутки между сеансами достаточно велики, чтобы создать возможность для социального общения зрителей. Но принципы организации пространства здесь те же, что и в больших залах.

Совершенно иную картину дают исконно японские традиционные зрелища, имеющие постоянное помещение, — «Кабуки» и «ёсэ». Зрительный зал театра «Кабуки» в старину представлял собой разделенные перегородками площадки циновок, в которых группами располагались зрители. Современные театры «Кабуки», имеющиеся в нескольких крупных городах, — это многоэтажные каменные здания, в основном европейской архитектуры, хотя всячески стилизованные внешним декором под традиционно-японский стиль. Внутри они также имеют европейского типа зрительный зал и обширные фойе, включающие много подсобных помещений. Посещение «Кабуки» в отличие от посещения кинотеатра или даже «шоу» — всегда событие в жизни японца, имеющее праздничную окраску. В «Кабуки» ходят семьями, часто с детьми. Идя в «Кабуки», люди стараются принарядиться, большую ценность в глазах посетителя имеет не только само зрелище, но и разговоры и встречи, которые происходят в фойе.

Представления «Кабуки» довольно длинные, они обычно включают в себя несколько пьес полностью, а также отдельные акты и фрагменты из других пьес. «Кабуки» — дорогое зрелище (билет стоит примерно 2000 иен), но тем не менее контингент его зрителей достаточно широк и включает не только богатую публику и эстетов-любителей, но и средние слои японского народа. Если бы не высокая цена, определяемая в значительной мере тем, что труппы «Кабуки» эксплуатируются все теми же крупными всемогущими компаниями, преследующими чисто коммерческие интересы, круг зрителей «Кабуки» мог бы быть еще шире. Именно популярность сюжетов «Кабуки» и хорошее знакомство публики с ними делают возможным восприятие концертной программы из отдельных фрагментов разных пьес. Иногда посетитель смотрит не все представления подряд, а только свои любимые сцены, время же между ними проводит в кулуарах. Среди ценителей искусства существует культ актеров «Кабуки», подобный культу кинозвезд или спортивных чемпионов.¹⁷ Поведение зрителей в зале, их реакция на происходящее на сцене, носит непринужденный характер. В антрактах зрители, подкрепляясь из принесенных с собой «бэнто» и термосов, попутно оживленно обмениваются впечатлениями. Таким образом, социальное и интеллектуальное общение в театре

¹⁷ Ф. Запорожский, *В театре Кабуки*; Н. И. Конрад, *Японский театр*.

«Кабуки» включает не только восприятие зрителем искусства исполнителя, но и общение зрителей между собой.

В то время как «Кабуки» получил мировую известность, другой национальный театральный жанр — «ёсэ» — вне Японии практически никому не знаком¹⁸. Этот жанр, основанный на искусстве одного актера-рассказчика и в принципе очень сходный с искусством конферанса и трансформации в западном понимании, был ранее чрезвычайно популярен в Японии как самое массовое зрелище. После широкого распространения кинематографа «ёсэ» одно время пришел в упадок, но сейчас вновь пользуется большой популярностью. Здания «ёсэ» — сравнительно небольшие одноэтажные помещения, в значительной степени продолжающие национальные традиции зодчества. Фойе там фактически нет, поскольку почти всю площадь занимает зрительный зал. Близость между планировочной структурой «ёсэ» и кинотеатра определяет и близость норм поведения для посетителя, вход и выход возможен в любое время в течение длинного сеанса. Однако между зрительным залом «ёсэ» и зрительным залом кинотеатра имеется одна существенная разница: кроме рядов кресел в «ёсэ» могут быть также большие боковые ложы с циновочным полом и перегородками, аналогичные структуре старинного зрительного зала «Кабуки». Группы посетителей могут располагаться там с гораздо большей непринужденностью, чем в рядах кресел. Этой архитектурно-конструктивной особенности зрительного зала «ёсэ» соответствует и поведение посетителей, весьма отличное от той свободы форм поведения, которую можно наблюдать в кинозале. В «ёсэ» существует живой контакт между исполнителем и зрителем. Исполнитель может ответить импровизацией на реакцию зала, установить своеобразный диалог между залом и сценой. Политически заостренный, злободневный текст анекдотов и каламбуров рассказчика рассчитан именно на такой теснейший контакт с аудиторией. Выступления рассказчика перемежаются номерами других жанров — музыкальных эксцентриков, фокусников, акробатов.

Своеобразен жанр резчика по бумаге, когда с молниеносной быстротой артист вырезает силуэтные композиции в ответ на «заказы», выкрикиваемые из зала, и, показав их зрителям, потом передает «заказчику» как сувенир. В «ёсэ» нередко можно видеть детей. Они самые большие ценители этого жанра. Таким образом, в «ёсэ» существует весьма непринужденная форма общения зрителей с исполнителями и зрителей между собой.

¹⁸ В русской литературе хорошее описание этого жанра дано в работе З. Попова, «*Ёсэй*» — театр народа.

Особое место среди увеселительных заведений занимают кабаре и ночные клубы — явления, достаточно характерные для любой буржуазной страны. Классовый состав посетителей таких заведений, разумеется, ограничен буржуазными слоями общества. Развлечения, которые предлагают посетителю кабаре или ночной клуб, — это выпивка, танцы и эстрадные представления, обычно довольно низкопробного характера. В этом отличие кабаре и ночных клубов от музыкальных кафе, где эстрадные выступления находятся на таком эстетическом уровне, что не теряют права называться искусством.

Довольно характерное для Японии явление, хотя в последние годы оно распространяется и в западных странах, — институт «хостесс». «Хостессы» — это девушки, которые служат в данном заведении и так же, как официантки, получают заработную плату сдельно, соответственно их выручке. «Хостесса» должна развлекать посетителей беседой и выполнять роль гостеприимной хозяйки.

На обычных в быту бизнесменов и связанных с ними буржуазных политических деятелей банкетах, морских прогулках и других увеселениях, где зачастую закрепляются или готовятся различные сделки, также присутствуют профессиональные «хостессы», которые придают непринужденность разговору, создают веселую светскую атмосферу в мужской компании.

На самом высшем уровне те же функции выполняют «гейши». Институт «гейш» сложился еще в феодальной Японии. «Гейша» может приехать на банкет или принять гостей в собственном доме, она развлекает их не только остроумной беседой, но также пением и танцами. Таким образом, «гейша» должна быть артисткой с многосторонними дарованиями. Это и профессиональная танцовщица, и певица, и квалифицированная служанка, остроумная собеседница, призванная придавать блеск и оживленность банкетам, празднествам, увеселительным поездкам и т. д.

Совсем молодые девушки — танцовщицы, только начинающие осваивать комплекс знаний, входящих в профессиональную подготовку гейш, называются «майко». «Майко» — наиболее характерная фигура для увеселительных заведений Киото, нестарин являвшегося центром искусства «гейш».

В XVIII—XIX вв. обычай выступлений «гейш» в японских празднествах широко распространился в стране. Позднее музыка, танец и пение в исполнении женщин приобрели форму отрасли ремесла, а сами исполнительницы образовали даже своего рода цеховую организацию. Большинство современных «хостесс» такой подготовкой не обладают, да в обычных случаях этого от них и не требуется. Профессия «хостесс»

и «гейш» во многих случаях, может быть даже в большинстве случаев, служит ширмой для той или иной формы проституции, официально запрещенной в послевоенной Японии¹⁹.

Однако ставить знак равенства между проституцией и институтом «хостесс» было бы ошибочно. После запрещения открытой проституции многие публичные дома приняли форму ресторанов, кабаре, ночных клубов. Замаскированная проституция существует под вывеской турецких бань, художественных фотостудий с манекенщицами-натурщицами, в форме подпольных притонов, уличной проституции и т. д. С другой стороны, в качестве «хостессы» в кабаре можно встретить и студенток, подрабатывающих таким путем деньги на учебу; часто «хостессы» довольно резко пресекают излишние вольности подвыпившего посетителя кабаре. Однако стремление нанимателя любым путем получить наибольший доход неизбежно вступает в противоречие со стремлением «хостессы» оградить свое женское и человеческое достоинство.

Транспорт

Здесь рассматриваются не сами средства транспорта как техническое явление, а роль транспорта в быту японцев и бытовые стороны в транспорте Японии.

В современной Японии имеется весьма развитая, частично электрифицированная железнодорожная сеть. Островной и горный характер страны обуславливает большое число мостов, паромных морских переправ, тоннелей, проходящих под морскими проливами между островами и сквозь горные хребты.

В густонаселенных, индустриальных районах Японии большое значение для трудящихся имеют пригородные поезда, электрические и дизель-моторные. В междугороднем рельсовом транспорте помимо поездов очень много небольших экипажей-дрезин, автомотрисс, одно-двухвагонных экипажей трамвайного типа. Основные линии железных дорог государственные, но их дополняет сеть второстепенных частных железных дорог.

Во всей этой сети сочетаются почти параллельные линии конкурирующих государственных дорог и частных компаний, отрезки магистралей большого протяжения и короткие линии сугубо местного значения. В менее населенных районах, например на Хоккайдо, характерен следующий способ рельсовой связи промышленных центров с отдаленными городками

¹⁹ О положении «хостесс» более подробно рассказывает небольшая, но очень содержательная статья Г. Светлова (см. Г. Светлов, *Ночные бабочки Токио.*).

и сельскими пунктами. Из центра выходит состав, состоящий из более чем десятка моторных вагонов. На узловых станциях этот состав постепенно распадается, и отдельные его части направляются по разным веткам. На конечные станции прибывают уже только отдельные вагоны. График обратного движения рассчитан таким образом, чтобы вагоны снова группировались, примыкали на соответствующих станциях к формирующемуся составу и как единый поезд возвращались в центр.

В Токио, Осака и Нагоя имеется метро. В больших городах те же функции, что и метро, выполняют наземные электрические железные дороги. В путях сообщения этого типа трудно отграничить междугородные и внутригородские линии, особенно в пределах больших скоплений городов. В 60-х годах появились небольшие эстакадные линии надземных мотнорельсовых дорог.

Несмотря на значительные расстояния, спальные, а тем более купированные вагоны мало распространены. Это вызвано узкой колеей, а следовательно, узким общим габаритом вагона. Как правило, в спальных вагонах двухъярусные койки расположены вдоль вагона²⁰, причем верхние койки убираются на день, а нижние легко конвертируются в кресла, так что интерьер салона не отличается от обычного «сидячего» вагона. При переоборудовании его на ночь в спальный вагон используются приставные лесенки и занавески. В специфику быта спального вагона, по аналогии с гостиничным бытом, входят халаты «юката» и туфли-«слипперы», выдаваемые пассажирам вместе с комплектом спального белья.

Основная масса междугородных пассажиров путешествует в «сидячих» вагонах, которые бывают первого и второго класса. Вагоны второго класса обычно не имеют плацкартных мест, и очень часто даже на очень значительные расстояния. Двухместные мягкие или полумягкие диваны-кресла иногда делаются с регулируемой спинкой, с откидной подножкой, обитой тканью, на которую пассажир ставит ноги, предварительно сняв обувь. На креслах с неоткидной спинкой пассажиры, особенно женщины, тоже часто устраиваются, следуя традиционным навыкам. Они снимают обувь и садятся на кресло с ногами, в положении, близком к «сэйдза». Однако бывшие ранее в употреблении вагоны с «татами», без европейских сидений, сейчас совершенно исчезли. Это вызвано, в частности, урбанизацией сельского быта, повсеместным распространением европейской одежды, для которой более гигиеничным и удобным является европейское сиденье. За

²⁰ В вагонах I класса. В вагонах II класса койки поперечные, что гораздо менее удобно и создает большую тесноту.

исключением части женщин, путешествующих в «кимоно», большинство пассажиров дневных поездов сейчас одеваются по-европейски. Многие вагоны оборудованы туалетами двух типов — японского и европейского.

Внутригородской и пригородный рельсовый транспорт перегружен в Японии еще больше, чем междугородный. В связи с постоянно растущим населением городов, увеличивающимся числом рабочих, едущих на работу из сельской местности и пригородов, в утренние и вечерние часы пик поезда загружены до предела. Железнодорожные компании нанимают на эти часы бригады «трамбовщиков», в основном из молодых студентов, которые, образовав цепочку, заталкивают в вагоны толпящихся у дверей пассажиров. Пожалуй, нигде неудобства современного образа жизни капиталистического города не противоречат столь резко японскому национальному характеру и манере поведения, как в городском транспорте. В переполненных вагонах люди ведут себя с присущей им сдержанностью, пробираются к выходу молча: претензий, вопросов, извинений, просьб потесниться почти не слышно. На перронах метро у линий, отмечающих двери подходящих вагонов, выстраиваются очереди, не мешающие выходу. Но бывают часы, когда перегрузка достигает таких размеров, что эти навыки организованности уже оказываются бессильными и возникает толчея. Предпочтение, которое по европейским нормам поведения оказывается женщине, для Японии не характерно. В этом сказываются пережитки старого семейного быта. В противоречии с традиционным для японского быта подчеркнутым уважением к старшим японцы в транспорте, как правило, не уступают места даже пожилым людям. Это явление послевоенных лет. Перемена объясняется, по-видимому, не столько падением уважения к старшим, которое продолжает оставаться высоким, сколько присущим японцам скромным отношением к оказываемым знакам вежливости. Человек, которому предложили место, не займет его сразу, скорее всего он откажется, попросит не беспокоиться, и только после повторных настоятельных предложений согласится. Этот традиционный стиль был еще возможен в довольно свободных поездах довоенного времени, но, естественно, в современных условиях оказывается уже неприемлемым. Поэтому молодой человек зачастую не решается уступить место пожилому, так как боятся, что на его предложение ответят вежливым отказом.

Оплата рельсового транспорта всех видов (кроме трамвая) ведется по километровому тарифу. Цены на билеты весьма высоки и при ежедневных поездках на работу составляют тяжелое бремя для бюджета трудящихся. Контроль над оплатой проезда осуществляется не столько путем внутривагон-

ной проверки, сколько путем компостирования билетов контролерами при входе на перрон станции отправления и при выходе с перрона станции назначения. При превышении расстояния взимается не штраф, а доплата либо вагонным контролером, либо на выходе.

Немаловажное значение имеет для Японии и морской каботажный транспорт. Речное судоходство, осуществляемое в основном небольшими грузовыми моторными баркасами, не играет существенной роли.

На морских паромах и каботажных пассажирских судах, курсирующих на небольшие расстояния, пассажирские салоны обставлены креслами. На больших паромах, переезд на которых через крупные проливы занимает много часов, и на судах, совершающих более дальние рейсы, имеются также помещения, разделенные проходами на ряд огороженных возвышений, пол которых обит тканью. Здесь пассажиры, выставив снятую обувь в проход, располагаются в обычной одежде, сидя или лежа. На мелких каботажных судах, плавающих преимущественно в сельской островной местности, пол пассажирских помещений покрыт «татами». Здесь основной контингент пассажиров составляют крестьяне с разнообразным скарбом, в основном с узлами, одетые в национальную или смешанную одежду, и для них такой тип помещения продолжает оставаться наиболее подходящим.

Автомобильный транспорт в Японии очень развит. Наряду с мощными грузовыми автомобилями повсюду используются микролитражные легковые машины, трехколесные сверхлегкие грузовики и др.

В 1965 г. в Японии имелось 1800 тыс. легковых машин. В этом же году произведено 580 тыс. легковых, 1100 тыс. грузовых машин, 18 тыс. автобусов и 2100 тыс. мотоциклов²¹.

Однако даже микролитражные легковые машины очень дороги и недоступны для большинства даже относительно состоятельных семей. Их собственники — почти исключительно представители городской буржуазии. Кроме того, в условиях японского города не так легко найти место, где поставить автомобиль, хотя по японским законам для приобретения и пользования автомобилем достаточно иметь участок собственной земли, вмещающий половину машины.

Улицы японских городов забиты автотранспортом до предела, и рост числа частных машин, который не исключен в будущем, может вызвать новые трудности. Для разрешения проблемы городского транспорта большинство магистралей переводится на одностороннее движение (между прочим, в Японии, как и в Англии, левостороннее движение и, следо-

²¹ «Japan Handbook», 1966, p. 46.

вательно, рулевое колесо размещается справа). На многих участках стоянки запрещены или сделаны платными. Строятся эстакадные магистрали (въезд на них, разумеется, тоже платный). Но, несмотря на эти меры, транспортные пробки, особенно на перекрестках, у рельсовых переездов, на узких внутриквартальных проездах, где может пройти только одна машина, остаются бичом японских городов.

Показательно для манеры поведения японцев, что почти никогда в таких случаях между водителями не возникает ссор или перебранок, напротив, они проявляют максимум сознательности и организованности. Когда есть возможность отъехать и уступить дорогу, она всегда используется, и водитель машины, которому уступили дорогу, обязательно поклоном и движением руки поблагодарит за проявленное внимание. Правила движения, впрочем, нарушаются постоянно, особенно водителями частных машин. Полиция в организации движения оказывается довольно беспомощной. Пешеходы, напротив, в интересах собственной безопасности весьма дисциплинированы, но, несмотря на это, только в Токио ежедневно на улицах подбирают до 150 и более раненых и несколько убитых. Пассажиры в легковой машине всегда предпочитают заднее сиденье — в случае катастрофы оно менее опасно.

В местах, где дети по пути в школу должны переходить магистраль, они сами (или с помощью воспитательниц) регулируют движение. Когда соберется группа ребят, один из малышей поднимает флажок, и движение замирает. На ряде опасных перекрестков установлены урны с флажками, и пешеход перед переходом берет флажок и подымает его над головой, чтобы быть заметнее издали водителям мчащихся машин. Перейдя, он опускает флажок в урну на другой стороне. На левом повороте сворачивающую машину просят притормозить простым поднятием руки.

Таксомоторный транспорт широко развит. Большинство машин принадлежит крупным и средним компаниям, но есть и таксисты-одиночки. Оплата производится по счетчику, который в момент включения сразу показывает оплату за два километра — это минимальная сумма, даже если ездка гораздо короче. Начиная с третьего километра счетчик начисляет десятки иен. Стоимость поездки бывает различной в зависимости от класса машин ²².

Автобусы преобладают в коммунальном внутригородском транспорте. Междугородные автобусы в основном связывают железнодорожные станции с пунктами, удаленными от железной дороги. Но там, где отсутствует или недостаточна рельсо-

²² В 1960 г. — 60—100 пен за 2 км в Токио и до 150 пен в курортных городах; в 1966 г. — не менее 90 пен.

вая сеть (в некоторых горных районах, на сравнительно небольших островах), автобус служит основным междугородным транспортом.

Трамвай имеется во многих городах, где он ходит по старым центральным магистралям. В районах новой застройки кое-где имеются троллейбусные линии. В процессе реконструкции городских центров трамвайные линии снимаются и заменяются автобусными, что сильно отражается на бюджете трудящихся²³.

При гористом рельефе Японии большое распространение получили канатные подвесные дороги. Однако они в основном имеют значение не столько повседневного транспорта, сколько аттракциона, связывая городские улицы с расположенными на близлежащих холмах развлекательными комплексами, смотровыми площадками, небольшими парками и т. д. Такие дороги особенно характерны для курортных городков и объектов туризма.

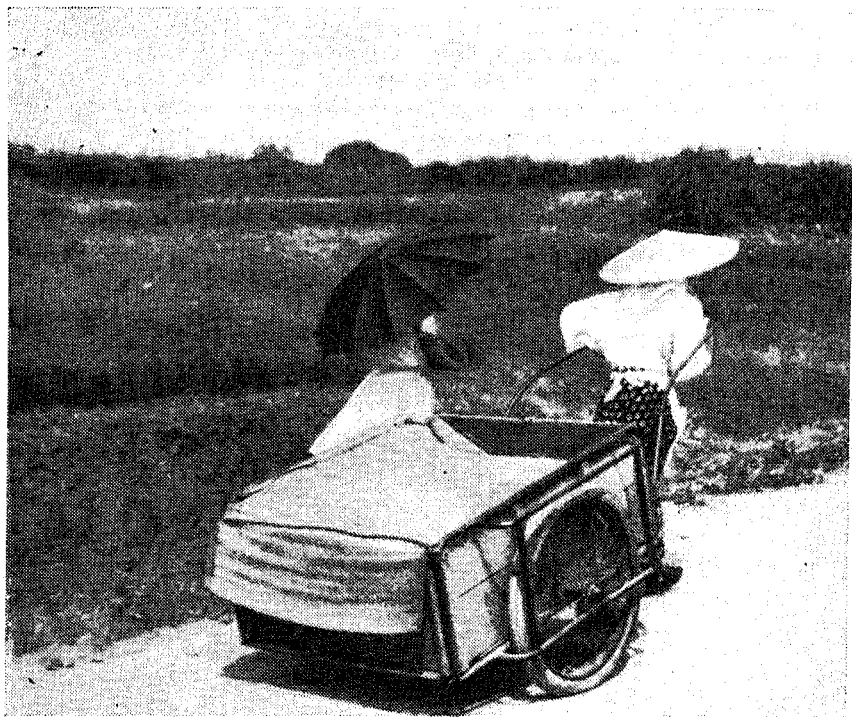
Использование для транспорта животных никогда не было характерно для Японии. Запряженную лошадей или коровой телегу можно встретить очень редко, почти исключительно в сельской местности, и то в основном при внутривоспользованных перевозках, например при вывозе удобрений на поля.

И в городе и в деревне очень популярен велосипед. В деревне он используется как личный транспорт. Многие жители деревни, работающие в городе, ездят на велосипеде до ближайшей станции, там ставят машину в специально приспособленные для этого ряды зажимов, и дальше едут поездом, а возвращаясь вечером, снова забирают велосипед и на нем приезжают домой.

Довольно многие пользуются мотоциклами. В основном это люди подвижных профессий — агенты, коммивояжеры. Нередко на мотоцикле можно увидеть и миссионера-проповедника в монашеской сутане или буддийской орденской тоге и в шлеме гонщика.

В городе, особенно крупном, велосипед как личный транспорт малоприменим из-за обилия автомашин. Но им широко пользуются в пределах квартала для поездок по внутриквартальным узким проездам разносчики, курьеры, посыльные при развозке товаров на дом и по другим мелким пунктам. При этом груз держат или на руках, или в прикрепленных к раме сетках-багажниках, а часто на двухколесной тележке-прицепе к велосипеду «риака» (от англ. «риэр-кар»). «Риак» при-

²³ Стоимость проезда в трамвае в 1960 г. составляла 13 иен независимо от расстояния, в автобусе — от 20 иен и выше, в зависимости от расстояния.

Риака в качестве ручной тележки, район Сэндая

меняют и крестьяне. Нередко эта тележка используется отдельно от велосипеда. В нее впрягается человек, наподобие возницы пассажирских «рикш» в Японии конца XIX — начала XX в. В первые годы после войны «рикш» почти везде вытеснили трехколесные педикобы — велорикши с сиденьем для пассажира. Сейчас почти повсюду исчезли и педикобы, уступившие место современным такси. Кое-где они еще сохраняются в связи с местными специфическими условиями. Так, в Осака педикобами пользуются дельцы, которым нужно срочно попасть из одного конца города в другой. В часы пик, когда все магистрали запружены потоком автомашин, рикша-педикоб провезет пассажира окольным путем узенькими улочками быстрее, чем на такси. В туристских центрах, таких, как Нара, Киото, в некоторых районах Токио и нарядные педикобы и настоящие старинные рикши-одноколки используются в основном падкими на экзотику туристами, а также «гейшами», которым, так сказать, «по штату» положено ездить на рикшах, хотя, строго говоря, в средневековой Японии

единственным транспортом для них, как и для знатных женщин, был портшез, а коляска рикши — это изобретение XIX в.

До сих пор широко практикуется переноска груза на кономысле. Для старой Японии очень характерны были также спинные выюки разных типов. Это транспортное приспособление почти полностью вышло из употребления. Однако традиция переноски грузов на спине сохранилась. И в деревне и в городе повсеместно можно видеть людей, главным образом пожилых, которые несут на спине весьма громоздкие грузы, обернутые в ткань, концы которой завязаны на груди. Такая система крепления спинного груза при помощи поперечной лямки, опирающейся на ключицы, свойственна для всей Восточной Азии, от тропиков до Арктики. Но в данном случае она выступает в сочетании с традицией, наиболее характерной именно для Японии: переноска грузов, в том числе громоздких, в узле из куска ткани. Другая форма этой традиции — «фуросики». Слово это буквально означает «банная подстилка». В средние века это был большой платок, на котором раздевались перед купанием, а затем платок с грязной одеждой завязывался крест-накрест узлом и уносился. Сейчас «фуросики» заменяет японцам всех слоев сумки, чемоданы, мешки и портфели. Конечно, все эти предметы также употребляются в Японии, но употребление «фуросики» шире и универсальнее. «Фуросики» имеют квадратную форму размером около метра, делаются разноцветными, с красивыми крупными узорами. В узлах из «фуросики» носят ящики, коробки с покупками, завтраки, книги, свертки, пакеты и вообще все, что понадобится.

На спине носят не только грузы, но и детей. Старое приспособление — платок, узлы которого завязываются на груди, в этих случаях сейчас заменяется более удобной наплечной ляжкой с матерчатым сиденьем для ребенка. Такое приспособление обычно шьется из черного бархата. Так матери носят маленьких детей. Иногда на спине носят и детей более старшего возраста (если ребенок устал). Ребенок обхватывает шею несущего, который поддерживает его руками, сцепленными за спиной.

Таким образом, можно сделать вывод, что там, где человек находится в пассивном отношении к транспорту, в качестве пассажира, возобладали западные бытовые формы с некоторыми элементами адаптации к традиционным навыкам. Напротив, в качестве субъекта транспорта, даже при наличии технических усовершенствований, человек в Японии продолжает придерживаться многих традиционных обычаев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении всей книги наряду с описанием современного японского быта отмечались некоторые закономерности в его изменении. Здесь эти замечания сводятся воедино и повторены в несколько обобщенной форме.

Часть изменений, происходящих в наши дни в японском быту, вызвана социально-экономическими преобразованиями в стране, прежде всего тем, что крестьянский быт и все с ним связанное, бывший основой общенациональной модели бытовой культуры на протяжении многих веков, практически вплоть до конца первой половины XX в., сейчас уже не является основным. Резко изменилось соотношение между сельским и городским населением. Определяющей общенациональной моделью становится быт городских жителей, прежде всего «людей зарплаты». В складывании этой модели решающую роль играют социально обусловленные вкусы, потребности и оценочные концепции «средних слоев» — многочисленной служащей интеллигенции (так называемых «белых воротничков»), сравнительно высокооплачиваемой части рабочего класса, а также, правда в меньшей степени, мелкой и средней буржуазии.

В крестьянском быту происходят изменения, связанные с внутренними факторами экономического развития сельского хозяйства. Традиционные методы ведения сельского хозяйства, формы орудий, типы удобрений уступают место современным. Появляются новые отрасли сельского хозяйства — молочное животноводство, декоративное цветоводство; наряду с тяготением к ведению комплексного хозяйства проявляются тенденции к образованию локальных монокультур. На этом общем фоне идет процесс роста числа относительно крупных капиталистических фермерских хозяйств. Подсобные промыслы либо исчезают, либо превращаются в основные занятия. В последнем случае, как и при развитии центральных административных «бураку», происходит преобразование сельских поселений в мелкие городские. В любом случае, и в городе и в деревне, растет отграничение производственной сферы от непосредственно жилищно-бытовой.

В более частных сферах быта и разделах материальной

культуры помимо изменений, вызванных техническим и экономическим развитием, особо важное место занимают изменения, обусловленные сочетанием и взаимным влиянием традиционной национальной и современной интернациональной групп элементов культуры.

В этих изменениях можно отметить ряд специфических закономерностей. Мы не касаемся здесь изменений, происходящих в семейном быту, в общественных отношениях и разных областях духовной культуры. Эти темы были объектом специального исследования в обширной японской социологической литературе, для обобщения которой потребовался бы особый труд. Здесь мы ограничимся подведением ряда итогов рассмотрения бытовых аспектов материальной культуры, которые являются основным объектом исследования и описания в данной книге.

Мы уже подчеркивали решающую роль навыков в определении направления синтеза традиционной и интернациональной культуры. Элементы материальной культуры, не связанные с навыками, изменяются гораздо легче, чем элементы, изменение которых повлечет за собой изменение каких-то навыков. В жилище модернизация и синтез двух культур коснулись прежде всего самой коробки дома — материала, конструкции, отделки стен, поскольку это не затрагивало сформировавшихся навыков. Изменилось соотношение между глухими и раздвижными перегородками. Однако сам принцип «фусума» и «сёдзи» сохранился, сохранились и «татами» как определяющий момент интерьера. Никакие европейские нововведения не смогли пока существенно потеснить эти элементы культуры, потому что они тесно связаны со всей системой навыков поведения в жилище и их отмена потребовала бы ломки этой системы навыков. Несмотря на всеобщее внедрение нового (разумеется, относительно) навыка сидеть на стуле, старый навык сидения на плоскости сохранился и в сфере интимного быта преобразовал предмет нововведения (стул) в лишенный ножек «дзансу». Более того, когда была введена такая новая сфера быта, как общественный транспорт (вагоны, катера и т. д.), то население осваивало его своим старым комплексом навыков, что привело к появлению «татами» или их аналогов в салонах для пассажиров. Развившийся затем навык сидеть по-европейски привел к отмене сидения на плоскости в поездах, но в водном транспорте оно еще сохраняется. Тем не менее и в поездах навык отдыха без обуви заставил добавить к обычным креслам специальные подножки. Таким образом, всякое нововведение в быту имеет наибольшие шансы на успех в том случае, когда оно не затрагивает имеющиеся навыки или соответствует им.

Не все навыки одинаково влияют на степень и темп вжи-

вания новых явлений культуры. В этом отношении большое значение имеет разница между активными и пассивными навыками. Так, например, навык сидеть — это навык пассивный, а навык открывать окно — навык активный. Вполне закономерно поэтому, что стул вжился в японский быт легче и глубже, чем петельные формы дверей и окон. Навыки движения, конечно, имеют большую степень активности в производственных занятиях, чем при нейтральной уличной ходьбе. Поэтому при широком распространении вообще европейской обуви в производственном быту крестьян и мастеровых сохраняется обувь с напальчником типа «гому-таби».

Однако, коль скоро становится необходимым освоение целой сферы новых навыков, от несоответствующих им традиционных предметов, как бы они ни были привычны, приходится отказаться. Национальный костюм в Японии поэтому сохранился лишь в сфере отдыха, досуга, домашнего хозяйства.

Вопросы, связанные с одеждой, занимают особенно важное место в теории материальной культуры. Из всех сторон материальной культуры одежда — наиболее общепринятый этнический показатель и символ этнического самосознания. По сравнению с элементами жилища, предметами мебели и утвари предметы одежды наиболее многочисленны, наиболее быстро изнашиваются, а следовательно, часто меняются и легко могут быть изменены. Наконец, по отношению к ним в наибольшей степени проявляется индивидуальный вкус и подход. Поэтому то, что можно выделить в одежде общего в масштабах всего населения, приобретает особо важное значение.

Прежде всего коснемся такого кардинального вопроса, как историческая динамика распространения культурно-бытовых явлений. С этой целью необходимо свести конкретное многообразие классовых, сословных и прочих социальных различий к трюичной структуре: верхушка общества, средние слои и народные массы. В условиях Японии при феодализме верхушка общества будет охватывать феодальную аристократию, средний слой — основную массу самураев, а также торгово-ремесленное городское население, народные массы — крестьянство и отчасти городское плебейское население. В буржуазном обществе верхушка общества — крупнейшая и крупная буржуазия, средний слой — это прежде всего основная часть трудящейся интеллигенции, однако сюда же относятся и значительное число представителей мелкой и средней буржуазии, а в более позднее время и наиболее высокооплачиваемая часть квалифицированных рабочих; к народным массам следует отнести основной контингент крестьянства и рабочих.

Основная модель динамики распространения культурно-бытовых явлений такова: процесс начинается с внедрения какого-то бытового элемента в быт верхушки. Очень часто этот элемент представляет собой переработку явления, зародившегося в недрах трудовых масс своего или чужого народа, нередко заимствуется из другой верхушечной культуры, иногда изобретается заново. Затем, проходя процесс переработки, своеобразной обкатки и обживания, этот элемент входит в быт средних слоев, а потом и народных масс. Экономической предпосылкой возможности такого процесса является развитие общества в целом, рост его производительных сил¹.

Таким путем в позднее средневековье и отчасти даже в XIX в. происходило распространение ныне общенациональных бытовых явлений типа «татами», «токонома», «фуросики». В общем, аналогичным путем происходило в Японии и распространение элементов европеизированного быта. Однако динамика распространения европейского костюма в Японии, особенно если сопоставить аналогичные процессы в других странах Азии, позволяет более детализировать нашу схему в условиях новейшего времени. Первоначально европейский костюм в неевропейской этнической среде входит в быт верхушки, где он выглядит как нарядный, но вскоре получает широкое распространение и среди средних слоев. Одновременно для быта верхушки он становится привычным и повседневным, и здесь уже начинается противопоставление национального костюма европейскому как более нарядного и парадного. Создается обстановка, характерная, например, для Индии середины XX в.: европейский костюм распространен в основном в средних слоях, массы ходят «еще» в национальном костюме, а верхушка «уже» вновь воспринимает повторно обретший престижные функции национальный костюм.

Когда, как в Японии в наши дни, развитие производительных сил позволяет снабдить одеждой фабричного производства все слои населения, происходит сглаживание различий в одежде между различными группами общества: европейский костюм становится обычным и привычным даже для масс, и во всех слоях населения распространяется общенациональная модель, представляющая собой нечто среднее между европейским и традиционным платьем.

Те же тенденции управляют процессами взаимопроникновения разных культур и в других сферах быта, но там им приходится преодолевать более значительную силу инерции сло-

¹ Иногда бытовой элемент начинает свой путь не с верхушки общества, а непосредственно с наиболее состоятельной части средних слоев, но это не меняет сути дела.

жившихся бытовых комплексов. Разумеется, конкретная историческая обстановка в Японии, в частности экономические и политические последствия второй мировой войны, неизбежно оказывает влияние на ход этих процессов. Так, они влияют на изменение национально-психологических, социально-оценочных факторов в определении предпочтения и престижного значения тех или иных форм одежды.

Представление о том, какой комплекс более наряден, является решающим для определения возможностей сочетания разнородных элементов. Человек, нарушивший законы сочетания, будет выглядеть смешным. Важным с этой точки зрения представляется разделение костюма на основную, определяющую часть и аксессуар².

Концентрирование традиционных элементов в наиболее интимных бытовых сферах может быть развито в представлении об условно-концентрических сферах быта, где каждая последующая сфера является внешней по отношению к предыдущей и, следовательно, более проникнутой западными чертами. Буквальное материальное воплощение этого принципа было описано выше при характеристике современных японских гостиниц.

Рассмотрение соотношения между теми чертами старого быта, которые постепенно отмирают, и чертами, сохраняющими паразитическую жизнеспособность, между старыми элементами культуры и вытесняющими их новыми явлениями позволяет сделать вывод, что бытовые комплексы и явления, которые в силу тех или иных причин наглухо замыкаются от проникновения новых явлений, не имеют перспектив дальнейшего развития и постепенно отмирают. Впрочем, это естественно. Развитие без восприятия новых черт в условиях контакта двух культур практически немыслимо. Напротив, явления, которые широко открыты для влияний, заимствований, модернизирующих изменений, оказываются часто не менее жизнеспособными, чем их конкурирующие аналоги из интернациональной культуры. Когда комплекс явлений или отдельное бытовое явление из арсенала заимствований в культуре приходит на смену своему аналогу традиционного происхождения, вытесняет и замещает его в определенной ячейке сети общественных потребностей, специфика подхода, сформиро-

² Любопытный пример эволюции критериев предпочтения дают Малайя и Индонезия середины XX в. Здесь в быту средних слоев европейский костюм считается нарядным; соответственно основной элемент национального костюма — саронг — может дополняться европейскими аксессуарами, вплоть до пиджака. С другой стороны, в верхушке общества уже заметна симпатия к возрождению национального костюма, поэтому европейский костюм гостя на торжественном приеме или гвардейца в почетном карауле может дополняться уменьшенным саронгом, выступающим уже как аксессуар.

вавшегося по отношению к вытесненному явлению, в значительной мере переносится на вытесняющее явление. Примерами этого могут служить «рэйфуку» и «монингу», «ёсэ» и кинотеатр и т. д.

Однако в других случаях, когда коренным образом изменяется сама общественная потребность или исчезает старая потребность и возникает совершенно новая и вводится соответственно новая форма ее удовлетворения, мы видим, что старый элемент культуры исчезает быстро и бесследно, а новый заимствуется в готовой и законченной форме, оставляющей мало возможностей для воздействия традиционной культуры. Исчезают старые прически и старинные трубки, соответственно исчезает профессия цирюльника или чистильщика трубок, появившиеся парикмахерские и табачные киоски не имеют с ними ничего общего, не связаны никакими нитями. А вот между «ятай» и автомобильным фургонным буфетом можно отметить преемственность черт, ибо здесь имел место не обрыв общественной потребности, а постепенное ее видоизменение.

Модернизация бытовых явлений и предметов, т. е. подтягивание их к уровню возросших потребностей общества, не всегда и не обязательно должна происходить через восприятие заимствованных элементов и синтез с ними традиционных явлений. Постельную принадлежность или утварь традиционной формы, целиком укладываемую в рамки традиционных функций и навыков, но изготовленную из новых синтетических материалов взамен традиционных, ни в коем случае нельзя рассматривать как пример вестернизации. Таким образом, помимо культурного синтеза есть и такой путь модернизации традиционных бытовых предметов, как их техническое усовершенствование. «Окиготацу» с электрическим нагревательным элементом вместо угольного, ванна «фуро» с газовой топкой вместо дровяной могут служить примерами такой модернизации. Но когда кофта «хаори» для большего удобства снабжается манжетами, петлями и пуговицами, это уже путь к модернизации через культурный синтез.

Несмотря на значительную преобразующую роль новых материалов и новой техники в японской материальной культуре, общий облик предмета, как правило, изменяется в результате их применения лишь там, где это не противоречит навыкам: в доме эти изменения относятся больше к наружной части, чем к интерьеру; в одежде или в предметах домашнего обихода — больше к отделке, чем к покрою или конструкции.

Пропорции, в которых сочетаются традиционные и новые элементы в различных сферах японской жизни, пока не подвергались точному статистическому подсчету. Однако такой

подсчет был бы очень полезен. При условии точности полученных статистических данных эти пропорции могли бы послужить материалом для выводов, базирующихся на методике математического анализа.

Но и без такого анализа вполне очевидно, что почти во всех областях жизни и материальной культуры в быту японского горожанина имеет место сосуществование, а очень часто взаимопроникновение, взаимовлияние и синтез явлений традиционного и заимствованного происхождения.

Сближение в бытовой сфере этих разных компонентов облегчается в наши дни тем, что между современной интернациональной культурой и бытовой японской культурой различий стало меньше, чем сто лет назад. В современной интернациональной культуре, точнее, в большом числе ее конкретных национальных вариантов во многих странах, появляется все более черт, сходных с японской культурой, иногда под прямым или косвенным влиянием японских или близких черт других культур Востока. Можно привести несколько примеров: обувь с междупальцевыми ремнями и связанные с ней носки с напальчниками, двери и окна скользящего типа, окна-стены, прямолинейность и сглаженность контуров в архитектуре малых форм, замена дверных ручек углублениями типа японских «хикитэ», замена шкафов стенными нишами, уменьшение (понижение) габаритов интерьера и обстановки и т. д.

Взаимопроникновение и взаимообогащение интернациональной и национальной культур идет не только в утилитарной, но и в эстетической сфере. Немалая роль в этом процессе принадлежит японской культуре. Особенно ощутимо это в области архитектуры и прикладного искусства. Как отмечает Г. Навлицкая, японский национальный стиль завоевывает все большую популярность на Западе. «Необычайная логичность, — пишет она, — чистые строгие линии, незамкнутость интерьера, гармонически соединяющего наружные и внутренние объемы, каркасное строительство, позволяющее освободить стены от несущих функций и превратить их в обширное поле деятельности декоратора, гармоничное сочетание здания с окружающей природой — все это как нельзя лучше отвечало общим тенденциям, проявляющимся в развитии мировой архитектуры»³. Можно отметить также декоративное покрытие поверхностей (дворов, витрин) гравием, декоративные островки скал и зелени на плоскости, садовые дорожки из многогранных каменных плит и многие другие детали архитектуры, композиционные приемы нанесения орнамента на бытовые предметы и др. Значение этих взаимных

³ Г. Б. Навлицкая, *По Японии*, стр. 27.

процессов выходит за национальные и бытовые рамки, ибо они способствуют обогащению общечеловеческой культуры в целом. Совершенно очевидно, что аналогичные процессы идут во многих странах, обладающих существенно отличной от «западного» стандарта культурой. Вряд ли можно сомневаться в том, что и в области бытовой материальной культуры интернациональная культура в дальнейшем будет обогащаться за счет лучших достижений национальных культур азиатских, африканских и других неевропейских народов, создавая тем самым основы для будущей единой культуры человечества.

- Анучин Д. Н., *Япония и японцы. Географический, антропологический и этнографический очерк*, М., 1907.
- Арутюнов С. А., *Заметки о быте японских рабочих*, — «Советская этнография», 1963, № 6.
- Арутюнов С. А., *Новые черты в японском женском национальном костюме*, — «Советская этнография», 1955, № 4.
- Арутюнов С. А., *Этнографическая поездка в Японию*, — «Советская этнография», 1961, № 3.
- «Архитектура стран ЮВА. Очерки», М., 1960.
- Бартель Г., *Огненное погребение в Японии*, — «Коммунальное хозяйство», М., 1925, № 20, стр. 61—67.
- Вениаминов И. Г., *Религия и христианство в Японии*, СПб., 1905.
- Гагеман К., *Игры народов*, вып. 2, Япония. Пер. с нем., Л., 1925.
- Глускина А. Е., *Генетические связи японского народного театрального искусства*, М., 1945.
- Глускина А. Е., *Японский теневой театр*, — «Советская этнография», 1936, № 3.
- Глушенко И. Е., *У зарубежных друзей*, — сб. «Что мы видели в Японии. Путевые записки», М., 1957, стр. 417—471.
- Грэд А., *Земля и крестьянин в Японии*. Пер. с англ., М., 1954.
- Денике Б. П., *Япония*, М., 1935.
- Денике Б. П., *Японская архитектура*, — «Академия архитектуры», М., 1935, № 3.
- Дзюндзи К., *Актуальные проблемы японского театра*, — «Театр», М., 1957, № 7.
- Дмитренко Р. П., *Народное творчество Японии. Миниатюрная скульптура*, М., 1928.
- Жуков Е. М., *История Японии*, М., 1939.
- Запорожский Ф., *В театре Кабуки*, — «Октябрь», 1957, № 8.
- Кобылинский А., *Японская музыка*, — «Советское искусство», 1928, № 3.
- Комаров А. В., *Заработная плата в промышленности Японии*, — сб. «Современная Япония», М., 1964.
- Конрад Н. И., *Восток и Запад. Сборник статей*, М., 1963.
- Конрад Н. И., *Литература Китая и Японии*, М., 1935.
- Конрад Н. И., *Япония. Народ и государство*, Пг., 1923.
- Конрад Н. И., *Японский театр*, — сб. «Восточный театр», Л., 1929.
- Кюнер Н. В., *Географический очерк Японии*, — «Известия Восточного института», Владивосток, 1904.
- Латышев И. А., *О роли религии в политической жизни Японии*, — сб. «Современная Япония», М., 1964.
- Маас Я. и Реферовская М., *Современная квартира*, Варшава, 1963.
- Макош У., *Япония сегодня*, М., 1962.
- Миками Я., Кудо Ш., *Наши японские танцы. На встрече кукольников*, — «Театр», 1957, № 10.
- Навлицкая Г. Б., *По Японии*, М., 1965.
- «Народы Восточной Азии», М.—Л., 1965.
- Николаева Н. С., *Художественные особенности традиционного японского интерьера*, — в кн. «Искусство Японии», М., 1965.
- Нойман Д., *Японские лаки*, — «Искусство», 1935, № 2.
- Овчинников., *Сто первый лик Фудзи*, — «Звезда», 1966, № 5.

- Ойстрах Д. Ф., *Заметки о японской музыке*, — «Советская музыка», 1955, № 6.
- Позднеев Д. М., *Материалы по истории Северной Японии и ее отношение к материку Азии и России*, т. 1, *Данные географические и этнографические*, Иокогама, 1909.
- Позднеев Д. М., *Япония. Общий очерк страны*, СПб., 1941.
- Попов К. М., *Япония. Очерки развития национальной культуры и географической мысли*, М., 1964.
- Попова З., *Есэй — театр народа*, — «Современный Восток», 1960, № 6.
- Пущенко Ф., *Японская письменность*, — «Восточный мир», 1927, № 1.
- Радуль-Затуловский Я. Б., *Конфуцианство и его распространение в Японии*, М.—Л., 1947.
- Родин Л. Е., *Пять недель в Южной Америке*, М., 1952.
- «Сборник статей по этнографии Японии», Изд. Политупр. Забайкальского военного округа, 1941.
- Светлов Г., *Ночные бабочки Токио*, — «Азия и Африка сегодня», 1966, № 3.
- Симонов К., *Рассказы о японском искусстве*, — «Иностранная литература», М., 1958, № 7, 8.
- Треварта Г., *Япония (Физическая и экономическая география)*, М., 1949.
- Федоренко Н. Т., *Японские записи*, — «Новый мир», 1966, № 7.
- Форд Д. А., *Количественный метод установления археологической хронологии*, — «Советская этнография», 1963, № 1.
- Хирьяков А., *Во что веруют японцы?*, М., 1906.
- Эренбург И., *Японские заметки*, — «Иностранная литература», 1957, № 8.
- Эрстрем К., *Бамбуковый фонарик. Книга о Японии японцев*, пер. со шведск., М., 1964.
- Юренев Р., *Японское киноискусство*, — в кн.: «Вопросы киноискусства. Сборник статей и материалов», М., 1956.
- Адати Ясуси, *Нихон-но Кэнтику (Японское строительство)*, Токио, 1956.
- Аонума Есимацу, *Нихон-но кэизисо (Японские менеджерские слоги)*, Токио, 1965.
- Аонума Есимацу, *Сангётэки тосинти тоситэ-но Токио-но сэйкаку (Характер Токио как промышленного центра)*, — «Тоси Мондай Кэнкю», 1961, № 9, стр. 25—36.
- Аояма Митио, *Нихон кадзоку сэйдо-но кэнкю (Семейная система в Японии)*, Токио, 1947.
- Арига Кидзаэмон, *Нихон кадзоку сэйдо то косаку сэйдо (Семейная и арендная система в Японии)*, Токио, 1943.
- Арига Кидзаэмон, *Нихон конгин сирон (История брака в Японии)*, Токио, 1948.
- Арига Кидзаэмон, *Нихон-но из (Семья в Японии)*, — «Нихон дзинруйгаку-кай нихон миндзоку», Токио, 1952.
- Арига Кидзаэмон, *Сидзоку то додзоку (Родня и патронимия)*, — «Нихон миндзокугаку — но тамэ-ни», кн. 2, Токио, 1947.
- Арига Кидзаэмон, *Сонраку сэйкацу, мура-но сэйкацу сосики (Сельская жизнь и деревенская организация)*, Токио, 1948.
- Вагацума Хироси, *Сэнго-но Нихон-ни окэру кэкконкан-но хэнка-ни цуйтэ-но ити Косацу (Об изменениях во взглядах на брак в послевоенной Японии)*, — «Конан Дайгаку бунгакукай ронсю», 1959, № 9, стр. 1—27.
- Вада Тацуо, *Нихон фукусоси (История японской одежды)*, Токио, 1953.
- Вакамори Таро, *Нихон миндзокугаку (Японская этнография)*, Токио, 1954.
- Вакамори Таро, *Нихон фудзоку си (История японских обычаев)*, Токио, 1956.
- Вакамори Таро, *Тайсю бунка-но дзидай (Эпоха массовой культуры)*, Токио, 1961.
- Ватаанаэ Итиро, *Тёнан бунка-но сэйсэй (Формирование городской культуры)*, Токио, 1961.

- Гамо Масао, *Нихондзин-но сэйкацу кодзо дзёсэцу* (Условия и структура жизни японцев), Токио, 1960.
- Гамо Масао, *Нихон-ни окэру конгин то кадзоку-но руйкэй* (Формы брака и семьи в Японии), — «Рэнго Тайкай», т. 9, 1955.
- Гамо Масао, *Нихон-но конгин тайкэй ни кансүру сирон* (О формах брака в Японии), — «Сякай дзинруйгаку», т. 1, 1958, № 4.
- Гамо Масао, *Уми-о вататта Нихон-но мура* (Японская деревня за океаном), Токио, 1962.
- Гамо Масао, Идзуми Сэйити, *Нихон сякай-но тиикисэй* (Районирование японского общества), — «Нихон тирисинтайкэй», т. 2, 1953.
- Года Ебун, *Идзу Ниидзима-ни окэру из-но kami то нэнрэй кэцүго* (Семейные божества и возрастные комбинации в Ниидзима), — «Нихон миндзокугаку», 1955, № 3.
- Есида Кэнъити, *Химацубиси* (На досуге), Токио, 1959.
- Икэутти Хадзимэ Надо, *Токио томин-но сэйкацу дзикан то сэйкацу исики* (Времяпрепровождение и воззрения токийцев), — «Симбун кэнкюсё киё», Токио дайгаку, т. 10, 1962, № 1—2.
- Инамура Рюити, *Номин-но рэкиси* (История крестьянства), Токио, 1926.
- Инукаи Митико, *Кураси-но нака-но нихон танкэн* (Из истории японских обычаев и нравов), Токио, 1963.
- Иридава Тацукити, *Нихондзин-но сувариката ни цуйтэ* (О японском способе сидеть), Токио, 1921.
- Исида Итиро, *Тёнин бунка* (Культура горожан), Токио, 1961.
- Исида Эйитиро, Ока Масао, Эгами Намио, Явата Итиро, *Нихон миндзоку-бунка-но гэнрю то нихон кокка-но кэйсэй* (Истоки японского народа и культуры и формирование японского государства), — «Миндзокугаку кэнкю», т. 13, 1949, № 3.
- Исида Эйитиро, Ока Масао, Эгами Намио, Явата Итиро, *Нихон миндзоку-но кизэн* (Происхождение японского народа), Токио, 1958.
- Исидзика Такатоси, *Нихон-но цукомоно. Дзокусин ва има мо икитэ иру* (Японские злые духи), Токио, 1959.
- Исомура Эйити, *Дайтоси-ни окэру фукутюсин-но сэйкаку* (Характер вторичных центров в крупном городе), — «Тоси мондай», 1954, № 10; 1955, № 6; 1956, № 6.
- Исомура Эйити, Токио, Токио, 1961.
- Исомура Эйити, *Коки тоси-но кэйсэй то мондай* (Проблемы формирования сверхконурбации), — «Тоси мондай кэнкю», 1963, № 10, стр. 3—13.
- Кавабэ Хироси, *Нихон-но кокунаи дзинко идо, 1950—1955* (Передвижение населения в Японии в 1950—1955 гг.), — «Тиригаку Хёрон», кн. 34, № 2, 1961.
- Кавасима Такэнобу, *Идэороги-то ситэ-но кадзоку сэйдо* (Семейная система как идеология), Токио, 1946.
- Кавасима Такэнобу, *Нихон сякай-но кадзокутэки косэй* (Семейный состав японского общества), Токио, 1957.
- Кавасэ Сохоку, *Нихон роно нисэннэн си* (История японского крестьянства за две тысячи лет), Токио, 1924.
- Кайко Такэси, *Дзубари Токио* (Все о Токио), Токио, 1964.
- Камико Такэдзи, *Сэнго нихон-но кадзоку кэнкю* (Семья в Японии после войны), — «Дзимбун кэнкю», Осака, т. 13, 1962, № 9, стр. 67—81.
- Катагава Такаёси, Окамото Хидэаки, Ховайто кара («Белые воротнички»), — «Гэндаи-но кэндзай», т. 13, 1964.
- Като Гэнти, *Нихон бунка сирон* (Исторический очерк японской культуры), Токио, 1937.
- Киндаити Харухико, *Нихонго-но сэйри то синри* (Физиология и психология японского языка), Токио, 1962.
- Киси Итита, *Синто то инари-но хонтай* (Синто и культ Инари), Токио, 1928.

- Кисимото Эйтаро, *Гэндай-но ховайто кара* (Современные «белые воротнички»), Киото, 1961.
- Китано Сэйити, *Косю Ямамура но додзоку сосики то ояката когата кангё* (Патронимическая организация и отношения родителей и детей в провинции Косю), — «Миндзокугаку нэмпо», 1939, № 2.
- Китано Сэйити, *Сонраку кёдотай-ни кансүру кангазгаки* (Мысли о сельской взаимопомощи), — «Сонкэн нэмпо», 1956, т. III.
- Китано Сэйити, Юдзүру Окада, *Иэ-соно кодзо бунсэки* (Анализ структуры иэ), Токио, 1959.
- Кодза, *Киндай буккё* (Буддизм в Японии в новое и новейшее время), тт. 1—6, Токио, 1961—1963.
- Кояма Такаси, *Гэндай Кадзоку-но кэнкю* (Исследование современной семьи), Токио, 1960.
- Кояма Такаси, *Гэндай Нихон-но дзёсэи* (Женщины в современной Японии), Токио, 1962.
- Кояма Такаси, *Токио кинко сон-но кадзоку* (Семья в пригородной деревне под Токио), — сб. «Сякайгаку ронсю тёса хохоку хэн», Токио, 1960.
- Курасава Сусуму, *Нихон тоси-но сого бунруй-то кэисэи катэи* (Основные типы и процессы формирования японских городов), — «Тоси мондай кэнкю», 1963, № 9, стр. 73—92.
- Мацумаэ Такэси, *Нихон синва-но синкэнкю* (Новое исследование по японской мифологии), Токио, 1960.
- Мацумото Нобухиро, *Нихон-но синва* (Японская мифология), Токио, 1956.
- Мацумото Нобухиро, *Нихон синва-но кэнкю* (Исследования японских мифов), Токио, 1931.
- Мацусита Кэйити, *Тайсю гораку то коннэти — но сисо дзёкё* (Массовые развлечения и современная интеллектуальная обстановка), — «Сисо», 1960, № 5, стр. 19—50.
- Мидзоуэ Ясүко, *Нихон-но тэйхэн. Ямакагэ ноосон фудзин-но сэйкацу* (Задворки Японии — жизнь женщин в горных деревнях), Токио, 1958.
- Минами Хироси, *Нихондзин-но синри* (Психология японцев), Токио, 1953.
- «Миндзокугаку дзитэн, Янагида Кунио кансю» («Этнографический словарь Янагида Кунио»), Токио, 1954.
- Морисуэ Эсиаки, Хинониси Сүкэо, *Фудзоку дзитэн* (Японские обычаи и нравы), Токио, 1959.
- Морита К., *Нихон Фукусю Бункаси* (Культурная история японской одежды), Токио, 1956.
- Мураками Н., *Фукусю-но Рэкиси* (История одежды), Токио, [б. г.].
- Мурамацу Цунэо, *Нихондзин бунка то пасонарити но дзиссётэки кэнкю* (Исследования по культуре и личности), Нагоя, 1962.
- Мураока Цунэцугу, *Нихон бункаси гайсёцу* (Очерки истории японской культуры), Токио, 1939.
- Муратакэ Сэйити, Года Ебун, Ямагути Масуо, Цунэми Дзюнэти, Такэмура Такудзи, *Идзу Ниидзима дзяккё но саякай сосики* (Социальная организация в деревнях о-ва Ниидзима), — «Миндзокугаку кэнкю», 1959, т. 22, № 3—4.
- Нагата Сюити, *Додзоку сосики-о мэзүру ни-сан-но гимон* (Два-три вопроса о патронимической организации), — «Сякай дзинруйгаку», т. 2, 1959, № 1.
- Накада Сигэру, *Кори, мура нару котоба-но гэнги* (Первоначальный смысл слов: волость и деревня), — «Кокка Гаккай Дзасси», т. 19, 1905, № 3.
- Накамура Китидзи, *Нихон Сякайси* (История японского общества), Токио, 1957.
- Наканэ Тизэ, *Нихон додзоку кодзо-но бунсэки* (Анализ структуры японской патронимии), — «Тоё бунка кэнкюсё кие», 1962, № 28.
- Накаяма Таро, *Нихон конгинси* (История брака в Японии), Токио, 1928.
- Намики Масаёси, *Носон-ва кавару* (Деревня изменяется), Токио, 1960.

- Нивамура Синобу, *Нихон-но миндзоку, бунка. Нихон-но дзинруйгакутэ-ки кэнкю* (Японская нация и ее культура. Этнографическое исследование), Токио, 1959.
- Нисицуно Масаёси, *Нэндзю гёдзи дзитэн* (Справочник японских праздников), Токио, 1959.
- «Нихондзин-но кокуминсэй» («Национальный характер японцев»), Токио, 1961.
- «Нихондзин-но Кураси» («Жизнь японца»), Токио, 1956.
- «Нихон миндзоку» («Японский народ»), Токио, 1952.
- «Нихон тири фудзоку тайкэй» («Этнографическая японская энциклопедия»), т. I—XIV, Токио, 1931.
- «Нихон Фудзоку си. Кодза» («История японских обычаев и нравов»), т. I—XI, Токио, 1958.
- Ногуту Юитиро, Инаба Митио, *Тайсю гораку то гораку сангё* (Массовые развлечения и развлекательный бизнес), — «Сисо», 1960, № 5, стр. 81—89.
- Обаяси Тарё, *Нихон-но синва* (Японские мифы), — «Миндзоку бунгаку кодза», Токио, т. 4, 1960.
- Одака Кунно, Нисихира Сигэки, *Вага кун року даитоси-но сякаитэки сэй-со то идо* (Социальная стратификация и мобильность в шести крупнейших городах нашей страны), — «Сякаигаку хёрон», 1953, № 12, стр. 2—51.
- Одака Кунно, *Нихон-но тюкан кайкю* (Японский средний класс), — «Нихон родо кёкай дзасси», 1961, № I, стр. 4—27.
- Окабэ Кэйдзо, *Гораку сино то сэйкацу ёсики-но хэнка* (Изменения в образе жизни и отношении к развлечениям), — «Сисо», 1960, № 5, стр. 51—59.
- Окада Юдзуро, *Камия Кэйдзи, Нихон ногё кикайка-но бунсэки* (Анализ механизации японского сельского хозяйства), Токио, 1960.
- Осио Сюнсукэ, *Тиики Сякай тоситэ но данти-но сэйкаку* (Характер «дан-ти», как локальных общностей), — «Тоси мондай кэнкю», 1960, № 9, стр. 17—31.
- Охара Мицунори, *Тихо тоси когёка то дзюмин исики* (Индустриализация провинциальных городов и воззрения их населения), — «Хогаку Симпо», 1962, № 18, стр. 18—39.
- Охаси Каору, *Тихо тоси-ни окэру кадзоку кайтай-но кэнкю* (Разрушение семьи в провинциальных городах), — «Кадзоку Сайбан Гэппо», т. 11, № 2, 1959.
- Сато Такэси, *Сайкин-но тайсю гораку ёка-но кэнкю* (Новейшие исследования по массовым развлечениям и досугу), — «Сисо», 1960, № 5, стр. 113—130.
- Сато Томоо хэн, *Тихо Тоси* (Провинциальные города), Токио, 1961.
- Сазки Наоми, *Ногё-но «киндайка» то носэй* (Сельскохозяйственная политика и «модернизация» сельского хозяйства), — «Сисо», 1963, № 11, стр. 139—148.
- Симада Итиро, *Нихондзин-но пасонарити кэнкю-но гайкан* (Обзор исследований по личности японцев), — «Нэмпо сякай спиригаку», 1962, № 3.
- Симадзакки Минору, *Нихон носон-но кодзо то бункай катэй* (Структура и распад японской деревни), — «Сисо», 1965, № 11, 1966, № 2.
- Симми Киити, *Какю сидзоку но кэнкю* (Исследование по низшим слоям самурайства), Токио, 1954.
- Симура Т., Яманакэ Н., *Кокэси Нингё* (Куклы кокэси), Токио, 1956.
- «Сого нихон миндзоку гон Миндзокугаку кэнкю дзё хэн Янагида Кунно кансю» («Японский этнографический словарь. Состав. Инст. этногр. Ред. Янагида Кунно»), т. 1—5, Токио, 1955—1956.
- Софуэ Такао, *Бэйкоку дзинруйгаку-ни ёру Нихон кэнкю* (Исследования американских этнологов по Японии), — «Миндзокугаку Кэнкю», 1959, т. 22, № 3—4.

- Софуэ Такао, *Нихондзин-ни окэру пасонарити руйкэй то бунка руйкэй Роршах тэсто-ни еру кэнкю* (Культурные типы и типы личности японцев по тестам Роршаха), — «Рэнго Тайкай», 1951, т. 6.
- Судзуки Тодзо, Котоба асоби дзитэн. Содзуки Тодзохэн (Словарь японских загадок, шуток, идиоматических выражений), Токио, 1960.
- Сумия Микио, *Тинродо-ни окэру хокэнтэки-на моно* (Феодальные пережитки в наёмном труде), — «Сякайгаку Хёрон», 1950, № 1, стр. 20—30.
- Сумия Микио, *Тинродо-но сайсэйсан то носон* (Деревня и воспроизводство наёмной рабочей силы), — «Сисо», 1965, № 11, стр. 131—140.
- Сэгава Киёко, *Кимоно*, Токио, 1958.
- Сэйрё Масатоси, *Нихондзин-но пасонарити* (Личность японца), Токио, 1962.
- Такахаси Ёситака, *Си то нихондзин* (Похороны в Японии), Токио, 1959.
- Такахаси С., *Токусю бураку си* (История специальных поселений), Киото, 1926.
- Такэда Рёдзо, *Танко то тиики саякай* (Шахты и местные общины), Токио, 1963.
- Такэда Тёсю, *Сосэн сухай* (Культ предков), Токио, 1957.
- Такэути Тосими, *Додзоку дан то соно хэнка носон-но баай* (Патронимические группы и их изменение в деревне), — «Сякайгаку Хёрон», 1961, № 45, стр. 20—29.
- Тамаки Хадзимэ, *Киндай Нихон-ни окэру кадзоку кодзо: Сихонсэй сэйсан-но хаттацу то из* (Семейная структура в современной Японии: из и развитие капиталистического производства), Токио, 1956.
- Тамаки Хадзимэ, *Нихон кадзоку сэйдорон* (О семейной системе в Японии), Киото, 1953.
- Танабэ Ясуси, *Нихон Дзютаку Си* (История японского жилища), Токио.
- Танака Итимацу, *Нихон-кайгаси но тэйбо* (Обзор истории японской живописи), Токио, 1958.
- Танака Итимацу, *Нихон но Бидзюцу* (Японское искусство), Токио, 1952.
- Танака Эйдо, *Мэйдзи Тайсё сингэки си сирё* (Материалы по истории создания нового театра в Японии), Токио, 1964.
- Танума Хадзимэ, *Нихон-ни окэру «Тюкансо» мондай* (Проблемы «среднего класса» в Японии), — «Тюо Корон», 1957, № 12, стр. 195—207.
- Тати Ицуо, *Тоси-ни окэру тусё кигё кадзоку но дзиттай* (Положение семей мелких предпринимателей в городе), — «Мэйдзи гакуин ронсо», 1960, стр. 69—113.
- Тахара Отокадзу, *Ногё-но кикайка то носон-но киндайка* (Механизация сельского хозяйства и модернизация деревни), — «Сисо», 1963, № 11, стр. 148—160.
- Тацу Канэ, *Ниппон Юрёси* (История охоты в Японии), Токио, [б. г.].
- Тиба Токуя, *Тиригаку то нихон миндзокугаку то-но сэттэн, ко Янагида Кунно си-но кэнкай-о тоситэ* (Точки соприкосновения географии и этнографии Японии в связи со взглядами покойного Кунно Янагида), — «Дзимбун Тири», т. 16, 1963, № 5.
- «Токио-но сай гайё» («Описание города Токио»), Токио, 1963.
- Тояма Сингэки, Иман Кэйити, Фудзивара Акира, *Сёва си* (История эры Сёва), Токио, 1959.
- Тэруока Ясутака, *Семин-но гораку — ракуго-но рэкиси* (История народных развлечений), Токио, 1959.
- Усидзима Ёситомо, *Сэйо то Нихон-но Нингэн Кэйсэй* (Формирование личности в Европе и в Японии), Токио, 1961.
- Уэмура Сэйдзи, *Дзимму Тэнно* (Император Дзимму), Токио, 1957.
- Фудзисава Морихико, *Дзусэцу Нихон миндзокугаку дзэнсю* (Иллюстрированная японская этнография), т. 1—8, Токио, 1959—1961.
- Фудзитаке Акира, *Сэйкацу-но нака-но тэрэбидзион* (Телевидение в жизни), — «Хосо бунка кэнкюсё нэмпо», 1963, № 8, стр. 20—58.
- «Фудоки-Нихон» («Япония. Обычай и нравы»), т. I, «Кюсю — Окинава», Токио, 1962.

- Фукутакэ Тадаси, *Нихон Носон-но сьякйтэки сэйкаку* (Социальный характер японской деревни), Токио, 1949.
- Фукутакэ Тадаси, *Нихон носон сьякайрон* (Японское сельское общество), Токио, 1964.
- Фукутакэ Тадаси, *Ногё кодока то сонраку кэдзо* (Кооперация сельского хозяйства и структура сельских поселений), Токио, 1961.
- Фукутакэ Тадаси, *Сэнго-ни окэру номин исики-но хэнгэ* (Изменения в воззрениях крестьян после войны), — «Сисо», 1959, № 3, стр. 1—13.
- Фукутакэ Тадаси, Мацубара Харуо, Хасуми Отохико, Син сангё тоси-о мэзурэ носон-но цэмбо (Изменения в деревнях, примыкающих к новым промышленным центрам), — «Тюо Корон», 1963, № 9, стр. 174—185.
- Фукути Сигэтакэ, *Гункоку Ниппон-но кэйсэй* (Формирование милитаристской Японии), Токио, 1959.
- Фусэ Тэцудзи, Гэндаи *Нихон носон-ни окэру из-но хэнгэ катэи* (Процесс изменения семейной системы в современной японской деревне), — «Кё-нику сьякайгаку кэнкю», т. 17, 1962.
- Хага Хидэо, *Та-но Ками* (Божества рисовых полей), Токио, 1959.
- Хадзама Хироси, *Даикигё-ни окэру тюкансо* (Средний управленческий слой в крупной промышленности), — «Кэйдзай Хёрон», 1963, № 7, стр. 74—84.
- Хамагути Рюити, *Нихондзин-но сэйкацу кикан* (Обстановка жизни японцев), Токио, 1959.
- Хаяси Такао, Сусато Сигэру, Судзуки Тацудзо, *Нихон-но Ховайто Кара* («Белые воротнички» Японии), Токио, 1964.
- Хиго Кадзуо, *Нихон синва-но кэнкю* (Изучение японских мифов), Токио, 1938.
- Хиго Кадзуо, *Нихон синва-но рэкиситэки кэйсэй* (Историческое формирование японских мифов), Токио, 1948.
- Хонда Тацуо, *Сэндзэн сэнго-но фуфу сюссанрёку-ни окэру сюссэй екүсэй кока-но бунсэки* (Анализ результатов контроля над рождаемостью до и после войны), — «Дзинко мондаи кэнкю», 1959, № 2, стр. 1—19.
- Хори Итиро, *Минкан синко* (Народные верования), Токио, 1951.
- Хори Итиро, *Нихон сюкё-но сьякйтэки якувари* (Социальная роль японской религии), Токио, 1962.
- Хосина Коити, *Кокуго то нихон сэйсин* (Японский язык и духовная жизнь японцев), Токио, 1936.
- Эгүти Эйити то Ямадзакэ киёси, *Нихон-но сьякаи косэй-но хэнка-ни цуйтэ* (Об изменениях в общественной структуре), — «Нихон родо кёкай дзасси», 1961, № 1, стр. 28—46.
- Эма Ц., *Нихон Фудзоку бунка си* (История японских нравов), Токио, 1957.
- Эмори Гоо, *Нихон-ни окэру гисэйтэки ояко канкэй-но тэнкай* (Развитие псевдопарентальных отношений в Японии), — «Сого хогаку», т. 7, 1964, № 3.
- Эндо Сёкити, *Сёхи какумэй-но сьякайтэки сзидзитэки иги* (Социальный и политический смысл революции потребления), — «Сисо», 1960, № 5, стр. 90—97.
- Яги С., *Фукусоси* (История одежды), Токио, 1932.
- Ядзакэ Такэо, *Нихон тоси-но хаттэн катэй* (Процесс развития японских городов), Токио, 1962.
- Ямада Такао, *Нингё сидзюцу* (Искусство в куклах), Токио, 1955.
- Янагида Кунно, *Нихон-но мацури* (Японские праздники), Токио, 1952.
- Янагида Кунно, *Синто то миндзокугаку* (Этнография и синто), Токио, 1943.
- Янаиهارа Тадао, *Сэнго нихон сёси* (Краткая история послевоенной Японии), Токио, 1960.
- Abegglen J. C., *Subordination and Autonomy Attitudes of Japanese Workers*, — «Amer. Journ. of Sociology», Chicago, vol. 63, September 1957, № 2, pp. 181—189.

- Abegglen J. C., *The Japanese Factory; Aspects of its Social Organization*, Glencoe, 1958.
- Ackerman E. A., *Japans Natural Resources and Their Relation to Japan's Economic Future*, Chicago, 1953.
- Allen G. C., *Japan's Economic Recovery*, New York, 1956.
- Aonuma Yo, *Business Leadership in Japan*, — «Journal of Social and Political Ideas in Japan», vol. III, December 1965, № 1.
- Arima Daigoro, *Musik der Japaner. Musikwissenschaftliches Seminar an der Kunitachi Musik Hochschule*, Tokyo, 1965.
- Baelz T., *Über die Todesverachtung der Japaner*, Stuttgart, 1936.
- Bammate N., *Tokyo Noh Theatre*, — «Theatre des nations», Bruxelles, vol. 7, 1957, № 1, pp. 40—45.
- Beard M. R., *The force of Woman in Japanese History*, Washington, 1953.
- Beardsley R. K., *The Household in the Status System of Japanese Villages*, Center for Japanese Studies, Ann Arbor, 1951.
- Beardsley R. K., Hall J. W., Ward R. E., *Village Japan*, Chicago, 1959.
- Befu H., *Corporate Emphasis and Patterns of Descent in the Japanese Family*, — «Japanese Culture, its Development and Characteristics», Chicago, 1962.
- Befu H., *Patrilineal Descent and Personal Kindred in Japan*, — «American Anthropologist», vol. 65, 1963, pp. 1328—1341.
- Befu H. and Norbeck Ed., *Japanese Usages of Terms of Relationship*, — «Southwestern Journ. of Anthropology», Albuquerque, vol. 14, 1958, № 1, pp. 66—86.
- Benedict R., *The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture*, Boston, 1946.
- Bennett J. W. and Ishino I., *Futomi: a Case Study of the Socio-Economic Adjustment of a Marginal Community in Japan*, — «Rural Sociology», 1955, № 20.
- Bennett J. and Ishino I., *Paternalism in the Japanese Economy*, — «Anthropological Studies of Oyabun-Kobun Patterns», Minneapolis, 1963.
- Bennett J. W. and McKnight R. K., *Approaches of the Japanese Innovator to Cultural and Technical Change*, — «Annals of the American Academy of Political and Social Science», 1956, fasc. 305.
- Bennett J. W. and Nagai M., *The Japanese Critique of the Methodology of Benedict's «Chrysanthemum and the Sword»*, — «American Anthropologist», vol. 55, 1953.
- Blacker C., *ABC of Japanese Art*, London, 1922.
- Blaser W., *Japanese Temples and Teahouses*, Basle, 1956.
- Brinkman A. R., *The Outlook for Social Studies in Japan*, — «Social Education», Washington, vol. 21, January 1957, № 1, pp. 27—30.
- Buchanan D. C., *Japanese Character and Personality as revealed in Their Culture*, — «Understanding Other Cultures», Washington, 1954.
- Bunce W. K., *Religions in Japan*, Rutland, 1955.
- Cartier R., *Archipel des Hommes — le Japon (Paris)*, 1959.
- Carver N. F., *Form and Space of Japanese Architecture*, Tokyo, 1955.
- Casal U. A., *Beans and the Setsubun Festival of Japan*, — «Ethnos», Stockholm, vol. 22, 1957, № 3—4, pp. 75—99.
- Caudill W., *Patterns of Emotion in Modern Japan*, — «Japanese Culture, Its Development and Characteristics», Chicago, 1962.
- Caudill W. and Harry A. Scarr, *Japanese Value Orientations and Cultural Change. Ethnology*, vol. 1, 1961, pp. 53—91.
- Cole Allan B., *Japanese Society and Politics*, — «Studies in Political Science», Boston, 1956, № 1.
- Cornell J. B. and Smith R. J., *Two Japanese Villages*, — «Center for Japanese Studies, Occasional Papers», Ann Arbor, 1956, № 5.
- Cressy E. H., *Daughters of Changing Japan*, London, 1955.
- Culin S., *Games of the Orient (Korea, China, Japan)*, Tokyo, 1958.
- Cunder W., *Japanische Religionsgeschichte*, Tokyo und Stuttgart, 1935.

- De Vos G., *Value Attitudes Toward Role Behaviour of Women in two Japanese Villages*, — «American Anthropologist», vol. 63, 1961.
- De Vos G., Wagatsuma H., *Psychocultural Significance of Concern Over Death and Illness among Rural Japanese*, — «International Journal of Social Psychiatry», 1959, № 5.
- Doi Takeo L., «*Amae*: A Key Concept for Understanding Japanese Personality Structure», — «Japanese Culture, Its Development and Characteristics», Chicago, 1962.
- Doi Takeo L., *Japanese Language as an Expression of Japanese psychology*, — «Western Speech», 1956, № 20.
- Donoghue J. D., *An Eta Community in Japan: the Social Persistence of Outcaste Groups*, — «American Anthropologist», Menasha, vol. 59, December 1957, № 6, pp. 1000—1017.
- Dore R. P., *City Life in Japan (Life in a Tokyo Ward)*, London, 1958.
- Dore R. P., *Land Reform in Japan*, London, 1959.
- Drexler A., *The Architecture of Japan*, New York, 1955.
- Dull P. S., *The Senkyoya System in Rural Japanese Communities*, Center for Japanese Studies, Ann Arbor, 1953.
- «Economics of divorce in Japan», — «Tokyo news», 1956, November 30, № 9, pp. 28—49.
- Eder M., *Familie, Sippe, Clan und Ahnenverehrung in Japan*, — «Anthropos», Freiburg, Schweiz, vol. 52, 1957, fasc. 5—6, pp. 813—840.
- Eder M., *Totenseelen und Ahnengeister in Japan*, — «Anthropos», 1956, № 1—2.
- Embree J. F., *Japanese Administration at the Local Level*, — «Applied Anthropology», 1944, № 3(4).
- Embree J. F., *New and Local Kin Groups Among the Japanese Farmers of Kona, Hawaii*, — «American Anthropologist», 1939, № 41.
- Embree J. F., *Sanitation and Health in a Japanese Village*, — «Journal of the Washington Academy of Sciences», 1944, № 34(4).
- Embree J. F., *Some social functions of Religion in Rural Japan*, — «American Journal of Sociology», 1941, № 47.
- Embree J. F., *Suye Mura: A Japanese Village*, Chicago, 1939.
- Embree J. F., *The Japanese Nation: a Social Survey*, New York, 1945.
- Eveland V. D., *A Welfare Program for Children of Mixed Parentage*, — «Contemporary Japan», Tokyo, vol. 24, 1956, № 1—3, pp. 112—125.
- «Farm Living Standards», — «Orient. Economist», Tokyo, vol. 25, January 1957, № 555, pp. 13—15.
- Franks A. W., *Japanese Pottery*, London, 1880.
- Fujisawa Chikao, *Concrete Universality of the Japanese way of thinking*, Tokyo, 1958.
- Fukukita Yasunosuke, *Tea Cult in Japan*, Tokyo, 1955.
- Fukutake T., *Rural Society*, — «International Social Science Journal», UNESCO, vol. 13, 1961, № 1.
- Fukutake T., *The Revolution in Japanese Agriculture: Fact or Illusion?*, — «Journal of Social and Political Ideas in Japan», vol. III, December 1965, № 1.
- Fukutake T., *Village Community («Buraku») in Japan and Its Democratization*, — «Japanese Culture, Its Development and Characteristics», Chicago, 1962.
- Gallois E., *Costumes Japonais et Indonesiens*, Paris, 1954.
- Gayn M., *Japan diary*, New York, 1948.
- Gilman M., *Japan's Birth-Rate War. Abortion vs Birth Control*, — «Nation» New York, vol. 182, 1956, June 9, № 23, pp. 491—492.
- Goodman M. E., *Culture and Conceptualization: a Study of Japanese and American Children*, — «Ethnology», Pittsburgh, vol. 1, 1962, № 3.
- Goodman M. E., *Values, Attitudes and Social Concepts of Japanese and American Children*, — «American Anthropologist», vol. 59, 1957, № 6, pp. 979—989.

- Gorer G., *Japanese Character Structure and Propaganda in the Study of Culture at a Distance*, New York, 1953.
- Griffin S., *Hokkaido Development Plans*, — «Eastern world», London, vol. 11, September 1957, № 9, p. 18.
- Griffis W. E., *The Religions of Japan, From the Dawn of History to the Era of Meiji*, New York, 1901.
- Gropius W., Tange K., Ishimoto Y., *Katsura: Tradition and Creation in Japanese Architecture*, New Haven, 1960.
- Hall R. B., *Japan: Industrial Power of Asia*, Princeton, New York, 1963.
- Hall J. W. and Beardsley R. K., *Twelve Doors to Japan*, New York, 1965.
- Hamaguchi R., *Modern Japanese Architecture*, — «Far Eastern Economic Review», Hongkong, vol. 21, October 4, 1956, № 14, pp. 426—428.
- Harada Jiro, *A Glimpse of Japanese Ideals*, Tokyo, 1937.
- Harich-Schneider E., *Die letzten Goze*, — «Sociologus», Berlin, Jg. 8, 1958, H. 1, S. 57—72.
- Haring D. G., *Japanese National Character; Cultural Anthropology, Psychoanalysis and History*, — «The Val Review», 1953, № 42.
- Haring D. G., *Personal Character and Cultural Milieu; a Collection of Readings*, Syracuse, 1956.
- Hay S. N., *Western and Indigenous Elements in Modern Indian thought: the Case of Rammohun Roy*, — «Changing Japanese Attitudes Toward Modernization», Princeton, New York, 1965, pp. 311—335.
- Hayashi R., *Japonsko Usiluje o Současné Zivotni Prostredi*, — «Domov», 1961, № 3.
- Hearn L., *Kokoro: Hints and Echoes of Japanese Inner Life*, Boston, 1927.
- Honigsmann I. I., *Understanding Culture*, New York, 1963.
- Horie J., *The Problem of the Modernization in Japan*, — «Kyoto University Economic Review», vol. 26, April 1956, № 1, pp. 1—12.
- Hoynden Yoshio, *Cooperative Movement in Japan*, vol. I, Tokyo, 1958.
- Hoynden Yoshio, *Agricultural and Fishery Cooperative in Japan (Cooperative Movement in Japan)*, vol. II, Tokyo, 1960.
- Hrdlicka Z. V., *Some Aspects of the Tea Ceremony and Their Social Significance*, — «Annals of the Napstek Museum», Prague, 1962, № 1.
- Iga M., *The Japanese Social Structure and the Source of Mental Strains of Japanese Immigrants in the United States*, — «Social forces», Baltimore, vol. 35, March 1957, № 3, pp. 271—278.
- Ijichi J., *When two Cultures Meet; Sketches of Postwar Japan*, Tokyo, 1955.
- Ikeda I., *Die Hausfolge in Japan*, 1903.
- Ishino I., *Social and Technological Change in Rural Japan: Continuities and Discontinuities*, — «Japanese Culture, Its Development and Characteristics», Chicago, 1962, pp. 100—113.
- Ishino I., *The Oyabun-Kobun: a Japanese Ritual Kinship Institution*, — «American Anthropologist», vol. 55, 1953, pp. 695—727.
- Jansen M. B., *Changing Japanese Attitudes Toward Modernization*, Princeton — New York, 1965.
- «Japan Handbook, 1966», Tokyo, 1966.
- «Japanese National Commission for UNESCO. Japan, Its Land, People and Culture», Tokyo, 1958.
- «Japan Travel Bureau: Japan: The Official Guide», Tokyo, 1959.
- «Japon» — «Architecture D'aujourd'hui», mai 1956, année 27, № 65.
- John S. M., *Islam in Japan*, — «Islamic review», Woking, October 1955, pp. 35—38.
- Johnson Erwin, *The Emergence of a Self-Sonscious Entrepreneurial Class in Rural Japan*, — «Japanese Culture, Its Development and Characteristics», Chicago, 1962.
- Jouan des Longrais F., *L'est et l'ouest: Institutions du Japon et de L'Occident Comparées*, Tokyo, 1958.
- Joya M., *Quaint Customs and Manners of Japan*, vol. 1, Tokyo, (1951).
- Joya M., *Things Japanese*, Tokyo, 1961.

- Kagawa A., *Japanese Cook Book*, Tokyo, 1962.
- Kato H., *Japanese Popular Culture, Studies in Mass Communication and Culture Change*, Tokyo, 1959.
- Kawamoto T. and Kurihara J., *Bonsai-Saikei. The art of Japanese Miniature Trees, Gardens and Landscapes*, Tokyo, 1963.
- Kawatake Sh., *An Illustrated History of Japanese Theatre Arts*, Tokyo, 1956.
- Kawazoe Noboru, *The Ise Shrine*, — «Japan Quarterly», vol. IX, 1962, July — September, № 3.
- Kawai Kazuo, *Japan's American-Interlude*, Chicago, 1960.
- Keene D., *Living Japan*, New York, 1950.
- Kimura K. and Watanabe H., *The Tiny World of Tea. This is Japan*, Tokyo, 1960.
- Kitagawa J. M., *Religion in Japanese History*, New York and London, 1966.
- Kitano S., «Dozoku» and «Ise» in Japan: The Meaning of Family Genealogical Relationships, — «Japanese Culture, Its Development and Characteristics», Chicago, 1962.
- Koehn A., *Bonkei Japanese Tray Landscapes*, — «Contemporary Japan», Tokyo, vol. 23, 1954, № 1—3, pp. 127—146, ill.
- Koyama T., *Changing Family Structure in Japan*, — «Japanese Culture, Its Development and Characteristics», Chicago, 1962, pp. 47—54.
- Koyama T. and others, *The Family in Postwar Japan*, — «Journal of Social and Political Ideas in Japan», vol. III, December 1965, № 1.
- Kuck Z. E., *The Art of Japanese Gardens*, New York, 1940.
- Kultermann U., *New Japanese Architecture*, New York, 1960.
- Kümmel O., *Das Kunstgewerbe in Japan*, Berlin, 1922.
- Kurasawa S., *The Structure of Urban Society*, — «Journal of Social and Political Ideas in Japan», vol. III, December 1965, № 1.
- Kuroda T., *Occupational Mobility*, — «Journal of Social and Political Ideas in Japan», vol. III, December 1965, № 1.
- Kuwabara T. et Umezao T., *Tokio, Osaka et Kyoto*, — «Revue de Psychologie des Peuples», Le Havre, 1957, 2-e Trimestre, année 12, № 2, pp. 174—192.
- Kuwata T., *The Honourable Philosophy of Tea. This is Japan*, Tokyo, 1960.
- Lanham B. B., *Aspects of Child Care in Japan: Preliminary Report*, — «Personal Character and Cultural Milieu», Syracuse, 1956.
- Laures Johannes, *The Catholic Church in Japan*, Tokyo, 1954.
- Lay A. H., *Japanese Funeral Rites*, — «Transactions of the Asiatic Society of Japan», vol. XIX, 1891, pt III.
- Leuenberger H., *Japan, Insel der Zukunft*, Zürich, 1956.
- «L'Industrie automobile japonaise à la recherche de débouchés extérieurs», — «Marché tropicaux du monde», Paris, 1958, 8 février, année 14, № 639, pp. 445, 447—448.
- «Living Conditions», — «Oriental Economist», Tokyo, vol. 25, January 1957, № 555, pp. 15—20.
- Malm W. P., *Japanese Music*, Tokyo, 1959.
- Maraini F., *Hokkaido, Japan's Northern Island*, — «Geographical Magazine», London, October 1955.
- Maraini F., *Japon*, Paris, 1959.
- Matsumoto N., *Essai sur la mythologie Japonaise*, Paris, 1928.
- Matsumoto Y. S., *Contemporary Japan: The Individual and the Group*, — «Transactions of the American Philosophical Society Philadelphia», vol. 50, 1960, pt 1.
- Matsumoto Y. S., *Notes on Primogeniture in Postwar Japan*, — «Japanese Culture, Its Development and Characteristics», Chicago, 1962, pp. 55—69.
- Matsushima Sh., Kitagawa T., *The Characteristics and Limitations of Labour-Management Policy in Japan*, — «Journal of Social and Political Ideas in Japan», vol. III, December 1965, № 1.

- McFarland H., *Religion and Social Change in Japan*, — «France — Asie», Tokyo, vol. 18, 1962, № 173, pp. 254—267.
- Moore W. J., *Japan Today*, — «Contemporary review», London, July 1957, № 1099, pp. 37—41.
- Morse E., *Japanese Homes and Their Surroundings*, New York, 1885.
- Nagai M., *Dozoku: A Preliminary Study of the Japanese «Extended Family» Group and Its Social and Economic Functions*. Report № 7, Project 483, Columbus, Ohio (mimeographed).
- Nakamura H., *The ways of thinking of Eastern peoples*, — «Japanese National Commission for UNESCO», 1960.
- Nakano T., *Recent Studies of Change in the Japanese Family*, — «International Social Science Journal (UNESCO)», vol. 14, 1962, № 3.
- Newson S., *Japanese Garden Construction*, Tokyo, 1939.
- Nielson N. C., *Religion and Philosophy in Contemporary Japan*, — «Rice Institute Pamphlets», Houston, vol. 43, 1957, № 4.
- Norbeck Ed., *Age-grading in Japan*, — «American Anthropologist», 1953, vol. 55.
- Norbeck Ed., *Child training in a Japanese Fishing Community*, — «Personal Character and Cultural Milieu», 1956.
- Norbeck Ed., *Common-Interest Associations in Rural Japan*, — «Japanese Culture, its Development and Characteristics», Chicago, 1962, pp. 73—85.
- Norbeck Ed., *Japanese Usages of Terms of Relationship*, — «Southwestern Journal of Anthropology», 1958, № 14.
- Norbeck Ed., *Postwar Cultural Change and Continuity in Northeastern Japan*, — «American Anthropologist», vol. 63, 1961, pp. 297—321.
- Norbeck Ed., *Westernisation as Evident on the Buraku level*, — «Minzokugaku Kenkyu (Japanese Journal of Ethnology)», vol. 16, 1951.
- Norbeck Ed. and Befe H., *Informal Fictive Kinship in Japan*, — «American Anthropologist», vol. 60, 1958.
- Norbeck Ed. and de Vos G., *Japan*, — «Psychological Anthropology; Approaches to Culture and Personality», Dorsey, 1961.
- Northrop E. S. C. (Symp. Chairman), Livingston H. H. (Editor), *Cross-Cultural Understanding: Epistemology in Anthropology*, New York, 1964.
- Numata J., *Acceptance and Rejection of Elements of European Culture in Japan*, — «Cahiers D'histoire Modiale», vol. 3, 1956, № 1.
- Okada Y., *Introduction*, — «Journal of Social and Political Ideas in Japan», vol. III, December 1965, № 3.
- Okada Y., Sadatoshi U., *Shinto Shrines and Festivals*, Tokyo, 1958.
- Okakura K., *The Book of Tea*, Rutland, 1956.
- Okochi K., *The Characteristics of Labor-Management Relations in Japan*, — «Journal of Social and Political Ideas in Japan», vol. III, December 1965, № 1.
- Ono S., *Shinto, the Kami Way*, Tokyo, 1962.
- Paine R. T., Soper A., *The Art and Architecture of Japan*, London, 1955.
- Plath D. W., *The After Hours: Modern Japan and the Search for Enjoyment*, Berkeley, 1964.
- «Postwar Changes in Living Among the Japanese», Transl. From the Mainichi Shimbun's Economist Suppl., 1956, October 15, — «Tokyo news» (Weekly), 1956, October 12, № 2, pp. 11—34.
- «Princeton University Conference, The New Japan: Prospects and Promises», Princeton, New York, 1963.
- Raper A. F., *The Japanese Village in Transition*, Tokyo, 1956.
- Rivenburgh D. V., *Is There a Wonder Method of Rice Culture?*, — «Foreign Agriculture», Washington, vol. 20, October 1956, № 10, pp. 13—14.
- Rosovsky H. and Ohkawa K., *The Indigenous Components in the Modern Japanese Economy*, — «Economic Development and Cultural Change», vol. 9, 1961, pp. 476—501.

- Sale G. S., *Impressions of Post-War Japan*, — «Royal Central Asian Journal», London, vol. 45, January 1958, pt 1, pp. 4—15.
- Sano C., *Changing Values of the Japanese Family*, Washington, 1958.
- Sansom G. B., *Japan, a Short Cultural History*, New York, 1962.
- Shorer M., *Japan's Delinquents: Children of the Sun and Moon*, — «Reporter», 1956, October 18, pp. 35—38.
- Silberman Bernard S., *Japanese Character and Culture: Selected Readings*, Tucson, Arizona, 1962.
- Smith R. J., *Cooperative Forms in a Japanese Agricultural Community*, Center for Japanese Studies, Ann Arbor, 1952.
- Smith R. J., *Japanese Kinship Terminology: the History of a Nomenclature*, — «Ethnology», Pittsburgh, vol. 1, 1962, № 3.
- Smith R. J., Reyes E., *Community Interrelations With the Outside World. The Case of a Japanese Agricultural Community*, — «American Anthropologist», Menasha, vol. 59, 1957, № 3.
- Smith T. C., *The Agrarian Origins of Modern Japan*, Stanford, 1959.
- Sofue T., *Japanese Studies by American Anthropologists. Review and Evaluation*, — «American Anthropologist», Menasha, vol. 62, 1960, № 2.
- Steiner K., *The Japanese Village and Its Government*, — «Far Eastern Quarterly», vol. 15, 1956, № 2.
- Stoetzel J., *Jeunesse sans chrysanthème ni sabre: étude sur les attitudes de la jeunesse japonaise d'après guerre*, Paris, 1954.
- Taeuber S. B., *The Population of Japan*, Princeton, New York, 1958.
- Taut B., *Houses and People of Japan*, Tokyo, 1958.
- Thompson J. H., *Urban Agriculture in Southern Japan (1954)*, — «Economic Geography», Worcester, vol. 33, July 1957, № 3, pp. 224—237.
- Titiev M., *Changing Patterns of Kumiai Structure in Rural Okayama*, Center for Japanese Studies, Ann Arbor, 1953.
- Toki Z., *Japanese No Plays*, Tokyo, 1954.
- «Tokyo — a city that's come back in a big way», — «U.S. news and world report», Washington, vol. 42, 15th February 1957, № 7, pp. 84—89.
- Ujihara Sh., *Japan's Labouring Class Changes in the Postwar Period*, — «Journal of Social and Political Ideas in Japan», vol. III, December 1965, № 1.
- Vogel E. F., *Entrance Examinations and Emotional Disturbances in Japan's New Middle Class*, — «Japanese Culture, Its Development and Characteristics», Chicago 1962, pp. 140—153.
- Vogel E., *Japan's New Middle Class; The Salary Man and His Family in a Tokyo Suburb*, Berkeley, 1963.
- Vogel E. F., *The Go-between in a Developing Society; The Case of the Japanese Marriage Arranger*, — «Human Organization», vol. 20, 1961.
- Wagatsuma S., *Democratization of the Family Relations in Japan*, — «Washington Law Review», vol. 25, 1950.
- Ward R. E., *Some Observations on Local Autonomy at the Village Level in Present Day Japan*, — «Far Eastern Quarterly», vol. 12, 1953.
- Ward R. E., *The Socio-Political Role of the Buraku (Hamlet) in Japan*, — «American Political Sciences Review», vol. 45, 1951, № 4.
- Wells F., *Fan in Japanese Culture*, — «Contemporary Japan», Tokyo, vol. 26, December 1959, № 2, pp. 313—331, ill.
- Woodard W. P., *Religion-State Relations in Japan*, — «Contemporary Japan», Tokyo, vol. 24, 1956, № 7—9, pp. 460—483.
- Yamamoto T., *Recent Studies on the Japanese National Character*, — «Cross-Cultural Understanding», New York, 1964.
- Yanagida K., *Japanese Manners and Customs in Meiji Era*, Tokyo, 1957.
- Yazaki T., *The Japanese City: a Sociological Analysis*, Rutland, 1963.
- Yoshida T., *Cultural Integration and Change in Japanese Villages*, — «American Anthropologist», vol. 65, 1963, № 1, pp. 102—116.
- Yoshida T., *The Japanese House and Garden*, New York, 1955.

УКАЗАТЕЛЬ ЯПОНСКИХ ТЕРМИНОВ

авасэ — кимоно с подкладкой 114
агэмоно — жаренное в масле блю-
до 136
агэру — жарить на сковороде 131
адзи-но-мото — глютамат натрия
141
адзуки — красные бобы 130
ама — ныряльщики, добытчики
жемчуга 134
амагото — кимоно-пальто 100, 115,
118
амадо — раздвижные ставни 83—
87
анка — небольшая жаровня для
обогрева постели 93
апато — многоквартирные дома
71—74
апон — передник 117
асамэси — завтрак 128
аэмоно — закуски со специями,
мисо и тофу 127, 150
аю — речная рыба 137
баммэси — ужин 128
бёбу — ширма 147
бива — японская мушмула 133
бункэ — боковая семья патрони-
мни 43, 44
бураку — поселок 58, 63, 206
бусидо — кодекс рыцарской мора-
ли 44
буцудан — буддийский алтарь 85
бэнто — коробка с готовым набо-
ром закусок 142, 153, 155, 157,
164, 195
вакасэ — морская капуста 132
васаби — японский хрен 130, 133
васики — явление традиционно
японского типа 8
вата-ирэ — ватная стеганая одеж-
да 114
вафуку — японское национальное
платье 123
гейша — артистка широкого про-
филя, нанимаемая устроителем
банкета для развлечения гостей
171, 204
гиннан — орех дерева гинкго 132,
142
го — шашки 186
гобо — огородный чертополох 21,
131
гому-таби — резиновые кеды с от-
дельным пальчиком для боль-
шого пальца 104, 159, 208

госёма — основной размер татами
(6,5 сяку) 148
гохан — вареный рис 127, 141—142
гэта — деревянные сандалии 28,
122, 125—126
дайкон — редька 131
данги — районы массовой много-
этажной застройки 66—67, 73—
76, 96—99
данги-сайдзу — малогабаритные
татами для новых многоэтаж-
ных домов 148
даси — основа для супа 134, 137—
139
датэмаки — лента для подвязыва-
ния напуска кимоно 111
декасэги — отходничество 29
депато — универсам 180—182
джю-джитсу — см. дзюдо
дзабутон — матрасик для сидения
84, 143—146
дзаису — кресло без ножек 143,
207
дзарусоба — см. соба
дзасики — комната с циновками
166—168
дзисаннан — все сыновья в семье
кроме первого 30, 40, 42, 52
дзори — сандалия с плоской по-
дошвой 122, 125—127
дзэн — низенький индивидуаль-
ный столик 87, 143, 146
дзэн — направление в буддизме 82
дзюбако — набор ящиков с заку-
ской 137, 150, 153
дзюбан — нижняя рубашка 107,
118—119
дзюдзумэ — закуска в дзюбако
137, 153
дзюдо — вид борьбы 187
додзюку — патронимия 43, 44
домбури, дон — миска 136, 150
ёдзи — зубочистка 151
ёкан — японский мармелад 133
ёсики — см. сэйёсикки
ёсоики — платье для выхода на
улицу 117
ёсэ — японский эстрадный театр
192—196, 211
игуса — трава, дающая поделочную
солому 23, 82
иена — денежная единица (400

иен соответствует 1 рублю) 36,
73, 74, 173, 178, 193, 202, 203
икэбана — искусство составления
цветочных букетов 180, 188
инакама — татами сельского стан-
дарта 148
инкё — отречение главы семьи от
своих прав по старости 29, 40
ирори — врезанный в пол очаг
92—95, 135
из — семья, фамилия 40, 51, 52

кабу — столовый турнепс 132
кабуки — классический театр
191—196
каки — хурма 22, 133
какэсита — свадебное кимоно 107
ками — божества в синто 45—47
каמידана — алтарь для ками 46
кантэн — агар-агаровый отвар 132
каракаса — бумажный зонт 119
каратэ — вид борьбы 187
карэ — рис с кэрри (мясным соу-
сом) 142, 164
катадзомэ — вид батика 145
катакана — уставная слоговая аз-
бука 54—55
кауцубуси — сушеная рыба кацуо
(бонито) 135
кайри — курильница от комаров
148
кёма — киотоский стандарт тата-
ми (6,3 саяку) 148
кёсоку — подлокотник 143—146
кимоно — халат 7, 51, 100—126,
154, 158, 169
кинкан — вид лимона 132, 133
комбу — морская капуста 132
коминкан — сельский обществен-
ный зал 58, 60
конняку — огородный корнеплод
20, 132
кори — струганный лед с сиропом
140
косимаки — нижняя юбка 118, 158
котацу — комнатный очаг 94, 95,
212
котэ — нарукавник 158
коунки — садово-огородный трак-
тор 24, 157
коя-датами — стандарт татами
(6,6 саяку) 148
ку — городской район 69
кува-батакэ — посадки шелковицы
27
кутитори — вид закуски 137
кэн — префектура 57
кяхан — гетры 158

ливинг-кичен — кухня, используе-
мая как комната дневного пре-
бывания 95—96
ливинг-рум — комната дневного
пребывания 90
магуро — тунец 136
майко — ученица гейши 171
мансион — дорогостоящие апарта-
менты 73
маримо — несъедобная водоросль
190
мати — см. тё 57
маэдарэ — передник 158
маэ-син — см. обинта
мёга — имбирь 133
мигоро — полы кимоно 102
миндзокугаку — этнография (нау-
ка о народных обычаях) 4
миндзокугаку — этнография (нау-
ка о народностях) 4
мирин — вид саке 139
мисо — паста из перебродивших
бобов сои 22, 128, 130, 131, 134,
135, 139
мисо-сиру — суп из мисо 128, 134,
135
мицумамэ — бобы в сиропе 133
момохики — ноговицы 158
момпэ — шаровары 158
мон — фамильный герб 107, 108
мондокоро — изображение гербов
на платье 107, 108
монингу — европейское церемони-
альное платье 108, 211
монцуки — платье с гербами 106,
107
моти — лепешки из вареного тол-
ченого риса 25, 130, 131
мояси — проросшие бобы 131
мура — деревня, волость (админи-
стративная единица) 57, 58
мусимоно — вареное на пару блю-
до 136
мусу — томить на пару 131
мэсимоно — рис или лапша, зали-
тые соусом 127, 130, 142, 154
набэмоно, набэяки — блюдо, жа-
ренное в сковороде набэ 139—
140
нагадзюбан — см. дзюбан
нагая — дом барачного типа 67,
75, 76
найти — метрополия, собственно
Япония 17
накодо — сват 50
намасу — сырая рыба с уксусом
136

нанохана — цветочный рапс 132
натто — кушанье из бобов 131
нибоси — сушеные мальки 139
нигири-дзуси — катышки риса с
 ломтиком живности, см. суси
нигири-мэси — холодная закуска
 из катышков риса 130, 142
нимоно — вареное блюдо 136, 137
ниру — варить 131
но — классический театр 190—194
нори — морская капуста 129, 130,
 132
норимаки — суси, завернутые в
 морскую капусту 129, 152
норэн — занавеска типа ламбреке-
 на 147
нэги — лук 132
нэннэко — халат, укрывающий
 мать и ребенка 122
нэцкэ — брелок для закрепления
 мелких предметов на поясе 121

Оби — пояс 102—103, 108—117,
 121
обиагэ — поясной шарф 111—114
обиагэ-но-син — подушка для по-
 ясного банта 111—114
обидзимэ — шнурок, скрепляющий
 пояс 111—114
обишта — пластина, закладываемая
 в пояс для жесткости 111
о-дзэн — см. дзэн (стол) (стол)
окидоко — переносной вариант то-
 конома 148
окуми — кайма кимоно 102
окуригана — чтение иероглифов,
 подписанное рядом с ними сло-
 говой азбукой 55
о-куруми — детская пелеринка 119
о-микоси — паланкин для ками 47
онсэн — горячий источник 169—170
оригами — складывание фигурок
 из бумаги 177, 178
о-сибори — влажная салфетка 155
осиирэ — стенной шкаф 84
оябуи-кобуи — псевдородственная
 корпорация 43

патинко — механический бильярд
 188, 189

рамма — постоянная перегородка
 между верхним брусом фусума
 и потолком 83—85
риака — прицепная велосипедная
 тележка 203, 204
рикша (рикися) — коляска, приво-

димая в движение силой челове-
 ка 204
рокэцу-дзомэ — вид батика 154
рэйфуку — церемониальная одеж-
 да 106—109, 123, 211
рякусики — сокращенный церемо-
 ниал 141

сагэфуку — рабочая одежда 106
сакадзуси — бокал 151, 152
сакура — декоративная вишня 21
сакэ — рисовая водка крепостью
 15—18° 139—141, 151, 152, 177
сансё — японский перец 132
сасими — ломтики сырой рыбы или
 иной живности 136, 152
сатоимо — таро 132
сатоказри — визит невесты к сво-
 им родителям 52
сёга — имбирь 132, 133
сёдзи — скользящие раздвижные
 рамы 67, 73, 83—87, 97, 147, 148,
 168, 207
сёиндзукери — небольшое окно фи-
 гурного плетения 85, 88
сёю — острый темнокоричневый со-
 ус из перебродивших бобов сои,
 обжаренной пшеницы и соли 22,
 127, 131, 137—139
си — город (административная
 единица) 57
синто — национальная религия
 японцев 45—51, 81, 184, 187—
 189
сисо — пряная зелень 132
ситаги — нижний халат 121
сита-оби — нижний пояс 111—114
соба — гречишная лапша 130, 133,
 174—175
содэ — рукава кимоно 103, 107—
 116
судзуко — икра 137
суимоно — прозрачный суп 134
сукияки — вид набэяки 140, 177
сумо — вид борьбы 187, 190
сумока — борец-профессионал 171
сумономо — кислые закуски 127,
 137, 150
сурибати — ступка-терка 153
суси — подкисленный рис с мор-
 ской живностью 129, 130, 132,
 138, 142, 154, 177
сэйдза — манера сидеть с поджа-
 тыми ногами 199
сэйсикки — явление западного ти-
 па 7
сюнгику — листовая хризантема
 132

или другие крахмалистые продукты 128, 129
сюсёку — основная пища — рис
сякайгаку — социология 4
сяку — японский фут (30,3 см) 148

таби — носки с напальчником 104, 124, 125

таи — морской лещ 136, 137

такоцубо — горшок для ловли осьминогов 34

тасуки — шнур для подвязывания соды 117

татами — соломенные маты для покрытия пола 77, 83, 88—89, 143, 144, 148, 166—168, 199—201, 207, 209

тауэ — высадка рассады риса 19, 25, 184

тё — городок, квартал (административная единица) 57, 69

тёнан — старший сын 30, 31, 32, 40—42, 52

тигайдана — декоративные полки разного уровня 85, 90, 91

тираси дзуси — подкисленный рис, перемешанный с мелкой живностью 129, 130, 150

тиргами — гигиеническая бумажная салфетка 155

то — городской округ (административная единица) 65

токонома — декоративная ниша 77, 85, 90, 91, 143, 148, 168, 209

тори — ворота храма синто 81

тосо — вид сакэ со специями 141

тофу — соевый творог 130, 131

тэмпура — продукты, обжаренные в кляре 136, 150

тэнгуся — агароносная водоросль 132

тэнугуи — полотенце 155

тюдёку — см. хирумэси

тяван-муси — паровой паштет 152

тя-но-ю — чайная церемония 141

тясичу — беседа для чайной церемонии 141

уваги — верхний халат 121

удзигами — камни данного рода или местности 59

удзико — прихожане 59

удо — сельдерей 132

удон — лапша 130

укай — ловля рыбы бакланами 33

унаги — угорь 137, 174, 175

утикакэ — верхний халат невесты 107

утикакэсита — см. какэсита
урагиэси — двустороннее платье без изнанки 114

фуданги — повседневная одежда 105—110, 117, 123

фукудзши-дзукэ — пряные пикули 132

фукусёку — дополнительные блюда, сопровождающие сюсёку 128, 129

фундоси — набедренная повязка 110, 118

фурикодэ — платье с длинными рукавами 108

фуросики — платок для переноски грузов 205, 209

фусума — раздвижные перегородки внутри дома 83—87, 90, 91, 95—98, 147, 148, 163, 168, 176, 177, 207

футон — матрас или одеяло 84, 146, 154

хакама — юбка, юбкообразные штаны, также подстаканник 106—108, 151, 154

хакусай — салатная капуста 21, 132

хан-эри — сменный подворотничок 119, 146

хаори — верхняя кофта 107, 108, 110, 115, 116, 154, 211

хаппи — куртка 104, 158, 159

хара — горная степь 15

харэси — выходная одежда 105—109

хасёри — напуск кимоно при завязывании оби 121

хаси — палочки для еды 150, 151

хибати — переносная жаровня 92, 93, 148, 151, 163

хидана — экран-искрогаситель над очагом 92

хикитэ — выемки в дверях, заменяющие ручки 83, 212

хирагана — обычная слоговая азбука 54, 55

хирумэси — обед 128

хитасимono — овощи, обваренные в сое 127, 150

хомонги — платье для визитов 108

хонгэ — центральная семья патриинии 43, 44, 60

цуитатэ — экран на подставке 147

цукудани — продукты, консервированные в сое 127, 150

цукуэ — низкий столик 87, 88, 143
цукэмоно — маринад 127, 150
цунами — разрушительная при-
ливная волна 12
цуно-какуси — головной убор не-
весты 106
цуцугаки — вид батика 155
энгава — веранда 83
эри — воротник кимоно 102, 111,
119
эри-аси — вырез воротника на
спинке 110, 111

юката — легкое кимоно для сна и
прогулки 101, 102, 110, 118, 169
юсеку — см. баммэси

якимоно — блюдо, поджаренное на
углях 135, 137
якитори, якидори — куриный шаш-
лык 139
яку — жарить на углях 131
якуба — официальное учреждение,
контора, управление 58
ятай — передвижная харчевня 174,
211

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Страна и народ	10
Географическая среда	10
Занятия	18
Семейные отношения и формирование сознания	39
Глава II. Материальная культура	57
Поселения	57
Жилище	71
Одежда	99
Пища	127
Утварь	142
Глава III. Общественный быт	156
Сфера производства	156
Коммунальная сфера	165
Досуг и развлечения	183
Транспорт	198
Заключение	207
Указатель японских терминов	228

Сергей Александрович Арутюнов
СОВРЕМЕННЫЙ БЫТ ЯПОНЦЕВ

Утверждено к печати
Ученым советом Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР

Редактор *Б. Е. Косолапов*
Технический редактор *Л. Ш. Береславская*

Художник *И. Р. Бескин*
Корректор *Г. В. Стругова*

Сдано в набор 8/IV 1968 г.	Подписано к печати 2/VIII 1968 г.	A-08519
Формат 60×90 ^{1/16} .	Бум. № 1. Печ. л. 14,5.	Уч.-изд. л. 14,35
Тираж 15 000 экз.	Изд. № 2056. Зак. № 539.	Цена 91 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука». Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4